

И. Сотников.

Все пишут книги на коленках

16+

Игорь Сотников

Все пишут книги на коленках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42955531

SelfPub; 2019

Аннотация

Написать книгу, да нет ничего проще. За это-то проще и берутся два приятеля и коллеги по работе Алекс и Грег, забывшие о том, что сама жизнь это делает за них ещё проще.

Глава.1

– Эта история основана на реальных событиях.

Это правдивая история.

Описываемые в книге события произошли на самом деле.

По просьбам выживших, мы изменили все имена.

Из уважения к умершим, все остальное будет рассказано в точности, как и было.

– Тьфу, что за мантра? – обжёгшись чаем, заявил Грег.

– А что не нравится-то? По мне-то так довольно интригующее начало, – причмокнув губами, сказал в ответ Алекс, отодвинув от себя листок с этой написанной мантрой.

– Опять скопипастил откуда-то? – прищурившись, заметил Грег.

– Да при чем здесь это? Просто сейчас все нормальные истории начинают своё путешествие к зрителю с подобных подготовительных и в некотором роде интригующих прологов, – парировал Алекс.

– Зная твои пристрастия к вещам, которые трудно возвести в ранг нормальностей, могу предположить, что данная история из того же рода нормальных историй, находящихся за гранью обыденности. Нет, скорее всего, даже очень далеко за гранью, приближаясь к сумасшествию... – ответил Грег.

– А ты что хочешь от меня, раз такая потребность у зрителя? Подавай ему сумасшествие, с видом на обыденность их домашней жизни. Где уже сама их жизнь несёт в себе зачатки

этого готового в любую минуту вырваться наружу безумства. Где вы, глава семейства или домохозяйка, без зазрения совести, в каком-то исступлении, уже не чувствуя отвращения, режете на куски ближнего своего, – резюмировал Алекс.

– Так что ты мне опять что-то из кино вытащил на свет, – проявил проницательность Грег.

– Может быть, – уклончиво ответил Алекс, чем дал понять Грегу, что его предположение нашло свое подтверждение.

– Кино – это, конечно, хорошо, но мы с тобой собираемся трудиться совершенно на другой ниве искусства, – заявил Грег.

– А я бы не был столь категоричен и не стал бы отделять литературу от кино, которые имеют между собой массу пересечений, – встал в позу Алекс.

– Опять ты за своё. Я хочу просто сказать, что прежде чем они могли бы пересечься, нужно найти тот материал, который послужит этой точкой преткновения, – не сдавался Грег.

– Ну, вот я тебе и предлагаю начать с общего начала, – вновь вставил своё предложение Алекс, получивший пятёрку в школе за ответ на тему «Круговорот воды в природе».

– Да, в тебе живет великий копипастер, – ответил Грег, сам неплохо знающий эту круговоротность.

– Тогда, следуя твоей логике, каждый из нас в своём роде копипастер, раз использует в своем обиходе те же слова, которые были придуманы в те еще дремучие времена, – начал атаку Алекс.

– Не передергивай, – парировал его Грег.

– Ну ладно. Но если не слова, то их комбинации предложений, расставленных так замысловато, что этой своей расстановкой слов сможет создать нечто интригующе-интересное, мимо чего уже не может пройти читатель. И если предоставленная для его рассмотрения эта комбинация слов, образующая свою авторскую систему, сможет его захватить, то, пожалуй, нам удастся подсадить читателя на чтение именно нашего набора букв. Ну, а как только вся эта ваша словесная матрица сумеет высечь из своей сухой палитры букв, что уже способствует нашему делу, искру чувствительности и довести её до читателя, хотя можно и просто довести его, но тут не слишком явны последствия этих твоих действий, которые могут быть чреваты для нас. В общем, если твой словесный ключ найдёт свой отклик в сердцах читателя, то, может, тогда ты и скажешь: «А я, кажется, писатель».

– Хорош трындеть, писатель, – сбив мечтательность с Алекса, сказал Грег.

– На вот лучше почитай, что я принёс, – протягивая тому папку, сказал Грег.

– Что здесь? – в свою очередь спросил Алекс, тут же присоединившись к сонму тех, кто непонятно зачем задает такие бесплодные вопросы. Хотя кто знает, может, следующая попытка будет не столь бесплодна. «Ага, щас», – встрянет плодовитость, всегда требующая некоторых практических движений. Но тогда можно предположить, что она, эта папка,

скрывает в себе нечто скрытое от вашего взгляда, которое при неосторожном с ней обращении может даже вас уку- сить. Ведь так часто вам отвечают, замечая вашу нерешительность.

– Бери, не бойся, она не кусается, – подбодрил друга Грег, тем самым взяв на себя ответственность за то, что если она всё-таки кусается. Ведь и палка нет, да и возьмёт, и стрельнёт.

Выходит, наш Алекс и иже с ним не так просты, а просто даже очень практичны и осмотрительны, раз требуют от вас таких подтверждений в безопасности пользования этими канцелярскими принадлежностями.

– Меню писателя, – прочитал Алекс и картинно, как это делают экранные герои, выражая свое удивление, поднял одну бровь, тем самым стараясь вызвать уже у зрителя вопрос удивления: как, черт возьми, у него это получается? После чего зритель тут же бежит к зеркалу и пытается проделать нечто подобное. Но увы и, как правило, у него ничего не получается. И даже помощь руки, сверху подтягивающая бровь, не слишком-то удовлетворяет его, и он, с раздражением вернувшись к экрану телевизора, уже с меньшей симпатией смотрит на этого выпендрёжного актёра, который, надо отдать ему должное, справился со своей задачей и наконец-то вывел вас из себя, такого неприступного зрителя.

Но видимо, Алекс к этому вопросу подступил с большей решительностью, чем вы, опускающие руки при первой

неудаче. И как только этот хлыщ с экрана картинно посмотрел на него и еще на три сотни зрителей, Алекс не утерпел и, окончательно отбросив просмотр фильма, рванул в туалет, где, уставившись в зеркало, начал терзать свою бровь, пытаясь её приручить.

И даже тогда, когда сеанс показа фильма уже закончился, Алекс всё также стоял в туалете у зеркала и всё строил страшные гримасы, пытаясь сломить сопротивление второй брови, не желающей в одиночку, оставаться на своем месте. А ведь он, даже не догадываясь о том, что он своими действиями пугал всех заходящих в туалет, кто неосмотрительно бросал на зеркало свой взгляд. Откуда на вас взирала физиономия этого типа, которая при виде вас, с удивлением приподымала свою бровь и вы, только что посетив отдельную кабинку, решаете, что что-то с вами не так и поспешно начинаете искать в предметах своей одежды следы неаккуратностей, которые по всей видимости и вызвали этот взгляд укора. Правда, после того, как вы не найдя их, то вы вдруг начинаете подозревать этого типа уже в других намерениях, отчего приходите в негодование и плюясь, мигом покидаете это общественное место.

Трудно сказать, сколько Алекс бы ещё так стоял, но зашедшая уборщица, вызванная одним очень впечатлительным посетителем этого места, не желавшим, чтобы ему подмигивали при этом, заявив с ходу: «Туалет закрывается на уборку» – поставила точку на этих потугах Алекса, который,

впрочем, не стал упорствовать и бросился к себе домой, чтобы уже там закончить начатое. А ведь его в зале ждала приглашенная в кино девушка, которая поначалу с недоумением ждала Алекса, одиноко смотря на экран, затем её недоумение сменилось беспокойством, которое, в свою очередь, сменилось злостью на этого недоумка Алекса, который «только пусть попробует ей позвонить, мигом узнает, что я о нем думаю, засранец».

Этот загиб брови Алекса, который, надо отдать должное его стараниям, уже немного получался, всегда улыбало Грегга, не представляющего себе Алекса в ином качестве, как не занятого какой-нибудь новой своей причудой, вносящей сумбур в их спокойное существование. «Вот именно существуем, а не живём», – заявлял на все его рациональные предложения Алекс, предлагая иной подход к проблеме, которая, пожалуй, только разрасталась после вмешательства Алекса, со своим видением решения этой совсем, по его мнению, не проблемы.

(Из записной книжки Люцифера)

Все могут, но не каждый сможет

Пишут, как правило, по своему имеющемуся в наличии уму. Читают же, исходя из своих предпочтений, где ум зачастую берёт для себя выходной. При этом пишущие в основном держат слова в карманах, когда как читающие за словом в карман не лезут. Так что каждому своё: кому-то

по уму, а кому-то по его потребностям.

Так что:

Молодым – сопли.

Старым – эликсир молодости.

Будущим генералам – Клаузевица.

Отставным полковникам – Гарсию Маркеса.

Золушкам – принцев.

Принцам – согласно их видению своих Золушек.

Мачо – на все согласных миллионери.

Красоткам – на все согласных миллионеров.

Инвесторам – прибыль.

Подрядчикам – на все согласных миллионеров и миллионери.

Эротоманам – клубничку.

Гастрономам – поваренную книгу.

Жирным – бескалорийный майонез.

Худым – размечтались, им бы проблемы толстых.

Интриганам – скелет в шкафу.

Ну а влюбленным, влюбленным, а им пока что ничего не надо, у них всё есть, кроме, разве что времени, но они его не замечают и от того-то счастливы.

– И что это такое? – прочитав, уже непроизвольно загнув бровь, спросил Алекс.

– Ну, это основные тезисы, на которые мы будем опираться при работе над нашей книгой, – ответил Грег.

– Вот как... – сделав многозначительное лицо, ответил

Алекс.

– Да, вот так, – в свою очередь заявил Грег. – Проблема в том, что времена поменялись, и принцы сейчас все больше Чарльзы, а графья по большей мере только Бики. Да и с Золушками та же проблема, все мнят себя принцессами, когда этим диванным приложениям ещё надо дорасти хотя бы до кухарок.

– Ну, это ведь можно использовать как новые смыслы старых изречений. Мол, мир не стоит на месте, все течёт, все изменяется, и принцы уже не столь старомодны и всё чаще ищут в зарослях кустов ни этих чудных созданий, Золушек, нет, им всё чаще подавай разных там Камилл, ради которых так и хочется бежать на край света, только не за ними, а от них, – высказал своё видение Алекс.

– Ну, с последним ты немного поторопился. А так твоя идея мне нравится, – ответил Грег.

– Это они, может, поторопились, а я, как сказал наш редактор, тонко чувствую момент, – заявил несколько самоуверенно Алекс.

– Я вас понял. Ваше воображение и фантазия мне всегда импонируют, – вставил свое слово Грег.

– Это что за намёки? – в ответ заявил Алекс.

– Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. – Выдал тираду Грег.

– Да ты, я смотрю, и сам грешишь тем же? – засмеялся

Алекс.

– Знаешь, твоя идея с дисклеймером довольно интересна. Только надо придумать что-то другое. Вот, например: «*Опубликовано после моей смерти*». – А? Чем не интрига? Тут сразу же возникает завязанных на этом предложении масса вопросов. Почему после смерти, да и была ли она, раз он утверждает, что публикация произошла после якобы его смерти. А, может, опять здесь замешано потустороннее. Так что надо будет поработать над этим, – бросился в рассуждения Грег.

– А чем тебе моё первое предложение не нравится? Не потому ли, что его придумал я? – выразил свое предположение Алекс.

– Заимствования к месту никогда не помешают, но всё же мы хотим создать что-то свое, от которого уже другие будут черпать свои идеи и, даже предположу, заимствования, – заявил Грег, посмотрел на Алекса и продолжил: – Ну, а начинать свой труд именно с этой заставки, по моему мнению, весьма близкой к выдумке, мне кажется, не столь хорошая идея. Тем более эти общие слова об имевших место событиях очень уж общие и ни к чему не обязывают.

Вот я, к примеру, сходил в туалет, а они, такой же эпизод, вставив в этот фильм, уже имеют право трезвонить на весь мир, что случившиеся события отражены в их истории. Которая, может быть, выдумана от начала до конца, но раз посещение туалета есть документальный факт, то, значит, уже

не выдуманная история. И знаешь, не надо мне тут говорить, что посещение туалета не есть событие, а так, пустяк, на что я тебе только скажу, ты парень ещё зелен и не проходил процедуру под названием провокация. После которой для тебя это посещение будет ох, какой незабываемой историей, которую я, по просьбам выживших, не буду приводить в этой части повествования.

– А я как раз не согласен. Ведь для зрителя или того же читателя это своего рода игра. И он, придя в кино или раскрыв книгу, принимает для себя эти правила игры, которые диктует фантазия автора или создателя фильма, где его отсылки к документальности тоже есть часть действия, создающего свой определенный фон, на который и накладываются краски развивающегося сюжета. Так что я за свое предложение, – с горячностью заявил Алекс.

– Ладно. Ты почти меня убедил, – ответил Грег, однако про себя думающий, что «все равно, всё будет по-моему», но по чьему вышло, вы, читающие эти строки, уже, наверное, определили для себя, что ни в коей мере не умаляет достоинства обоих участников разговора. И надо сказать, что довольно часто Грег мог, расправив свои плечи, заявить: «Вот всё и получилось так, как я сказал».

– Но если в техническом плане возможен компромисс, то уже насчёт искусственности в искусстве, это слово неприемлемо. К примеру, мы готовы терпеть в некоторых областях жизни некоторые дискриминационные меры в отношении

нас. Так, например, исходя из бюджета, мы можем обойтись более дешевыми продуктами. Мы, если что, готовы терпеть определенную несвободу, если это касается нашей безопасности. Также мы можем закрыть глаза на то, что, возможно, кто-то там за нами ведет слежку, предоставляя нам бесплатный продукт общения по сети.

Но выбирая книгу, мы вряд ли сможем поступиться своими вкусами и даже в некоторой степени своими принципами, выбирая для себя только качественный продукт, который проходит самую качественную, двухуровневую проверку, от двух относительно независимых источников – сердца и мозга. И несмотря на тиражность выпускаемого книжного продукта, он при всем при этом единичный продукт. Ведь прочтение книги – сугубо индивидуальный, душевный процесс, и независимо от того, что её создал автор, для читателя она представляется и видится в том единственном экземпляре, отражающем уже его мысли и душевные порывы, – закончив говорить, отчего Грег, видимо, обрел сухость в горле и решив срочно её ликвидировать, полез в сумку за бутылкой воды, глоток из которой и вправду решил эту проблему.

– Ну ты и загнул, – выразил свое одобрение Алекс, не ищущий для выражения своих эмоций легких путей. Грег уж было хотел ответить в таком роде, что не пальцем, значит, он тоже, как бы не совсем деланный, но неожиданное появление редактора не позволило Грегу, и нам в том числе, услышать эту местами неприличную историю о неучастии паль-

цев в деле зарождения Грега. Конечно, тут может возникнуть логичный вопрос: «Откуда, мол, у меня такая информированность насчет этой истории, раз я выдаю ей такие характеристики, как «весьма неприличная». Ну, на этот счет у меня один ответ, в чем-то сходный с ответом Грега. Я, как говорится, тоже не пальцем деланный. А вот насчет столь любознательных эрудитов, то я бы не был столь категоричен в своих утверждениях.

Но Грег не успел ответить Алексу в той же манере, объяснив ему всю кривизну его замысловатости слов, как вошедший в кабинет главный редактор вдруг озадачился и спросил их, над чем они в данный момент работают.

– Да-да, вот то-то же. Нам всем интересно, что же всё-таки здесь происходит? И пока что за этими всеми разговорами для нас никакой ясности так и не проявилось. Так что пора бы уже вам для нас провести небольшой ликбез, озвучили бы свою просьбу учащиеся вечерней школы, после того как написали бы на школьной доске фразу «мы не рабы, рабы не мы».

Глава.2

Вводная глава

«Почему без каски?» – спросил рабочего летящий на него кирпич, чем сбил его с ног своей актуальной постановкой вопроса. А ведь своевременная подготовленность вопрошаемого в поисках наилучшего ответа на этот вопрос, могла бы обойти стороной столь неудобную для его головы задачу. Да,

несвоевременность часто выбивает почву из-под наших ног. Но вот другой вопрос, готовы ли вы без этой защитной каски слышать эти вопросы в свой адрес, хотя в данном случае, без сомнения, вопрос уже точно достигнет своей цели. Так и у каждого сотрудника, работающего в издательстве, в котором мы застали за работой Алекса и Грега, была своя защитная каска, которая, впрочем, всегда пользуется спросом. И ни в коем случае не надо её путать с вашим иммунитетом и тем более с вашей толстокожестью, через которую до вас ой как трудно достучаться, хотя, надо признать, что и этим вашим качествам надо отдать должное, ведь они тоже не раз выручали вас в трудную минуту.

С кого же начать? Что за вопрос, раз уж эти двое слоняются без дела, и нечего тут говорить, что мыслительный процесс нельзя регламентировать, всё можно, просто нет на вас плохого редактора (каких, как говорят знающие люди, в помине не бывает), который бы вам показал, как надо уметь гайки закручивать, хотя вы, наверное, знаете и уже не раз помогали ему в этом деле при замене колес.

Ладно, давайте не будем столь внимательны к вашему внутреннему миру жизни редакции, по крайней мере в той её части, касающейся колес, ведь не у всех есть машины и боюсь, что данный технический обзор вызовет нежелательную реакцию тех безлошадных читателей, которые с завистью смотрят на пролетающую мимо них какую-нибудь небесно-белого цвета ласточку. Алекс и Грег, Грег и Алекс,

что-то тут не так, и ваши имена вызывают у меня и того подозрительного читателя сомнения в подлинности этих ваших имен. А что тут удивительного и даже как-то странно слышать подобные обвинения на свой счет и, если хотите знать, то Алексу и Грегу нечего скрывать и они могут вот так прямо вам в лицо назвать свои настоящие имена, которые, впрочем, вам ничего не скажут. Ведь суть дела здесь не в том, как вас по-настоящему зовут, хотя, что такое по-настоящему? Разве то, как вас записали в свидетельстве о рождении, совершенно не учитывая пожелания того, кому с этим именем жить, есть наиболее настоящее, чем мнение на этот счет самого владельца имени (заметьте: владельца!). То есть имя – есть вещь приобретенная и, значит, временная. Выходит, что настоящее – это то, что действует в настоящем времени и которое необязательно будет действовать в будущем, а ведь, может быть, я себя чувствую более комфортно каким-нибудь Роландом или Йориком, и вот тут возникает свой вопрос, так что для вас все-таки значит по-настоящему – запись в метрике или же то, кем вы себя осознаете?

К тому же окололитературный мир со своими пристрастиями к псевдонимам невольно требует от вас, желающего присоединиться к нему, как-то обозначить себя, хотя бы даже через тот же псевдоним. Конечно, вымышленные имена наших героев еще не были полноценными псевдонимами и были известны только ограниченному кругу людей, включающему Алекса, Грега и еще одного доверенного лица, кото-

рое, по понятным вам причинам, можно не называть.

«Ну что за детский сад, такими играми мы занимались еще в детском саду», – не неожиданно посетует обладатель серьезного лица, имеющий достоверные сведения обо всем, в том числе и о том, чем вы занимались в детском саду. Возможно, и даже мне кажется, что таким взрослым под и за тридцать лет дядям негоже заниматься ребячеством и мечтать о писательской славе, да и вообще, раз вас взяли на работу в издательство, это еще не значит, что вы приняты в круг избранных, известных своей приближенностью к слову, которое так жжёт сердца читателей. Так что сидите и занимайтесь своей трудовой деятельностью, отбросив все свои мечты и фантазии, которые, скорее, игра вашего воображения, чем что-то, имеющее связь с реальностью.

Но нет, им все неймётся, и вот они, не слушая голос разума, делают свой первый шаг и придумывают для себя эти дурацкие имена. «Ну и пусть не получится. Но попытаться-то ведь стоит. Ну а если же ничего не выйдет, так в этом будут виноваты Алекс и Грег, а не Алексей и Олег. Вот так-то», – со злостью хором заявляют наши герои. Хотя, разве можно измерить мечту, правда, некоторые знатоки проблематики их осуществлений заявляют об их возрастном цензе, а также о малых и больших величинах этой субстанции. На что ответственно заявлю, что данный подход в корне неверен и, скорее, говорит о корыстности этих мечтателей, желающих поставить мечту на службу себе. В этом же вопросе нужно

подходить совсем с другой стороны, а именно со стороны мечты, и здесь ответ на ваш вопрос будет предельно прост для мечты, каждый из вас одинаково близок, так же как и далек. И понимая это, как вам это заблагорассудится, вы, исходя из этого, либо можете дотянуться до нее рукой, либо вам только светит заметить ее блеск в облаках. Но все-таки знайте одно, для нее вы всегда будете детьми, тянущимися маленькими ручками вверх к ней, такой, едва уловимой.

Свой путь к перу в техническом плане каждый проделывает практически по одному и тому же схематическому плану. Так, после того как тебя научили писать, ты садишься за стол (в беседку, на пол и т. п., что сути не меняет), берёшь ручку (машинку, комп, про суть смотри в первой скобке) и пишешь (печатаешь, дальше без объяснений). Но вот то, что тебя понуждает проделать этот путь, уже неисчислимо, ввиду бесконечности вероятностных вариантов. Но, как говорится в одной бразильской поговорке, после того, как ты попытался стать футболистом и не смог им стать, только уже после этого ты можешь попытаться стать президентом. Видимо, не все попытки наших героев были удачны, а кушать все-таки надо каждый день, то ими и была избрана стезя, очень близко связанная с литературным творчеством, что подсказывает нам, что они еще не отказались от своих планов и еще совершенно не хотят стать президентами.

После же окончания университетов и работы по разным местам, наши герои, правда, в разное время, зашли в две-

ри этого издательства и были приняты на работу в качестве рецензента под сводами этого уважаемого издательства. Конечно, они пришли сюда не так просто с улицы, у каждого из них была за плечами соответствующая дипломная и практическая квалификация. Как говорится, совместный труд сближает, хотя это утверждение, скорее, верно в плане физического труда, творческий же процесс сразу вскрывает все ваши противоречия, что ведет к несовместимости нахождения вас под одной крышей с тем непонятливым типом, который, как оказывается, имеет на всё свою особую точку зрения.

Но чья же точка зрения все-таки одерживает вверх и отчего же зависит итоговый результат этих творческих противостояний, ведь должен же быть какой-то определяющий ориентир, по которому сверяются все стороны при вынесении своих решений. Так ведь, редактор? А может быть, определяющим в вынесении решения о продвижении работы к печатному станку, естественно, кроме известного имени, является особенный нюх рецензентов, чующих тот самый каштан под землей. Не знаю и не хочу гадать, но одно могу сказать, что аполитично настроенных против редакционной политики издательства, долго не держали под его сводами, а Алекс и Грег задержались здесь благодаря своему нюху до хороших авторов, чем заслужили панибратское к себе обращение от главного редактора: «мои нюхачи», на которое они, следуя самими ими же придуманному этикету, в ответ проводили

указательным пальцем по внешней стороне носа, при этом с серьезным видом кивая друг другу, мол, мы, так и быть, согласны, и, пожалуй, что это тонко замечено.

Конечно, не мне вам объяснять, что данный рецептор всего лишь внешнее выражение всей той огромной системной работы, проводимой ими на основе как уже полученных знаний, так и на постоянном изучении современных тенденций в информационном пространстве, где литературные новшества занимают далеко не первое место. А для этого надо иметь ох какую многогигабайтную память, где каждому запаху отведено и присвоено свое место, в соответствии с его принадлежностью к тому или иному определяющему его объекту, которые существуют в миллиардах экземпляров. А ведь унюхав запах, его еще надо квалифицировать, найдя принадлежащую ему ячейку, и после этого уже действовать в соответствии с полученным результатом: либо друга облизнуть, либо врага укуснуть – и другое не дано. А ведь неожиданный сбой в системе может привести к плачевным результатам, и пес может легко перепутать алкоголика Петровича с наркоманом Кривым из пятого подъезда.

«Ну, и ничего здесь нет страшного, – заметят определенные лица из первого подъезда. – Что один дегенерат, что другой не просыхают». Ах вот вы, значит, как смело делаете оценки. Но я вам скажу одно, что это всего лишь только ваша точка зрения на это. А для нашего Полкана алкоголик Петрович есть наипервейший человек на всем белом свете, ведь

Петрович никогда не забудет Полкана и всегда прибережет для него что-нибудь съестное, не то что этот сутулый Кривой, который, накурившись там чего-то, готов и последнее вырвать у тебя из миски. Нет, ничего не говорите, а лучше внимательно посмотрите, хотя бы на то, что кроме вашей, есть и другие точки зрения.

А ведь процессор собаки, как утверждает голова природы человек, обладает не очень большими возможностями по сравнению с ним, человеком, которому приходится обрабатывать во много раз информации. Что ж, не буду противопоставлять себя своему роду и соглашусь с этим его утверждением и просто скажу, что я просто хотел провести аналогию и на этом примере показать ту работу, которую приходилось проводить нашим рецензентам. Но что же все-таки я хотел сказать про этот их так востребованный нюх? Чем же он был для них? А разве не понятно? Да-да, для них он служил неким подобием каски, выручавшим их в сложные моменты.

По всей видимости, со временем их противоречия, без которых все же не обойтись, ввиду их незначительности, поистерлись, и Алекс с Грегом в один из рабочих дней за между прочим коснулись этой, так волнующей темы писательства. Можно предположить, что кто-то, например Грег, косясь сбоку на Алекса, в шутку бросил фразу:

– А я все-таки думаю написать что-нибудь.

– И я тоже, – как ни в чем не бывало, ответил, кусая свой

хот-дог, Алекс.

– И как продвигаются дела? – определенно осторожно спросил Грег.

– Да пока никак, – жуя, ответил Алекс.

– Так, может, объединим силы? – с деланной легкостью предложил Грег.

– А почему бы и нет? – с не деланной лёгкостью ответил Алекс.

– Нет, я ведь серьезно! – уже не скрывая свою серьезность, заявил Грег, уставившись на Алекса.

– А как же иначе?! – поднявшись с места, заявил Алекс, дожевывая хот-дог и продолжил: – Да я, может, только и пошел сюда, чтобы быть ближе к издательскому телу.

Грег же после этих его слов молча протянул ему руку для рукопожатия, с помощью которого и был заключен между ними договор о сотрудничестве.

– Ну, я думаю, твоя близость к музе сослужит нам хорошую службу, – высказался Грег, чей намек вызвал некоторое смущение у Алекса, добивающегося благосклонности у этой ветреной особы.

Но Алекс не стал распространяться о своих чувствах и выразил предположение, что Грег сам, пожалуй, не обделен вниманием этой особы, на что последовал весьма невразумительный ответ:

– Да ты что? Ну, не как ты!

Что дает нам право заподозрить их в некоторой неискрен-

ности в своих заявлениях, по поводу их близости к музе. По всей видимости, каждый из них желал от нее несколько большего, чем она позволяла им на данный момент. И надо полагать, что каждый из них втайне от всех все-таки считал себя состоящим в более близких отношениях с этой свое- нравной дамой. На что она, надо признаться, имела свое осо- бое мнение. Да, вот так-то. Она девушка свободная и еще, может быть, не готова к серьезным отношениям, а тут каж- дый норовит ее околдовать своими предложениями о вечной любви, забывая о том, что дороги назад не будет и, отдавши ей свою душу, тебе уже не станет мил этот белый свет. На что мало кто готов на самом деле.

Так что перед музой стоит весьма сложная задача: кому же отдать свое сердце и тем самым обречь его на вечные муки творчества, без которых он уже не сможет представить свою жизнь. А тут сразу двое, еще шведскую семью предложите. Да уж, конечно, у нее нет отбоя от поклонников, и она в лю- бой момент может заглянуть вечером к какому-нибудь оди- нокому властителю дум, который для нее всего лишь жалкий проситель, и принести ему счастье в дом. Как бы поступи- ла на ее месте особа более принципиальная, трудно сказать. Но она, получив такие недвусмысленные заверения от этих двух, хоть и довольно симпатичных, но наглецов, в их бли- зости к ней, которая еще даже повода для этого не давала, а то, что она как-то вечером погладила их, так сладко спя- щих у себя в кровати, то это еще не значит, чтобы делать та-

кие выводы.

В общем, она, как видная девушка на выданье, к тому же на все имеющая виды, всегда дает вам шанс проявить себя и заслужить ее благосклонность. Что ж, муза решила слегка поиграть, но только по своим правилам в этом возникшем любовном треугольнике. А играть на чувствах она умеет, как не ей знать все их хитросплетения, к которым раз за разом она прикладывает свою руку. А что поделать, женское начало берет свое, вот и приходится ей для красоты заплетать косички, в качестве которых всегда выступают чувства, так красящие нашу жизнь. Вот она и тревожит сознание то одного, то другого, заглядывая к ним время от времени в разное время, чем вызывая ревностные чувства у обоих.

«А мне их несколько не жалко, – заявляет эта злопамятная муза. – Они сами первые начали», – уже несколько меняя тон, оправдывается она, для которой все же их внимание приятно, особенно вон того, но кого, она не скажет, ведь и у неё могут быть свои девичьи секреты.

Наши же герои решили, что все старые их наработки надо пока отложить до возможных (что маловероятно) безмуzych времен. Хмурый взгляд музы на эти слова тому подтверждение. И так как новое дело для своей успешности требует всего нового, то было решено все начать с нуля.

– Я еще не знаю, что у нас получится, но в моих планах вывести наше АО на уровень золотого ИП, – высказал свои широко идущие планы Грег.

У Алекса же на этот счет было свое филигранное предложение.

– Знаешь, что я хочу предложить? – Молчание Грега подсказало ему, что он пока не знает, но очень хочет знать, и Алекс, воодушевленный этим, продолжил: – Нам нужна хорошая встряска.

– Не понял... – удивился Грег.

– Просто окинь нашу повседневную жизнь. Чем она замечательна, а? Да, и я скажу: только своей обыденностью и больше ничем. А мы с тобой разве не пришли к решению, которое, возможно, перевернет всю нашу жизнь, не оставив камня на камне от ее прежней серости? – разгорячился Алекс.

– Я начинаю тебя понимать! – воодушевленный Алексом, заявил Грег.

– Так вот, нам надо хорошенько встрясти себя, чтобы на смену нашему вялотекущему осознанию окружающего мира пришла полная энергии мысль, которая может даже иногда пойти в несознанку, – слегка путано выразил свою мысль Алекс.

– Я понял. Пока мы не изменим свое мышление, свой взгляд на мир, у нас мало что получится, – ответил Грег, который умел улавливать мысли Алекса и выражать их словами. Видимо, в таком качестве и должен был работать их тандем. Алекс был бы генератором идей, ему же, Грегу, предназначалась скромная роль облачать их в виде слов.

– Так когда пойдём? – спросил Алекс.

– Ну, сегодня понедельник. Значит, тогда в пятницу, – ответил Грег поняв Алекса с полуслова, а если бы не было такого взаимопонимания, то, пожалуй, и этого разговора бы и не было. Правда, так и осталась загадкой эта связь понедельника с пятницей, ведь, если, к примеру, сегодня был бы вторник, то тогда что, пятница не подошла бы? Ведь, как я понимаю, пятница, как последний рабочий день недели, так и был бы выбран на заклятие. Но всё же в этом напоминательном действии есть свой какой-то глубинный смысл, обрекающий на забвение все другие рабочие дни, когда как тем дням, которым выпала честь называться уик-эндными, придется остаться в памяти так весело проводящих их людей.

Так что всему есть свои предпосылки, ну и вследствие их и свои посылки, которые и приведут нас в пятницу, ну а куда, я уж думаю, вам не надо объяснять, ведь вы, я уж надеюсь, тоже меня понимаете с полуслова, а если нет, тогда я не понимаю, почему ещё... Что, опять не поняли? Ну, тогда уже я не понимаю. Ну да ладно. Я всем рад.

Впрочем, работа Алекса и Грега не ограничивалась одним только рецензированием книг, также иногда им приходилось брать на себя работу редактора и в особых случаях править тексты вместе с заслуженными авторами произведений. Правда, не надо задаваться и бить себя в грудь, называя себя редактором, ведь главное – это прилагательное. Ведь если окинуть взором все издательство, то можно сде-

лать вывод, что каждый из работающих здесь, через одного и есть какой-нибудь редактор: художественный, технический или, на худой конец (что есть многослойная метафора), главный. Так вот, конечный результат, то есть главный редактор, и считался здесь царем и богом, но эти слова были не применимы к нему, ввиду их ничтожности по сравнению с самим словом редактор, естественно, в его главной ипостаси.

Но не всё так просто и, наверное, нам было бы скучно, не существуя на этом белом свете тех, кто бы не считал, что места в первом ряду вами заняты не по праву и вам, пожалуй, надо бы слегка подвинуться на задний ряд. К этой значительной группе нескучных людей относилась вторая по численности, но первая по наглости когорта различных специалистов, считающих себя за о-го-го каких специалистов и даже имеющих дерзость называть главного редактора специалистом своего дела, что не может не вызвать справедливого гнева в рядах редакторского состава, считающего эти их заверения неприкрытым подхалимажем, целью которого является перетянуть на свою сторону защитника и опору всех редакторов издательства— главного редактора.

А что поделатъ, специалисты умеют извлечь выгоду из своего положения, грубо подкрепленного материальностью нашего мира, где без их участия трудно осуществить производство книги с ее последующим продвижением на рынок продаж. Чем они и пользуются, считая себя неотъемлемой частью создания книги, ни в грош не ставя её духовных

создателей, редакторов, час от часу напуская на них своих корректоров, которые беззастенчиво и цинично устраняют ошибки, опечатки и другие различные упущения, которыми так красиво пестрят тексты работ. И ведь смогли же убедить главного в том, что их работа столь важна, и вот уже редакторы у них на посылках и совместно с ними ведут эту корректорскую работу.

Но и это не всё, их влияние уже распространилось на все сферы издательской работы, начиная от приема рукописи ответственным секретарем, имеющего прямой контакт со специалистами и по налаженной схеме передающим им все поступившие работы, что уже дает нам понять, что вся работа издательства строго находится у них под контролем, и заканчивая версткой оригинала-макета, где у них есть свои профессиональные верстальщики, также считающиеся специалистами своего дела.

Кастовость этой группы спецов, правда, нагло считающих, что все иначе и всему причиной является их профессионализм, в общем, не буду спорить, ведь их не переспоришь, да и, пожалуй, еще заверстают тебя где-нибудь в подворотне, так что можно констатировать, что эта их профессиональная кастовость (приходится идти на компромисс) и была их каской безопасности, которая так необходима на этом опасном производстве. И не надо иронично хмыкать насчет слова «опасном», попробуйте зайти в редакторскую, когда идет обсуждение очередной авторской работы, кто знает, выдер-

жит ли ваш мозг ту динамичность ведущихся споров и тех трехэтажных аргументов, которыми так изобилует речь оппонентов. И даже если и выносятся решение по какой-нибудь детской книжке, читатели которой до таких слов еще пока не дожили, да что там не дожили, сама эта детская книга должна нести в себе доброе начало, которое и имеет своей целью воспитание будущего поколения, у которого словарный запас не поднимался бы выше первого этажа при его употреблении. Но вы послушайте наших спорщиков, которые, видимо, считают, что только из хаоса, в котором есть место всему, и может появиться что-то достойное этого света.

А ведь бывает и так, что полемика обсуждений перемещается в курилку, хотя и в редакторской предусмотрены пепельницы и даже есть негласное разрешение главного, несмотря на неоднократные предупреждения пожарника, которого, впрочем, все посылают почему-то идти куда-то лесом. Так вот, затуманенность и нейтральность курилки, видимо, дает больше простора для свободы высказываний спорщиков, чему они вволю, насколько это им позволяют легкие, выносят своих противников из общего пространства нахождения решения проблемы. При этом никто не стесняется в своих выражениях, а иногда даже как бы случайно, тем более закуренность помещения позволяет этим ловким маневрам, толкая локтем своего оппонента либо изощренно наступая ему со всей силы на ногу.

И как после этого они еще хотят противостоять наседаящим на них со всех сторон специалистам, которые своей сплоченностью уже отвоевывают для себя место по всем фронтам издательского дела. Но надо признаться, что и среди специалистов существует свои скрытые персоналии, которые втайне от всех жаждут приобщиться к этому редакторскому кругу. Что ж, перебежчики есть везде, ведь и им ничто человеческое не чуждо, в особенности, если в дело вмешивается твое тщеславие или еще что-то в этом духе.

Впрочем, не все в издательстве занимали политически мотивированную позицию, а просто жили в своем отдельном пространстве. Но что с них возьмешь, на то они и художники, для которых окружающий мир состоит из красок и образов. Правда, специалисты успели отметиться и здесь, в этом кружку, обозвав их дизайнерами, чем вызвали веселость духа и продолжительный смех у редакторской группы художественного отдела.

– Конечно, следуя их логике, и художественную литературу пора переименовать в дизайнерскую. Ха-ха, специалисты, – презрительно отзывалась о них эта редакторская группа, особо выделяя последнее слово, которое уже имело в их обиходном обращении значение несмываемого клейма. На что в среде специалистов тоже был свой асимметричный ответ, который состоял из ядовито сказанного слова: «редактор, твою мать».

Что, конечно, совершенно не принимается редакторской

группой, видящей в них художественный потенциал для дальнейших своих действий, в особенности в той, не только новенькой, но и весьма молоденькой симпатюле Олесе, которая так живо реагирует на ваши подчас плоские шутки.

Ах, вон оно что, а я-то думал, что тут столкнулись два антипода, две глобальные непримиримости, имеющие начала материального и духовного свойства, чье противостояние заставляет нас осмысливать жизнь и не дает нам застояться. А тут оказывается, всё дело в этой маленькой хохотушке, которая, сдунув упавшую на глаза прядь своих рыжих волос, ласково на вас посмотрела и вы в тот же момент уже никакой там не редактор и не специалист, а всего лишь безнадежно влюбленный, готовый ради этого ее ласкового взгляда пойти и откорректировать того, кто посмеет сказать, что ее глаза не самые прекрасные на свете.

А эта её родинка, нашедшая для себя место на самом срезе её выреза декольте, так волнующе подмигивающая вам в моменты особенного ее лучезарного настроения, вызванного особой вашей шуткой, так и не дает вам покоя и сводит с ума. И вот уже каждый в отделе старается что-нибудь придумать и тем самым вызвать ее смех в сопровождении этой смешливой, такой любопытной родинки. Ну а когда речь заходит о ней, то каждый пытается первым вымолвить ее имя с приставкой «наша Олеся», при этом каждый втайне от всех хочет заменить это местоимение «наша» на более близкое «Моя».

Но наша Олеся не всегда бывает столь улыбочлива и лучезарна, и в те моменты, когда к ней в отдел заходит Алекс, ее охватывает какая-то несвойственная ей серьезность и даже, не побоюсь этого слова, печаль. Сложно вот так разобраться в причинах, побудивших её к серьезности, может непристроенность этого Алекса, начиная с его прически, в которую так и хочется запуститься руками, бередила душу нашей Олеси, которая весьма трепетно относится ко всему, что или кто, по ее мнению, требует помощи, а значит, и её участия.

Так в её доме появился вначале котенок, который трудно сказать откуда взялся, но каким-то образом оказался под её дверьми (как будто чуял, куда надо своим писклявым мяуканьем заявлять о себе) и своим пришибленным видом чуть не заставил ее потерять сознание от переполнявшей её сострадательности и нежности. Который уже позже, не стесняясь, взял в оборот Олесю и живет себе, не желая, как тот кот из мультика, какого-то там Таити.

Вообще, наш Мурзик придерживается определенных ортодоксальных взглядов на жизнь, не идущих ни в какое сравнение с универсальной религиозностью основной массы кошачьего племени, которая, по его мнению, уже совсем заблудилась в этом мире, тем самым перестав отождествлять себя с правоверными кошками и переметнувшись в стан их извечных противников «псов господних». Мурзика не так просто завлечь каким-нибудь лакомством и перекупить его убеждения, и он ни за что не променяет жизнь под сводами

Олесиного дома, с её не таким уж богатым рационом из молока и рыбы по праздникам, на заграничную жизнь, со всякими там вискас и китекет. Что он частенько и доказывал своими длинными когтями этим гламурным кошарам из дома напротив, особенно тому блондинистому лохмачу из Персии, так нагло не дающему проходу его ненаглядной кисе.

«Кот должен всегда котироваться, где бы он ни жил», – заявлял Мурзик своим последователям, рассуждая на месте их вечернего сборища у соседского подъезда, с чем не мог не согласиться ни один из соседских котов, которые считали Мурзика, или в их кругу Мурзу, за весьма просвещенного кота, который был знаком с трудами самого кота Мура, в изложении небезызвестного его биографа А. Гофмана. А те, кто по незнанию или по какой-то другой причине, если изъявляли свое несогласие с авторитетным мнением Мурзы, то после знакомства с его когтями быстро приходили к согласию, заявляя, что еще никогда в жизни не получали столь аргументированных доказательств.

Конечно, и скорей всего небезосновательно, могут возникнуть сомнения в таком положении дел, и некоторые весьма недоверчивые господа выразят свою точку зрения, не веря в то, что Мурзик каким-то образом научился читать, и даже предположат, что он, пожалуй, даже привирает своим собратьям в своих знаниях трудов кота Мура, которые даже им, людям просвещенным, не всем полностью известны. На что я должен выразить свой протест, заявив, что часто сам был

свидетелем того, как Мурзик, кутаясь в Олесиных объятиях, следом за ней очень внимательно пробежал по страницам открытой книги, имеющей авторство Гофмана. При этом в особо интересных местах он часто сопровождал их своим мурлыканьем, чем вызывал одобрение тем местам в книге, которые, по его мнению, очень удачно описывались автором.

Поговаривают также, что родословная нашего Мурзика, чему и он не раз давал свои туманные подтверждения, действительно, имела свою касательность к этому легендарному коту. Во что, надо признать, ввиду отсутствия каких-то тому подтверждений, не особенно верится, что есть всего лишь глас лизоблюдов и подмурлык, которых среди кошачьего не меньше, а может, даже и больше, чем среди рода человеческого.

Затем вдруг нашелся этот пес Степан, о чьей породе не спрашивают, ввиду ее известности, который также прошёл все стадии совершенства и превратился из маленького задрипанного щенка Степки в лоснящегося от жира Степана. Конечно, поначалу между ним и Мурзиком были трения, приводящие к различным недоразумениям, которые, как правило, касались в определении своего достойного места в этом жилище, от которого, надо заметить, зависело очень многое, как от количества корма до уже твоего места рядом с хозяйкой, так что за это стоило побороться. Но со временем поняв, что еды до отвала, наши оппоненты решили, что, собственно, им делить нечего, так что война

перешла в русло мелких стычек, вызванных, скорее, вредностью скучающего Мурзика и, как заявляет Степан, его инстинктами.

В издательстве, конечно же, знали, что Олеся в свободное время выгуливает свою собаку в парке, к которым время от времени присоединяется и этот зловредный Мурзик, так что эти весьма информированные сотрудники иногда как бы невзначай пересекались с Олесей в парке, предлагая ей совместно погулять по нему. При этом у них в руках неожиданно оказывалась колбаса, которую они случайно купили в магазине и которой с большим удовольствием делились с этим милым псом. Но Степан, не больно-то верил в искренность их намерений и считал, что он всего лишь звено в их хитрой комбинации по завоеванию симпатии его хозяйки. Так что Степан особых иллюзий не строил на их счет, но и от колбасы также предпочитал не отказываться, кусая её так, что, пожалуй, процесс поделиться заканчивался в его пользу и разве что, только руки дающего мешали ему сделать окончательный расчет с этим дарителем. Который, кстати, тоже зря питает иллюзии насчёт Степана, которому дай только повод, и он без зазрения совести, не закрывая глаза, тотчас вцепится своими зубами тебе в твой зад.

«Чё, Мурз, может, собьём с ног этого выпендрёжника?» — заметив, как его поводок обмотался вокруг ног очередного ухажера его хозяйки, говорит Степан присутствующему на этот раз коту.

«Ну, если ты колбасу уже съел, то я не вижу оснований для того, чтобы этого не делать», – с высоты своей логического ума с расстановкой отвечает ему Мурзик. После чего Степан, делая вид, что разозлился на лай того кудрявого пса, с лаем рвет поводок, в который так неудачно для себя запутался этот с иголки одетый хлыщ, заявивший, что он здесь случайно прогуливался. Но правда всегда для себя найдет выход, даже в таких необычных для себя измерениях.

И вот наш хлыщ, увлеченный очередным рассказом о своих поездках по жарким странам, вдруг теряет равновесие и вот он уже вдыхает не тот сладостный аромат, исходящий от Олеси, а совсем не имеющую запаха пыль, хотя и с привкусом поражения. По лицу этого щеголя видно, что, пожалуй, все, Степану несдобровать, но нет, ничего, он проглатывает этот коктейль из обиды и пыли, и не выказывая своего раздражения, которое передается его рукам, с такой нервно-отряхивающим костюм от следов падения.

Но на этом противостояние не заканчивается, и наши противники бросают на друг друга взгляды, полные понимания. Что стоит, пожалуй, им встретиться на узкой тропинке, то, возможно, она будет очень узка для них обоих и кто-то из них, обязательно не преодолет этот путь. При этом они оба, так прищурили уголки своих глаз, как будто они могут заглянуть в это будущее, в котором каждому видится результат этого противостояния со своей позиции победителя.

Но мы пока оставим их за строительством своих мсти-

тельных планов и вернемся к хозяйке Олесе, чей взгляд тоже не даст вам застояться и приведет вас в движение. Да-да, это я тебе говорю, воротящего свое лицо от нее и, видимо, считающего, что ее глаза не заслуживают внимания, и сейчас я обращаю на тебя свой кулак и тем самым, вызову твоё повышенное внимание. Который, впрочем, всё не уймется и задает провокационные вопросы:

– И что, эти её глаза и есть та защитная каска, про которую вы тут мне все уши прожужжали?

– Хотел бы я тебе ответить, но выстроившая очередь из желающих довести до твоего сведения общую точку зрения по поводу тебя, явно относящегося к той уменьшительной-ласкательной пассивной части человечества, в его русской интерпретации этого слова, не дает мне этого сделать в ту же минуту.

Защитная каска... С ней, пожалуй, не всё выяснили, но кто же, по-вашему, тот кирпич, который так докучает всем вам? А разве вы ещё не поняли? Тихо, он уже идет.

Глава.3

Где присутствует множество «мэд предаторов».

– Ну, и чем мы занимаемся? – грозно спросил главный редактор у вдруг растерявшихся Алекса и Грега. Хотя, почему грозно? И совсем не грозно, а так, очень даже душевно. Но почему-то любые слова в его устах, независимо от того, как он их произносит, в мгновение ока приобретают непонятно откуда взявшийся грозный оттенок (кто был в подчи-

нении, тот знает). А ведь спроси его внучку, столь ли страшен её дедушка, то она, рассмеявшись, ответит вам: конечно, в особенности тогда, когда она его спящего разрисовала красками.

Наши же властители дум, до этого так вальяжно себя чувствовавшие, и так ярко озвучивавшие свои мысли вслух, вдруг потеряли дар красноречия, и несколько туманно, без эксцентрики заявили, что рассматривают новые поступления. Кстати, главный, как и все другие работники издательства, был не в курсе того, что наши герои нарекли себя новыми именами, и по старинке использовал при обращении к ним старую урожденную версию их имен. Что, в некотором роде, их не устраивало. Но что они могли поделать, и им приходилось терпеть и ждать, когда слава новых имен возобладает, и тогда уж она сама заявит о себе вместо них. А сейчас, так уж и быть, придется потерпеть, тем более, если в зарплатной ведомости вы также прописаны под прежними именами, а это уже ситуация несколько обременительная для вашего желудка.

Впрочем, Алекс нашёл выход из этого положения, и стоило главному обратиться к нему: Алекс... – как он не давал тому закончить своё предложение, а перебивал на полуслове, заявляя что-нибудь в таком роде:

– Да-да, слушаю внимательно.

После чего он с довольным видом смотрел на Грега, как бы говоря: видел, как я его поддел. На что последний,

не обладая такой ловкостью, да и его имя не позволяло проделывать такие манипуляции, отводил взгляд в сторону, делая вид, что он ничего так и не заметил.

А между тем, главный редактор задал трудовой ритм нашим работникам, и Алекс с Грегом, отбросив свои планы, принялись выполнять служебные обязанности, пока первый перекур не навёл Алекса на мысль.

– А ведь это мысль, – многозначительно заявил он Грегу, который, посмотрев по сторонам в попытках отыскать это воплощение мысли, не совсем понял, к чему относятся эти слова Алекса.

– Нам нужно выбрать и задать нужный ритм нашему повествованию.

– Это типа такой, какой задал тебе главный? – вставил Грег.

– Ну, тут, без моей внутренней готовности трудно что-то задать. Так вот скажи, что такое песня, по-твоему? – спросил Алекс и, не давая ответить Грегу на поставленный им же вопрос, продолжил.

– Да, это своего рода история, сокращенная до очень короткого времени, но всё же, имеющая свою законченность, где музыкальное сопровождение придает ей эмоциональность, которой трудно добиться при длинном изложении всей истории, и которая при более длительном звучании, возможно, утратит все свои так трогательные душевные всплески. А теперь давай разберем, из чего состо-

ит сама композиция. Так текст песни, это сокращённая история, вобравшая в себя самые яркие моменты, которые, при этом не теряют смысловую нагрузку. Затем следует музыка, появлению которой на свет, мир обязан таланту гения сочинителя. Но есть ещё третья немаловажная составляющая песни, а именно – музыканты, от подачи которых и зависит жизнь самой песни. Так вот, здесь-то и надо более внимательно рассмотреть, из кого, и из чего складывается создание песни. Ударник задает основной тон композиции, на его ритме и держатся все остальные инструменты, задействованные в исполнении песни.

– А если это исполнение, а капелла? – вставил своё Грег.

– Ну, ты всегда перебеешь, и не дашь договорить! – недовольно ответил Алекс.

– А что непонятного-то, зная твою увлеченность ударными инструментами, несложно догадаться, что ты будешь заявлять об их ключевой роли в исполнении песен. Только мне не совсем ясно, к чему ты ведёшь весь этот разговор.

– На, смотри, – произнес Алекс, протягивая Грегу тетрадку. После чего последовал естественный вопрос: «Что это?», анализу ответа, на который, мы уже потратили один небольшой абзац, но, видимо, данная вопросительность передается воздушно-капельным путем, и Грег, находясь в близком контакте с Алексом, не мог не заразиться от него такой особенной смышленостью.

– «Неистовый город», – прочитал Грег, и ещё раз спросил

у Алекса.

– И что это?

Что говорит нам, о мутации этого вируса вопросительности, который имеет свойство ухудшать умственные способности зараженных.

– Это я попытался раздвинуть рамки песни в полноценный рассказ. Не знаю, как оно у меня получилось. Почитай, а потом скажешь, что вышло. И ещё, для полного понимания, где авторские слова, я выделил их жирным шрифтом. Так что, всё идет без нарушения авторства на неё, – сказал Алекс.

– Ладно, я возьму её домой. Там и прочитаю, – ответил Грег, чем немного облегчил жизнь авторскому я Алекса, которое весьма нервно относилось к оценке его стараний на ниве творчества, но, опять же, при этом оно уже начало сгорать от нетерпения, ожидая какой вердикт ему будет вынесен. На вердикт, впрочем, ему плевать, талант ведь никогда не могут оценить по достоинству, так что недооценка – это и есть основная оценка, выносимая начинающему писателю, который когда-нибудь ещё посмеется над теми, кто недооценил его вовремя. А если Грег, вдруг окажется из той же когорты злопыхателей, то, пожалуй, им будет трудно в дальнейшем работать совместно в этом отделе. Хотя, меня это совсем не волнует, ведь я же знаю цену своим словам.

– Знаешь, что я подумал? – заявил Грег, немного напугав Алекса, решившего, что он передумал откладывать чтение,

и начнёт прямо сейчас.

– Нет, – волнительно ответил Алекс.

– Мне кажется, что нам стоит пойти чего-нибудь перекусить. Как ты на это смотришь? – спросил у Алекса Грег, который, надо признаться, всегда был не прочь, не только посмотреть, но и принять деятельное участие в этом процессе. Ведь одними смотринами сыт не будешь, да и, пожалуй, только зазря вызовешь поступление желудочного сока, который, не найдя для себя того, что можно растворять, не поймет ложность тревоги, и начнёт, почём зря сжигать своим напалмом слизистую оболочку вашего желудка. Который, в свою очередь, не сможет ему ничего противопоставить, и покраснеет от стыда за вас, поселившись на улице Гас, где в случае вашего дальнейшего пренебрежения к нему, у него выработается язвительность к вам, и следующим шагом которого, будет переход на устрицы и, в конце концов, он остановится на раке.

– Знаешь, а ведь каждый витамин, поступающий в твой организм, не только отвечает за налаженность работы организма, но также формирует и направляет твою мысль в определённую сторону, – начал разговор Грег, выйдя из кабинета вслед за Алексом.

– Это ты типа про шоколад намекаешь, с наличием в нем эндорфина, этого гормона счастья? – ответил ему Алекс.

– Ну, шоколад это только один из наиболее известных примеров, правда, скорее завязанный на рекламе самого шо-

колада. Я же имею в виду, что употребление определенных продуктов, способствует созданию своей характерности на данный период времени, связанный с этим продуктом, при этом имеющим свой оттенок настроения, или же настроення, – ответил Грег.

– Ну, не знаю, что и сказать, но у меня после плотного обеда всегда один настрой – это непреодолимая тяга ко сну. И ведь как бы ты не пытался противостоять ему, всё равно ничего не помогает. Надо поспать, и всё. А тут ещё этот ведущий редактор ходит и воду мутит, – заявил Алекс, увидев ведущего редактора, который, по его мнению, был чересчур ведущим. Да какое там ведущим, скорее подгоняющим, который своей чрезмерной активностью вносил разброд и шатание в ряды редакторского состава, особенно по понедельникам, когда и так требовалась огромная сила воли, для того чтобы собрать себя после весьма зажигательно проведенных выходных.

Но не только это вызывало неприязнь к нему, ведь собственно утро понедельника, всё-таки ваша частность, просто многие небезосновательно считали, что сей новичок, трудно сказать каким образом занявший эту должность, совсем не питает уважения к редакторскому составу, хоть и числится его ведущим звеном. Нет, многим казалось, что в своих предпочтениях он склоняется скорее не к творческому подходу к работе, а принимает сторону коммерческой составляющей, что дает повод думать, что под личиной редактора од-

нозначно спрятался денежных дел мастер. О чем уже открыто высказывались некоторые редакторы, сидя в какой-нибудь пивной. И не дай бог, случись зайти в эту пивную ведущему редактору, когда там сидели его коллеги по работе, то, пожалуй, ему не отделаться от тёплого приема весьма разгоряченных сотрудников, которые не отступятся от ранее сказанных слов, и со всей критичностью заявят, как они его любят и уважают. После чего каждый из них постарается чокнуться с ним, и тем самым выразить свое особое доверительное отношение.

Но стоит ведущему редактору покинуть это совместное собрание, как сидящие посмотрят друг на друга с хитрыми минами, и поспешат заверить своего визави в том, как ловко они его поддели, и что в понедельник наверняка не только их будет шатать и мотылять в разные стороны, но и этого простака, ведущего редактора. Но, как оказывается, ведущий редактор тот ещё крепкий орешек, да, к тому же, не помнящий добра, который ещё с большим рвением накинулся на вас, с утра проснувшегося на полу после так удачно проведенного вечера, и еле добравшегося до работы.

А почему же у него такая власть, и почему бы взять, да и не послать его, предположим, к чёртовой бабушке? Да просто дело в том, что он находится в родственных сношениях с этой чёртовой братией, в частности, с нашим издателем, который, как говорят, крутится в таких кругах, для которых уже заготовлены, естественно по-родственному, ответ-

ственные места среди чёртовой братии, правда, уже по работе с клиентами в тех девяти кругах. Которые так ожидают их прибытия для дальнейшей работы по специальности, так что, наш издатель тот ещё ценный кадр, от которого зависит наше сосуществование в стенах этого издательства.

Герман – вы только вслушайтесь в это имя. Хотя, я вот вслушался, и ничего. Имя себе как имя, ну, это просто мне не выпала честь работать под началом столь убедительно-настойчивого начальника. Который всегда старался убедить вас в вашей не столь большой усердности при выполнении работы, что давало повод для его иносказаний, которые уж очень больно сказывались на вашем я.

Конечно, Пушкин, используя это имя в своей повести, что ему и простительно, совершенно не знал нашего столь въедливого ведущего Германа-редактора, который, впрочем, тоже был не прочь узнать секрет трех карт. Пока же, он их, правда, в свободное от работы время, пытался выбрать для себя через всемирную сеть нелегальных казино, о чём, впрочем, он не распространялся. Хотя, надо заметить, что именно Пушкин открыл для мира новую человеческую плеяду под именем Герман, особенностью которой является, не считаясь с потерями, естественно только с вашими, безудержно стремиться к своей цели. Впрочем, правила не столь крепки, если в них нет исключений, так что ты, сосед, с таким же именем не обижайся, и живи дальше без цели.

– Но почему так случается? И неужели основы мирозда-

ния не терпят иного расположения вещей? Если начальник, то обязательно в нём заведется какая-нибудь особенная пакость, которая так и не дает вам спокойно жить. И отчего у меня в связи с этим появляются весьма неблагоприятные мысли насчёт вседержителя нашего, творца? Неужели и он не столь прост, а тоже в чём-нибудь таком же замечен? Хотя, что гадать, ведь замечено, что уж больно ревностно он относится к своему положению, и совершенно не терпит, когда его вспоминают всуе. А попробуй только из кого-нибудь культ сделать, то и вовсе проклянет, – в сердцах заявлял Алекс Грегу, после очередного столкновения с этим Германом. И ведь ладно бы в коридоре, нет, столкнуться, как оказывается, можно и так, сидя у главного в кабинете, решая какой-нибудь ситуационный вопрос в работе над рукописью.

И ведь в таких столкновениях, где вместо локтей участвуют не ваши физические данные, а умственные способности, то оказывается, что они действуют куда чувствительней удара под дых. А всё этот ведущий Герман-редактор, чей возраст практически находится на одной возрастной планке с твоей, но при этом его амбиции явно зашкаливают все известные пределы измерений. И тут ты уже не можешь сослаться в своих оправданиях на его обширный опыт в редакторском деле, и начинаешь выдумывать, бог знает что, для того чтобы успокоить себя после того, как Герман разнёс твою работу в пух и прах. И ведь всё это делается на глазах у других, что совершенно не способствует конструктивности

ваших взаимоотношений.

Правда, из неподтвержденных источников известно, что такая немилость Германа к Алексу выросла не на пустом месте. А замеченное его, Германа, приметливым глазом особое отношение, в виде грусти Олеси к Алексу, на которую претендовал, как раз сам Герман, и есть та поросль, послужившая ревностным толчком к его дотошному отношению к самому Алексу, до того в упор им не замечаемого.

Это случилось в один из дней, когда Герман и ещё пару редакторов и художников, в число которых входила и Олеся, подводили итоги работы над проектом дизайна очередной тематической серии книг. Само совещание в его предварительной сборной части началось с бурного обсуждения большой царапины на руке Олеси, по её словам, полученной из-за нестандартного поведения её кота Барсика. С чем я вынужден не согласиться, зная зловредный характер этого домашнего тирана, оттачивающего когти на своих близких, для подготовки к стычке с соперником, блондинистым Персом. Но что творилось в душах этих Олесиных поклонников, трудно передать словами. Ты совсем не Барсик, ты есть Барс, который нанёс не только рану, столь почитаемой здесь Олесе. Ты по живому прошёлся своими когтями, по сердцам Германа и иже с ним. Которые тотчас, естественно про себя решили, что не дадут ему спуску, и когда займут свое место в её ногах, то, пожалуй, всё же дадут ему спуск, вот только вниз с лестницы и пинком под зад.

– Олеся, дай посмотреть, – Герман протянул свою руку к её руке, дабы не столько посмотреть на неё, а скорее закрепить свое привилегированное положение, взяв её руку в свою.

– Да ничего особенного, – делая вид, что ничего не понимает, говорит Олеся, отводя руку.

– Да просто царапина, так что и вправду ничего особенного, – берет без спроса её руку и, посмотрев на неё внимательно, сразу её отпускает только что вошедший в офис Алекс.

– Ну, так что тут у вас? – забыв о руке, начинает разговор Алекс, не замечая эти два устремленных на него взгляда, где один готов испепелить его, а другой же наоборот, исцелить и помочь восстать из пепла.

– А я всё думал и гадал, чего это она кочевряжится. Строит из себя непонятно что, – кипит про себя Герман, который не привык к подобному исходу, к которому, что особенно недопустимо, приложил руку не он, а кто-то другой. И ведь Алекс, как ни в чем не бывало, сидит и чего-то там рассуждает, не чувствуя ни малейших, хотя бы, позывов к икоте, на вечность которой, он обрёл этого сидящего напротив, и так мило ему улыбающегося, ведущего Германа-редактора, которому, конечно же, совсем не до шуток и смеха. Ведь тут, если всё поставить на поток, то, пожалуй, можно и с его ролью ведущего распрощаться, что вообще немислимо. Но тут, то ли от волнения в связи с такими перспективами, то ли от неудачной попытки залить свою горячность

из бутылки воды, Герман внезапно начинает икать, с ошеломлением замечая обращённые на себя взоры всех присутствующих в кабинете. После чего у него не остается другого выхода, кроме как срочно покинуть это помещение с пожеланием: «Я еще, верну-ик...» – чем поначалу вызывает лишь приглушенные сдерживаемые смешки, которые после его ухода, ввиду небольшой деликатности этой компании, выливаются в довольно приличный смех.

Теперь спрашивается: разве мог бы кто-нибудь из вас, и тем более Герман, простить Алексу свой этот «...ик»? Тем более, после того памятного случая, за спиной Германа всё чаще стало звучать это прозвище в его адрес, с неподобающим столь высокому начальнику дополнением «-ик» – Герман-ик. Которое, вообще-то, для особ творческих, вполне даже удобоносимое имя. И чего он только взбесился, когда услышал от весьма информированных и приближенных к нему особ, такую вольную интерпретацию своего имени? Не знаю, и никто не знает. Что же касается Алекса и Грега, то вот на чьём примере им надо было учиться, придумывая себе псевдоним. Но нет, они всё тушуются и так до сих пор и не знают, как ввести в обиход эти свои псевдонимы. А всё потому, что они, не ведущие редакторы, а так, которым так и придется быть ведомыми.

Впрочем, говорят, что руку к созданию этого древнеримского имени, как раз приложил Грег, как уже говорилось, весьма успешно умеющий облекать события в слова.

Ну, и как только это имя распространилось в курилках, по кабинетам и в межличностном общении редакции, то многие так и заявили, что у них вдруг с глаз пелена спала, и они отчетливо теперь видят, все эти Цезарские замашки нового Калигулы местного пошиба, который, впрочем, пока что только Герман-ик.

– Ик, – после чего следовала минута безудержного смеха.

Так что, неподтвержденные источники, как оказывается, не столь много информированы, раз не смогли доложить Герман-ику о том, кто же за всем этим стоял. А ведь надо сказать, что на стороне Алекса на первом этапе, было некоторое информационное преимущество. Ведь дав имя своему противнику, хоть не непосредственно, а только лишь дав толчок к его возникновению, ты уже частично берёшь быка за рога, как бы говоря, что правила игры тут устанавливаешь ты. Но надо знать Алекса, и он опять, после очередной стычки с Германом, всё так же в непонимании разводит руками, заявляя:

– Да что ему от меня, в конце концов, надо?!

А может это и хорошо, что тебе не сразу икается, и ты еще можешь подождать то своё, которое наверняка уже не будет зависеть от этого произвольного спазма.

Так что, наши герои, побыстрее прошли мимо кабинета Герман-ика, дабы встречей с ним не портить себе аппетит, и, оказавшись на улице, одновременно с таким чувством, как будто до этого долгое время находились в казематах крепо-

сти, вздохнули всей грудью. И где не так-то легко получить доступ к свежему воздуху, выдача которого, в зависимости от величины вашего преступления, дозирована по времени.

И ведь что интересно, что, несмотря на то, что современное книгоиздательство, идя в ногу со временем, начинает постепенно переходить в цифровой формат, что весьма сильно сказалось на многих принципах работы издательства, например, как на приеме рукописей, которые в основной своей массе вообще забыли, что такое бумага, тем не менее, ностальгия по бумаге, всё также бередит умы работников редакции. Так приемщики вторсырья, в частности, макулатуры, совершенно не испытывают удовольствия от такого положения вещей. Да и завхоз, потеряв свои рычаги давления на управление, теперь уже не столь важная шишка в издательстве, что заставляет его время от времени взгрустнуть за бутылкой такой беленькой, какой в свое время была бумага, на которой печатались книги, а не то, что сейчас, какая-то цифра, которую он из принципа не будет читать.

Но, тем не менее, хоть издательство было уже не столь захламлено никому не нужными, кроме самих авторов, рукописями, все равно в нем стоит та же атмосфера наполненности незримыми стопками бумаг, которые питают окружающий воздух своим запахом, и так весомо фильтруют окружающий воздух, вбирая в себя из него пыль, что обильно садится на листы и на межлистные пространства. Так что, книжная пыль названа так всего лишь по недоразумению,

вернее было бы назвать ее продуктом книжной обработки окружающего воздушного пространства внутри книгохранилища, или рукописи-хранилища.

Конечно, когда книга или рукопись успела уже залежаться, то, естественно, пыль, не убранная с них ввиду несбывшихся надежд ее авторов, становится несколько токсичной, и тем самым, начинает вносить свой определенный вклад в окружающий атмосферу, придавая особенную окраску вдыхаемому вами воздуху, чей местный колорит трудно с чем-нибудь перепутать. Но все равно, вы, вдыхая местный воздух, чувствуете едва уловимый запах надежды, которая витает тут, в этом здании. Ну а то, что она очень часто так и остается надеждой, так это не так уж и страшно, раз она еще живет и не умирает, что, опять же, дает вам право на надежду отыскать её.

Так что, наши приятели, вздохнув свежего воздуха, видимо, решили просто отдохнуть и переключить свое внимание на насущное, а именно, как перейти дорогу и зайти в кафе напротив, где они уже числились завсегдатаями, впрочем, как и многие работники издательства. Что, в общем-то, не удивительно в связи с его близким расположением и демократичностью цен.

– Нет, мне всё-таки не совсем понятно, что такое демократичные цены? – заявил Алекс, откусывая кусок пирога.

– Ну как, не понятно? Это значит, доступные широким слоям населения, – ответил ему Грег.

– Да само понятие мне ясно, но интересно другое, а именно, с помощью чего, или за счёт чего или кого, достигнута эта демократичность цен, и, в конце концов, во сколько мне обойдется эта демократия, ведь законы рынка еще никто не отменял. А если вдруг, она покажется для меня чересчур дорогим продуктом, и не заявят ли мне, что так и должно быть. Ведь качественная, а демократия, по их мнению, это и есть наиболее качественная продукция, всегда требует от тебя больших трат, так что плати и помалкивай, – возмутился Алекс, запивая пирог демократичной колой (привезенной из страны демократии) по весьма не демократичной цене. Которая, замораживая вашу горячую пищу в желудке, не даёт вам ощущения сытости, в связи с чем, вы, почесав себя по затылку, в недоумении от того, что ошиблись в своих расчетах при заказе обеда, начинаете размышлять, что же дальше делать.

Ведь раньше вы, всегда наедались при приёме такого же количества продукта, а сейчас что-то даже не приблизились (да, когда дело касается еды, я очень не демократичен, и предпочитаю называть масло – масляным) к этому состоянию, что заставляет вас вновь идти к кассе и брать себе ещё столько же еды. И вот вы выходите из кафе и, прикидывая, сколько отдали за обед по этим демократичным ценам, приходите к выводу, что потратили куда больше того, что было вами запланировано. Да и к тому же, тяжесть вашего желудка совсем не способствует вашей вольготной прогулке по све-

жему воздуху, требуя срочного посещения кабинки с наличием искусственного спёртого воздуха. Так что выходит, что за демократию нужно платить, и не только из своего кошелька, но и своим здоровьем.

– Так что тебя не устраивает? – проговорил Грег, наученный горьким опытом, и запивающий свой кусок пирога горячим чаем, чья цена всегда очень радовала любителей маржи.

– Да просто меня, всё, что связано с этим словом настораживает. Как знать, может у меня выработалась аллергия на него. Ведь аллергия, как сейчас говорят, самое распространённое заболевание, и я заметил, что всё чаще люди подвержены вирусным психическим заболеваниям, о которых раньше никто и представить не мог. А ведь всё началось с шизофрении, которая и стала той предтечей психических болезней, которые, глядишь, в скором времени в своей опасности и смертности переплюнут все самые известные эпидемии, затронувшие мир, – отложив свой обед, оживленно жестикулируя, выдал своё видение проблемы Алекс.

– Ну, в данном случае необходима информационная профилактика. Раз в неделю обесточенная жизнь, без просмотра всяких источников новостей, так сказать, в своем роде лечебное голодание, – предложил Грег.

– Ага. Кто тебе это позволит сделать? Нет, сам для себя ты, конечно, сможешь устроить такие разгрузочные дни. Но вот на уровне государства, этого уже никто не сможет себе позволить. Ведь сама безопасность государства зависит

от информационной составляющей. И ведь тут получается порочный круг. Все понимают, в том числе и государственные деятели, что информационная загруженность уже становится губительной для населения, но при этом человек и государство уже не могут сосуществовать без этого. Пока, – многозначительно сказал Алекс, на что, естественно, последовал ожидаемый вопрос Грега.

– Что пока?

– Пока не грянет гром, – ответил, улыбаясь, Алекс, чей ответ, так и не прояснил ситуацию, а только придал ответу большей таинственности.

– Ты мне тут, давай, не растягивай удовольствие, а говори, что хотел сказать, – строго заявил Грег, зная эту театральную привычку Алекса придавать своей фразе значительности.

– Так что не ясно-то? Государству, для его шевеления нужна статистика, в которую весьма неплохо вписываются эпидемии. И как только они появятся, например, в связи с каким-нибудь новым информационным вирусом, то только тогда, получив угрозу существованию государства, и зашевелятся его ставленники на высоких государственных постах, – выдал речь Алекс, и с чувством выполненного долга, вновь взялся за пирог, требовавший от Алекса такого же чувственного подхода. Грег же, имевший на этот счёт свое мнение, хотел было выразить его в словах, как зашедшая в кафе компания не дала ему выразиться, заставив остановить на них свой взгляд. Алекс же, заметив, что Грег за кем-то

пристально наблюдает, для приличия, по правилу которого следует тот самый вопрос, который задается от всех желающих посмотреть на что-то с возможностью неприличия.

– Ты на кого там уставился? – и, не дожидаясь от него ответа, повернулся в ту сторону, куда смотрел Грег. Увидев занимавшую отдельный столик компанию, в которой основную массу составляли их сослуживцы, и среди которых выделялся Герман, Алекс, махнув рукой, заявил.

– Даже не хочу смотреть на них, чтобы не портить себе аппетит.

– А знаешь, что интересно? – задумчиво произнес Грег.

– Нет, не знаю, – ответил Алекс, знающий лишь то, что его товарищ по столу сейчас начнёт о чем-то мудрствовать.

– Вот мы, хоть и находимся за разными столами, но, тем не менее, меня не покидает ощущение, что мы всё равно, как бы принимаем участие в одной и той же, и очень близкой по своим результатам, деятельности, – проговорил Грег.

– Вот и правильно. Главное, чтобы ты сыт был, а остальное неважно, – улыбнулся Алекс.

– Да ты не понял меня. Ведь получается, что я с ними, как бы делю свой кусок обеда, запивая его их взглядами и закусывая этими запахами, исходящими от них, и всё это под звуки музыки слов, исходящих из их ртов. А я, может, этого делать не хочу, – с некоторой брезгливостью, заявил Грег.

– Слушай, ты меня пугаешь. Как бы тебе с такими мыслями не угодить в ловушку своей мысли Говарда Хьюза, –

почему-то улыбаясь, ответил Алекс, которому, исходя из его слов, следовало бы испугаться.

– Ну, ты же знаешь, моё мнение про всяких этих Хьюзов и Пулитцеров. Ведь из-за их существенного вклада в человечество, к вышестоящей инстанции, вышло специальное обращение Сатаны, испугавшегося, что его подсидят на его месте. После чего, для них ад, уже начался по месту пребывания, на земле, – ответил, заулыбавшись Грег.

– Я вас понял, – заявил Алекс, решивший ещё раз взглянуть на пришедшую компанию, в частности на Германа, и тем самым воочию представить, на что тот может претендовать в царстве Вельзевула, и светит ли ему там, хоть что-то. Ведь тут вопрос не так-то прост, как он видится на первый взгляд, когда в деле решения по нему, во главе угла ставится талант со значением дара Божьего, который, особенно ловкими парнями, приобретает приставку криминальный. Ведь в нашем случае, это не тот случай, который подходил бы в нашей данной ситуации, хотя, опять же, дав название этому таланту «криминальный», человечество как бы само уже вынесло по нему определение.

Но нас волнует не человеческий суд, а божья воля, которую так часто мы хотим осудить. И здесь вопрос не в совместимости гения и злодейства, который так и не был решен (И с чем Моцарт, полный тщеславия или детской наивности, дал на него свой ответ? А ведь от его решения, зависит верность ответа.). Или же, опять решать не нам, не понимаю-

щим всех предначертаний творца, дающего и забирающего по воле своей, и давшему злодею талант, чтобы тот, не выдержав груза божественного дара, либо закопал его в землю, либо очистил себя через него. Так или иначе, талант лишь средство в твоих руках, а уж как будет оно работать, зависит только от тебя.

– Знаешь, я, видимо, много употребил витамина «Д», раз мне так хочется кое с кем подраться, – заявил Алекс, повернувшись обратно к Грегу.

– Согласен, а я ведь ел, тоже самое что и ты. И у меня, точно такие же ощущения в организме, что и у тебя. При этом особенно нестерпимо чешутся кулаки, в которые так произвольно сжимаются руки, – заулыбался в ответ Грег.

– Но знаешь, мы всё же сильнее эмоций, и нам всё-таки еще трудиться под одной крышей. Так что, надо все это переварить и запить витамином «Ц», который всегда выступает за целесообразность предложенных нам вариантов действий, – последовал примиряющий с действительностью ответ Алекса, решившего пойти заказать себе сока.

– Ну, и мне возьми, – сказал Грег ему вслед, принимаясь наблюдать за окружающей обстановкой в кафе, которая, на первый взгляд, ничем особенным не отличалась от похожих заведений. Где все присутствующие, как и следовало от них ожидать, пьют и едят, едят и болтают, пьют и что-то рассматривают в своих гаджетах.

– А ты знаком с моей теорией закрытых пространств? –

спросил Грег у Алекса, беря из его рук стаканчик сока.

– Ты что, ещё на ниве физики подвизался? – в свою очередь спросил Алекс.

– Ну, тут от физики не так уж и много осталось, но не в этом суть дела. Да вообще, умеешь ты ободрить рассказчика своими замечаниями, – заявил Грег, глотнул сока и, подумав, продолжил.

– Вот посмотри вокруг себя.

– Ну? – ответил Алекс, после того как сделал вид, что посмотрел вокруг, повертев головой вокруг своей оси.

– Так вот, моя теория закрытых пространств, строится на не случайности нахождения в них в какой-то определенный момент N -го количества людей, которые по своему роду, совсем неоднородная масса, а также, имеют свою специфичность. Ведь любое закрытое пространство обладает не только своей яркой архитектурной выраженностью в своем предназначении, но и духовной составляющей, вносимой в неё людьми, которое, тем не менее, так и остается пустым, пока его не наполнит человеческая индивидуальность, и даже необязательно через свои предметы быта. Любой человек, зайдя в помещение, каким-то шестым чувством может определить степень его обжитости. При этом не только человек выбирает для себя помещение, а, как мне кажется, что само это закрытое пространство имеет на этот счет своё мнение, и часто не соглашается с выбором человека. После чего последний, всё же решает, что это место не слишком для него

подходящее, и меняет место жительства.

Да что, далеко ходить не надо. Вот, к примеру, это кафе. Здесь, кажется, всё понятно – в него приходят люди, желающие перекусить, но опять же, продолжительность их перекуса очень разниться по времени и, можно сказать, растягивается в течение дня. Вот почему, именно в это время, здесь находятся именно эти люди, и что нас связывает между собой, причем желание перекусить к этому имеет небольшое значение. Да, конечно, ты, проходя мимо кафе, мог почувствовать исходящий из него запах и, соблазненный им, зайти сюда. Но опять же, ты при этом мог не заходить, сославшись на свою, как один из вариантов, сытость, сидение на диете, или вообще, ты мог быть антагонистом подобных заведений. Да мало ли, существует вариантов для того, чтобы ты мог, или же не захотел сюда зайти.

Но вот кто-то зашёл, а кто-то нет, в общем, это кафе, видимо, смогло заманить в данный момент такое вот количество людей, которые по своим на то причинам и оказались здесь. При этом, видимо, для самого этого кафе, существовала какая-то своя причина или нужда, по которой здесь и сейчас находились именно те люди, которые здесь и находятся, – остановился Грег, чтобы перевести дыхание, тем самым дав Алексу вставить свое неуважительное замечание.

– Любишь ты, свои путанности говорить. По мне-то, кафе нужно лишь для того, чтобы я оставил здесь свои деньги, и всего-то.

– Это прямое его предназначение, без которого его жизнь быстротечно закончится, но дело в том, что есть и второй духовный аспект его жизни. Прибыль, это, как ты уже понял, всего лишь физический аспект его существования. Так вот, люди, собирающиеся здесь в определенный час, одновременно приносят, и в той же степени, получают свой заряд духовной сущности. Видишь ли, каждое закрытое пространство, получается, что оно как бы разрезает цельное пространство на свои определенные части, при этом для его существования необходим баланс сущности, упрощенно говоря, всего отрицательного и положительного. А раз так вышло, что общее пространство разделено, и оно вследствие этого оказалось разбалансировано, то этот баланс выравнивается именно через определенное соотношение носителей этой незримой энергии. Вот поэтому, для нормального существования кафе, да и любого другого закрытого пространства, необходимо, чтобы этот баланс сохранялся. Если же он, по каким-то причинам нарушится, то для кафе наступят чёрные дни, и никакие демократичные цены, ему уже здесь не помогут выжить, – сделал вывод Грег.

– Ага. Мы, получается, ходячие заряженные частицы, и двигаемся строго по заданному маршруту, который задаёт, если назвать человеческим языком, духовность, а языком ученого, траекторией чего-то там, что и выговорить невозможно. Ну, а эти различные кафе, заманивают нас своим притяжением в виде запахов, и ещё какой-нибудь физикой

тел, – засмеялся Алекс.

– Ну ладно, соглашусь с твоей теорией не относительно-сти. Вот только мне, как любой заряженной частице, нужна конкретика. Давай расскажи, почему в данную минуту именно здесь, оказались мы и ещё наш дорогой Герман-ик? – сказал Алекс, повернулся и, пробежавшись глазами по сидящим людям, продолжил.

– Ну и вон тот, к примеру, непотребного вида человек.

Грег посмотрел на того человека, на которого указал Алекс, допил сок, и начал говорить.

– Насчёт Герман-ика и его компании, я пока не буду распространяться, а насчёт этого, по твоим словам, непотребного вида человека, выскажу несколько моих предположений. Ну, во-первых, мне интересно, что ты имеешь в виду под этим словом непотребный. Да-да. Я по вашему потребному виду понял, что вы его употребили, так для оборота речи. Как мы любим на всё смотреть с позиции потребления, на что, конечно, есть свои веские причины у потребителя, но не у человека, который скорей всего смотрит на мир со своей позиции. Но мы, раз создали мир, который в своей основе имеет потребление, то уже не можем иметь отличную от него точку зрения. Конечно, тут защитники этого мира скажут, что он другим и не мог бы быть, раз в основе жизни человека лежит потребление. Но опять же, скажу словами из евангелия, не сотвори себе кумира, которого мы и создали, назвав его потребитель, который и является основой

государства. А уж если государство считает так, то так тому и быть.

– В ваших речах, прослеживаются анархические нотки, ведущие к свержению устоев государственности. Что даёт мне право, называть вас опасным человеком, – заявил усмехнувшись Алекс. А ведь ему, между тем, всегда импонировала опасность, которую он часто замечал в различных, казалось бы, непригодных для этого вещах или действиях, как например проезд на трамвае без билета. И хотя, это была вынужденная мера, ввиду рассеянности Алекса, забывшего дома кошелек, но при этом он всё-таки на мгновение, попав в руки контролеров, ощутил определенную опасность от их физических действий, грозивших применить её по отношению к нему в случае неуплаты штрафа. Но понт, с которым подступают к тебе контролеры, большая сила только в умелых руках, и лишь по отношению к недостойному противнику, которым в данном случае не являлся Алекс, всегда готовый подставить, как свое дружеское плечо друзьям, так и свой нос для удара врагу. Так что ещё трудно сказать, кто вышел сухим из этой без контрольной переделки, Алекс или контролеры.

– Ну, мы все рождены, как и этот мир, из хаоса. Так что наличие в каждом из нас немного анархичности – это вполне нормально, – заявил Грег, затем еще раз взглянул на того, как говорил Алекс, неприглядного человека, и продолжил.

– Так вот, во-вторых, я могу только предполагать, насчёт

того или иного присутствующего здесь человеческого элемента.

– Что, опять разговор пойдет в области молекулярной физики? – поддел Грегa Алекс.

– Нет, ты ошибаешься. Я разберу вопрос в пределах квантовой физики, с её взаимодействиями частиц и энергии, где твоя энергия частицы совсем не способствует конструктивности диалога, – сказал Грег, на что тотчас получил ответ.

– Всё, молчу.

– А ведь наша внимательность по отношению к окружающим нас людям и предметам, может сильно нам помочь в работе над книгой. Так и этот тип, чем не будущий персонаж для неё, – сказал Грег.

– И что ты в нём, увидел такого особенного? – удивился Алекс, ещё раз внимательно окинув того, с ног до головы.

– А именно то, что нам нарисует наша с тобою фантазия. Подумай, что интересуется всех без исключения? – спросил Грег.

– Ну... – почесав затылок, сказал Алекс, – наверное, какая-нибудь тайна.

– Всё верно – тайна, синоним которой есть неизвестность. А это именно то, что мы первое можем сказать об этом человеке, и только уже после наблюдения за ним, сможем дать свои, какие-то поверхностные о нём суждения. Но тут возникает следующая проблема, чем вызвать интерес к его личности, ведь кому интересна жизнь обыкновенного статиста

по той же жизни? Конечно, можно было бы взять какую-нибудь известную личность, и, в свете любви к ней населения, дополнить её жизнь на страницах книги, уже в свете только нам известных фактов. Но я считаю, что это неинтересно, раз уже он сам записал свою книгу, которая издана миллиардными тиражами, в анналы истории. Да к тому же, зачем нам пиариться на чужих именах, когда у нас уже имеется в наличии собственное, зашкаливающее все мыслимые пределы тщеславие, до которого любому герою ещё надо дорасти.

И как бы это тщеславие, не причисляли к первостепенному греху, без его наличия, как-то не очень-то крутятся колеса истории, которые работают на топливе, созданном на основе горючей смеси любопытства и греха. В данном же статистическом случае, есть два пути. Либо, опять же включить фантазию, которая пририсует к его истории неведомую событийность жизни, на острие агента спецслужб, либо усмотреть в его скучной жизни элементы нескучной жизни, которых нет, но которым сможет придать красочности твой слог художника. Ведь только от твоего взгляда на мир, зависит его красочность. Так вот, нам надо начать с того самого, с чего и проявляется интерес с неизвестности, на которую оказался обречен человек и, в частности, наш герой, которому суждено пуститься в поиски по обретению самого себя.

Грег замолчал, после того, как его перебил Алекс.

– Я что-то не пойму, к чему ты ведешь свою речь?

– В общем, нам надо, как бы начать с нуля, но в тоже вре-

мя этот ноль должен вызвать у всех интерес. А именно с человека, потерявшего память и не осознающего, кто он есть на самом деле. Правда, опять же, подать эту острую приправу так, чтобы читателю скорей захотелось запить этот жгучий соус водой, но интерес к событиям, так и не давал бы им возможности отложить книгу в сторону и пойти за водой, – высказал Грег, сам того не ожидая, ощутивший жажду.

– Я, пожалуй, пойду еще возьму воды, – сказав это, Грег пошел на кассу за водой, придя с которой, услышал в свой адрес замечание от Алекса:

– Что, место навеяло?

– Что ты имеешь в виду? – ответил непонимающий Грег.

– Ну, как же. Место, располагающее к употреблению пищи и заставляет соответственно мыслить, – ответил Алекс.

– Это ты про соус, что ли? – улыбнулся Грег.

– Ага, – последовал ответ Алекса.

– Ну, применение элементов из поваренной книги, уже всеобщая тенденция, которая придает остроту или пикантность подаваемому блюду, к которому давно уже причислены книги, как духовная пища, имеющая в себе не меньше питательных элементов, чем какой-нибудь бифштекс, и так жизненно необходимая человеку. И только не надо заявлять, что без книг человек сможет прожить всю свою жизнь, я этому не верю. Прожить-то, он проживет, вот только кем – это уже другой вопрос, – заявил Грег, запивая водой свою вдруг возникшую горячность.

– Ладно, я всё понял, но что же насчёт нашего, как я уже понимаю, будущего героя? – спросил Алекс.

– Ну, ты меня, чересчур торопишь. Дай немного понаблюдать за ним, списать с него портрет, ну и к завтрашнему дню я, пожалуй, смогу предоставить тебе некоторые наброски, а, возможно, найду и завязку для сюжета, – ответил Грег, который следуя своим словам, принялся наблюдать за этим героем их будущих фантазий. Который, надо отдать ему должное, совершенно не обращал внимания на окружающих, а всё так же время от времени, после очередного припадка раздумий, припадал к стаканчику с кофе, глоток которого, по всей видимости, давал направление его мысли. При этом ход его раздумий следовал по направлению его взгляда, обращенного на экран телефона, с помощью которого он пытался найти ответ на мучавшие его вопросы. Непотребность его вида, относилось скорее к тому, что его одежда, при всей своей складности, висела на нем так, что казалось, будто она, как говориться в таких случаях, была одета с чужого плеча.

Трудно сказать, о чём размышлял этот человек в тот момент, но не сходящее с его лица недоумение, говорило окружающим, что, пожалуй, ему это тоже невдомек. Непотребный человек, насмотревшись на свой телефон, перешёл к изучению имевшихся при нём каких-то документов, карточек и еще разных там бумаг, осмотр которых, не разрешил загадку его лица, так и не изменившего свою мимику недосказанности, выражавшейся через недоумение. Правда, ино-

гда появляющиеся морщины на лбу, подсказывали нам, что человек скорее жив, чем парализован своей статичностью. Вдруг, но это только для наблюдавшего за ним Грега вдруг, этот непотребный человек разволновался и, смахнув лежащие перед ним документы в пакет, поднялся с места, сунув пакет под мышку, двинулся к выходу, путь к которому лежал мимо Грега и Алекса.

И тут, проходя мимо наших друзей, у него случился, то ли по неаккуратности, то ли под воздействием вибрации, второй вдруг. В общем пакет, засунутый им под мышку, потерял свою зажатость, и мигом выскользнул из под скрепляющей его свободу подмышки. Что получило свое продолжение в виде получивших свою свободу, уже зажатых в лапах пакета стопки документов, которые высыпались частично на пол, а частью на диван, на котором сидел Алекс. Непотребный господин, хотя разве бывают господа непотребными, разве что, кроме власти рабочих и крестьян. В общем, в наше совсем другое время, это скорее был товарищ, который с волнением и бросился собирать, выпавшее из пакета. В чём ему, тут же подсобил Алекс, подавая упавшие на его место бумаги. После того, как всё было собрано, этот товарищ проявил себя знатоком вежливости и этикета и, поблагодарив Алекса за оказанную помощь, удалился прочь из заведения.

– Ну, что скажешь? – спросил Алекс у Грега.

– А что тут сказать. Ничего, – не проявив энтузиазма, от-

ветил Грег.

– А на это? – хитро посмотрев на Грега, протягивая тому карточку, сказал Алекс.

– Что это? – удивился Грег, тем не менее, беря карточку и поднося к себе для изучения.

– А разве не понятно? Это подсказка для завязки нашей книги, – улыбаясь, заявил такой продуманный Алекс.

– Ну, карточка клуба, ещё не такая уж и завязка. А вот сходиться туда в пятницу, раз мы всё равно решили встряхнуться, наверное, стоит, – многозначительно сказал Грег, с чем не смог не согласиться Алекс, высказав, что за это стоит съесть еще один бургер.

Грег же, решив, что для него это будет лишним, сказал, чтобы Алекс брал всё по-быстрому, и ел с такой же высокой скоростью, так как их время сидения в этом месте, уже превышает выдержку того места, на котором он, как правило, сидит. А это ведь самый верный из всех существующих временных измерителей того, что они здесь уже засиделись.

Ведь даже хронометраж столь любимого Алексом кино, и то приобрел свой метраж совсем не из-за наполненности сюжета, а всего лишь по прозаической причине усидчивости зрителей, при испытании которых, была стерта не одна сотня брюк и платьев. А ведь предтеча кино – различные театральные представления, в средние века предполагали ношение у публики только грубых материй. Хотя с другой стороны, ведь древнегреческий народ в основном носил туники, кото-

рые можно причислить к платью, и выходит, что прокладка между вами и сидением не столь уж и важна, и не слишком влияет на усидчивость сидения на представлении.

А вот что точно влияет, так это скучность сюжета, который определенно ускоряет вашу физическую немощь, желаящую поскорее избавиться вас от неё, которая могла бы и потерпеть, но, глядя на экран, нет уж больше сил терпеть это безобразие, и так хочется выплеснуть уже ваше безобразие в специально для этого предназначенные места. Хотя, очень хотелось бы в тот момент, всё это выплеснуть на голову тому, кто посчитал, что снятое им подходит для нормального просмотра нормальными людьми, а не специально для этого предназначенной публики. К которой, видимо и относится данный режиссер, со своим особенным предназначением в этом мире.

– Знаешь, а ведь все крутые сюжетные завязки происходят именно в таких заведениях, – жуя бургер, заявил Алекс, присаживаясь за стол.

– Хочешь сказать, что пищеварительный процесс содействует мыслительному? – вставил свое слово Грег.

– По всей видимости, так. Ведь тут, как дело обстоит: кто не имеет проблем с финансами, тот, следовательно, чувствует себя по-хозяйски в этих заведениях общепита. Правда, надо признать, что они здесь практически не появляются, а уж там, где у них есть свой заказанный столик, набирают всего, что только душа пожелает. Для тех же, кто ориентиру-

ется на свой бюджет, существуют свои определенные правила выбора заведений и блюд. Ну, и последняя категория, как правило, заходит сюда с пистолетом, на который почему-то всегда находятся деньги, – высказался Алекс, пережевывая свое сухомятное блюдо.

– Угу, – только и промолвил Грег, боясь, что дав повод Алексу для развития его мысли, он усложнит себе задачу по выходу из этого заведения.

– Конечно, с пистолетами сюда заходят не только для того, чтобы проверить их надежность работы и вашу психологическую устойчивость на сунутый вам в лицо пистолет. Ну, это уже можно сказать, кульминация всего развернувшегося действия картины. Мне же нравится то, что в результате вот такого небольшого междусобойчика, с посиделками за столом, можно набросать рисунок на всех будущих участников предстоящей истории. Как в «Бешеных псах», они вот так сидят, и вальяжно обсуждают какую-нибудь историю, совершенно не относящуюся к предстоящему делу. Хотя, обсуждение песни Мадонны мне показалось весьма странным, для такого рода людей, а вот уж история с чаевыми, куда более интересна, и дает возможность раскрыть типологию объектов. Вот представь только, – начал было сам представлять Алекс, но Грег, не дав ходу его фантазии, поднялся из-за стола со словами:

– Пошли, давай, и что хотел, по дороге расскажешь.

Алекс меж тем, доел свой дополнительный обед и, наки-

дывая куртку, как заведенный продолжил свое «представь».

– Так вот, компания поела в кафе и собирается поехать на лифте вниз, чтобы там эффектно под музыку пройти по Цветному бульвару, – начал свою речь Алекс.

– Подожди, но мне кажется, что там не было лифта, и они обедали вообще на первом этаже, – ответил Грег, умывая руки в туалете, в который они заглянули перед уходом из кафе.

– Да перестань ты придираться ко всяким мелочам, суть ведь не в этом. И небольшие возникшие несуразности всегда допустимы, если это дополняет сюжет. Так вот, лифт нам нужен для того, чтобы через его ограниченность пространства, максимально раскрыть характеры тех наших героев, которые не были задействованы в эпизоде разговора в обеденном зале, – начал развивать тему Алекс, ни на минуту не отходя от Грега, вначале стоявшего у мойки, затем у сушки и, по окончании процесса гигиенических упражнений, у зеркала.

– Ну, и зачем об этом думать, когда за тебя эту историю уже рассказали? – ответил Грег.

– А мне знаешь ли, не всё в ней ясно. И я вижу в ней подводные камни, – с горячностью заявил Алекс.

– Про камни, мы с тобой ещё поговорим. Ну а здесь-то, что еще не ясно? – спросил Грег, удивившийся горячности Алекса. Хотя всё же предвидя, что тот, пожалуй, уже сочинил какую-нибудь новую замысловатость, которая поразит вас своей неприличностью.

– А мне кажется, что в фильме существуют свои скрытые загадки, так и оставшиеся неразгаданными для зрителя. Вот вспомни, с чего начинается фильм. Да, они сидят в кафе, едят, потом резко меняется кадр, и вот они под музыку титруются, при этом вид на них сбоку показывает не весь ряд, а только лишь часть из них. При этом, общий вид спереди показывает нам, что из идущих нам навстречу, выпадает ряд присутствующих в кафе лиц. Возможно, телевизионная картинка, для своей эффектности требует обрезки части персонажей, но тем не менее, следом идет приближение камеры, и уже в неё попадают те лица, которые не вошли в общий план. Ну, и задний вид, где они как бы все вошли в кадр, всё равно для меня не вносит ясности. Так вот, по моему личному мнению, одного из них, а именно мистера Синего, уже замочили в это время в лифте кафе.

Вообще, после просмотра фильма, мне долго не давал покоя этот молчащий персонаж, который как бы должен был бы играть какую-то важную роль вместе с другими, но в результате, так и не проявил себя. И только не надо мне говорить, что его играл настоящий преступник, который, ко всему прочему, консультировал режиссера. Да настоящие авторитеты, по большому счёту больше делают, чем говорят. Вот он его и сделал, в самом начале в туалете, где он всё время был после съеденной им в кафе несвежей курицы. А нечего было выделяться, надо было брать то, что и все. Ну, и в результате чего, он и не попал в основной кадр разговора в кафе.

И вот когда, вторая часть компании – им пришлось разделить из-за того что, вместимость лифта не позволяла поехать всем сразу – зашла в кабинку лифта, хотела уже было поехать, как к ним неожиданно заскочил ещё один попутчик, в виде дамы неопределенных лет. Которая в спешке позабыла где-то свою осмотрительность, и тем самым, забежала в лифт, полный незнакомых мужчин.

Видимо, мистер Синий не ожидал такого стечения обстоятельств, и поначалу хотел дружески напомнить о себе своим компаньонам через незамысловатый звук, принятый в компаниях истинных американцев, как, по крайней мере, учит нас их кино. Но тут резко изменившиеся обстоятельства, в связи с появлением этой дамы, спутали все его намерения. После чего он, потеряв точную программу своих действий, вместо звучного дружеского хлопка, наподобие работы пистолета с глушителем, выдал беззвучное шипение, с выделением тех невероятно озонированных газов, чей запах так сводит с ума и режет глаза, особенно если вы находитесь в закрытом пространстве.

И вот, невидимая немислимость, постепенно доходит до каждого, из находящихся в этом лифте людей, и не случись здесь находиться незнакомой даме, то, пожалуй, все бы обошлось дружеской перепалкой. Но сейчас ситуация другая, и требует совсем других подходов. Ну а там, где в деле участвуют джентльмены, да ещё такие характерные, как эти, то само собой, дело простым замалчиванием обстоятельств

случившегося, вряд ли может закончиться.

– А не кажется ли вам господа, что кто-то среди нас облажался? – крутя носом из стороны в сторону, заявил мистер Розовый.

– Вечно вам, что-то не нравится, начиная от света, заканчивая запахом, мистер Розовый! – заявил ему мистер Блондин, после чего все слегка смешливо прокашлялись.

– Но на этот раз, я, пожалуй, с вами соглашусь, мистер Розовый. Запах и вправду невыносим, – выразил своё согласие, мистер Блондин.

– А мне кажется, во всем этом замешан мистер Рыжий, всегда имеющий про запас отговорку о сути цвета его волос, – выдвинул свою версию мистер Белый.

– Сколько можно повторять, я не рыжий, а мистер Оранжевый! И вообще, чего нам стесняться, раз все мы под чужими именами. Так пусть откроется тот, кто всё-таки испортил воздух, – заявил мистер Оранжевый.

– Я бы согласился, что я спёр воздух, но что я его испортил? Нет, это не моя статья, – заявил мистер Синий.

– Вы, как всегда, в своем стиле, – заявил ему на это мистер Розовый.

– Не спорьте, девочки, – замыкает им рты мистер Блондин, и все опять ржут.

– Мне же кажется, что мистер Белый переводит стрелки и хочет обелить себя, – сквозь зубы проговаривает мистер Черный.

– А мне кажется, что мистер Черный хочет, как всегда, очернить кого-то, – в свою очередь скрипит зубами мистер Белый.

– Ты у меня, как шелудивый пес, будешь сейчас чесать-ся! – заявляет мистер Черный, и угрожающе смотрит на мистера Белого.

– Что-то я, плохо слышу тебя, – приставляя руку к уху, заявляет мистер Белый.

– Сейчас я тебе расширю твои звуковые возможности, – говорит мистер Черный, доставая опасную бритву из кармана.

– А мне кажется, всё это чья-то подстава, целью которой было нарушить наши планы по взятию банка, – закричал мистер Розовый. – Я ведь всегда знал, что нельзя действовать подобным образом.

– Заткнись ты уже! – кричит на него мистер Блондин.

– Нет, я с самого начала чувствовал, что здесь что-то не так. А вы разве не заметили, что весь день с нами не было мистера... – пытается закончить фразу мистер Розовый, но внезапно погасший свет и остановившийся лифт с последовавшими хлопками, ставят точку в жизненном эпизоде этой веселой компании. Правда, сквозь двери лифта, ещё что-то говорят, и слышатся истерические крики: «Заткнись! Заткнись!». Затем следует небольшая пауза, и вдруг внезапный истошный смех озаряет кабинку лифта, и слышится чей-то возглас.

– Теперь мы все мистеры Коричневые.

– Всё, хватит, и сам уже заткнись, – схватив себя за голову, заявил Грег, выходя из кафе. Следом за ним появляется Алекс и, держа в руке банку воды, под музыку той же группы George Baker Selection, звучащую только в его ушах, плывет тем же шагом, что и бандиты из фильма «Бешеные псы». Правда, Алекс не был бы собой, если бы не добавил что-то и от себя к этому, ставшему классическим размеренному шагу. Правда, закончившемуся очень скоро, натолкнувшись на естественную опору в виде прохожих на улице, чья многолюдность не больно-то позволяла тут вышагивать, как вам на то заблагорассудится.

– А знаешь, я теперь понял, почему в этом фильме не было ни одной женщины, кроме... но она не в счёт, – со счастливой улыбкой сказал Алекс, после очередного столкновения с прохожим. Но Грег, полностью поглощенный мыслями об этом странном человеке, забывшем клубную карточку, ему не ответил и следуя вслед за Алексом, о чём-то думал. Правда, в его голове всё же появилась фоновая музыка, навеянная Алексом, которая впрочем, ему не мешала, а даже помогала не замечать беспокойства вокруг...

– Я ищу немного счастья, но нахожу только одиночество. Поворачиваю налево, поворачиваю направо, смотрю вверх, смотрю назад....

Глава.4

Выброшенный из памяти.

Остановки общественного транспорта, делятся на основную свою часть, на постоянные маршрутные остановки, а также в тех случаях, когда выходящие пассажиры встречаются на них крайне редко, делятся на остановки по требованию. Но, это всего лишь одна сторона медали, с её видимой из окна динамической части, маршрутного автобуса. С другой же, с её аверсной части, существует и её статичная часть, состоящая уже из самих остановок этого маршрутного транспорта. Конечно же, также есть непредусмотренные маршрутом, но предусмотренные желанием водителя маршрутки, так называемые остановки «желаний». Плюс к этому, также можно прибавить различные экстренные версии остановок, но для нас в данном случае они большого интереса не представляют, и мы их оставим для рассмотрения, до лучших, или худших времен.

Ну, а если есть желание и посмотреть на схематичную карту маршрута движения транспорта, то они предстанут перед вами в виде кругляшков, похожих на пеньки, которые так часто схематично представляют вам разработчики различных детских игр, где вы с помощью кубиков стараетесь преодолеть свой маршрут быстрее соперника.

Но, одно дело схематичный план или даже сам эскиз проекта остановки, то другое дело сама реальность, которая должна стать для каждого будущего пассажира временным домом, под крышей которого он сможет уберечься от дождя или снега, где её боковые стены защитят вас от боково-

го ветра. Ну, и это ещё не всё, так для самых требовательных с невоздержанным языком, но, увы, со слабыми ногами людей, предусмотрительно установлены лавочки. И ведь всё для того, чтобы вид этого временного пристанища, в ожидании своего маршрутного транспорта, смог скрасить для вас эти не очень-то приятные минуты, которые, по мере своего роста, становились для ожидающего транспорта, очень даже невыносимыми.

Видимо, именно поэтому, молодежь, обладая непоседливостью и весёлым нравом, а также желая внести в этот серый мир немного – да почему немного, да сколько есть краски в баллончике, а чего жалеть то, ведь для окружающих ничего не жалко – она берёт и приносит в этот мир радость, раскрашивая так одиноко стоящие, обдуваемые со всех сторон остановки. Ну, и ничего, что их рисунки столь нелепые и нетематические для вашего глаза. Для них они, как раз есть самое то.

Но и среди этой стройной массы остановок, есть свои уникалы, так и не встроившиеся в общий строй остановочные павильоны, это конечные остановки, которые ввиду своей такой отдаленной расположенности, выглядят так обшарпано и одиноко, нагнетая тем самым на вас весьма грустные мысли о невыносимости такого бытия. И конечно, данная характеристика забытости относится только к тем конечным остановкам, являющимися окончанием маршрута, в каком-нибудь богом забытом поселке, который скорей всего, когда-то

и стал тем истоком, из которого родился город.

В тех же случаях, когда остановка является, с одной стороны конечным пунктом, а с другой стороны, и начальным, как в случае её нахождения на различных вокзалах, то тут дело совсем другое. Но в данном случае, мы рассматриваем именно тот вид одиноких обветшалых оконечностей, где очень редко ступает нога человека, ввиду того, что там значительно чаще ступает нога гопника, отчего-то так не любящего оживленность улиц, и выбирающего для себя тишину подворотен и подъездов. Так что, те случайные прохожие, которым, в силу непреодолимых обстоятельств, необходимо присоединиться к сонму пассажиров общественного транспорта, стараются не застаиваться здесь, а приходиться ровно по расписанию отбытия очередного маршрутного автобуса.

Правда, бывают случаи, когда, в силу опять же непреодолимых обстоятельств, но имеющих под собою совершенно другую основательность, сюда заносит того одинокого путника, который в силу своей сущности, не может вовремя донести до дома то, что несёт в себе. Так что, не обессудьте, и наш одинокий путник, найдя для себя отдушину в виде этого второго одиночества, несколько обильно омоет его стенки, тем самым придав особенный аромат, который так присущ всем этим конечным остановкам. Затем, одинокий путник, оставив на ней пакет полный напитков и какой-нибудь снеди, поблагодарит, так вовремя оказавшуюся на его пути остановку и ни оставив другого следа, отправит-

ся дальше в поисках, возможно, другой остановки.

Что же касается снеди, то её со временем обнаружат спящие здесь время от времени всегда голодные собаки, для которых совершенно не существует правил приличий. И они, никого не спросив, живо распотрошат этот пакет, не оставив от него ни одного нетронутого кусочка, и даже банки пива, и те будут нещадно покусаны и раскиданы по углам.

И вот со временем наше остановочное одиночество приобретает так знакомый нам, иногда бывающим на этих остановках, затрапезный вид. А ведь и не скажешь, что она ежедневно веселится, как это делают её ровесницы, находясь напротив ресторана, где звучит ежевечерняя громкая музыка. Да к тому же ещё, очень веселая публика, так и норовящая показать, на что она способна, не дает ей заскучать. И всё равно, эти остановки, несмотря на эту свою такую жизнь, имеют приличный вид, чего не скажешь об их сестрах, заброшенных на окраины цивилизаций. Да, всё-таки все эти факторы, отсутствие внимания к ним, их одиночество, и вследствие этого не ухоженность, и приводит их в такое состояние заброшенности и неприглядности, в которые сейчас, нельзя войти без содрогания. А ведь она, пожалуй, в сердцах закричит: только дайте мне чуточку любви и внимания, и вы, пряхась в моих уютных стенах от бури, получите от меня сто-кратно.

Вот сюда-то, на эту конечную остановку, в один из вечеров подъехал маршрутный автобус, внутри которого, кроме во-

дителя и кондуктора, находился средних лет мужчина, которого, по всей видимости, укачало, и он, не выдержав, борьбы с этим обстоятельством (ведь дороги в приближении к конечным остановкам тоже оставляют желать лучшего), пал жертвой этой качки и оказался здесь.

Но это не столь важно для кондуктора, который, получив от вас плату за проезд, толкает вас в плечо, пытаясь донести информацию, что всё, конечная, и дальше автобус если поедет, то разве что в другую сторону, за которую вы еще не заплатили, а, следовательно, вам следует проснуться и выйти из автобуса. Ну, а дальше уж, как на то бог положит.

Вот пассажир в недоумении открывает глаза, и, видя перед собой совершенно несимпатичную тётку, которая, кажется, что-то ему говорит. Но потрепанный пассажир ничего не может понять из её слов, но при этом считает нужным ей подчиниться, интуитивно понимая, что его зачем-то заставляют выйти из автобуса, в котором он по каким-то неизвестным обстоятельствам, вдруг почему-то оказался.

Потрепанный гражданин, а другим в таких определенных случаях он не может быть, выходит из автобуса и, зачерпнув в себя весь запас окружающего кислорода – так глубок был его вдох, с удивлением окидывает взглядом окружающее его место. Ударивший же ему в нос специфический запах, которым может похвастаться каждая конечная остановка, подействовал на него как нашатырный спирт, приведя в некоторое сознание. Которое, обнаружив свое присутствие в орга-

низме, мигом принялось задавать неудобные вопросы, пытаюсь через них уже прийти к осознанию себя и того человека, в котором оно находится в данный момент.

При этом потрепанный гражданин, казалось бы, оказавшись в такой ситуации, должен был испытать ужас, и ошеломленный испытанным ужасом, броситься в панике искать помощи, хотя бы у того же кондуктора, который все сидел в автобусе, подсчитывая выручку. Но, видимо, потрепанный гражданин был скроен из очень основательного материала, который не позволял ему дергаться при всякой, казалось бы, безвыходной ситуации. Хотя, возможно, он уже был испытан этим самым ужасом и вследствие чего, данная ситуация для него была не совсем нова и по всей видимости поэтому, он не испытал всех этих предполагаемых треволнений.

– М-да, что-то и в правду новенькое, – поняв, что он может не только обозревать, но и говорить, ощущая потребность высказаться, и тем самым увеличить пределы своей осознанности, сказал вслух этот потрепанный гражданин с простым именем Олег. Которое, между прочим, вполне бы мог носить любой из потрепанных граждан нашей, и не нашей страны.

– В прошлый раз, я очнулся в движущемся автобусе, что было тоже весьма удивительно. И я, так как темнота за окном не давала мне ясности в этом вопросе, не понимая, как в нём оказался, и куда он вообще едет, сразу же попытался выйти из него, чтобы, ощутив под ногами твердую поверх-

ность, разобраться во всем, что случилось.

Да, тогда в ресторане я сильно перебрал, и вследствие чего наступил провал в памяти, который, вначале не заставил себя ждать, а затем каким-то образом завел меня в автобус. Где уже в результате динамического проветривания я и пришел в себя. Затем, я шел по улице, вглядываясь в таблички с названиями этих улиц, дабы попытаться понять, где нахожусь, так как окружающая местность было мною мало узнаваема. Но хотя названия улиц, где я находился в тот момент, оставались на уровне понимания лишь того, что я в принципе знаком с такими именитыми деятелями страны, и даже не возражаю против того, чтобы их именами называли улицы, но для меня в тот момент, всё же существовала другая насущная проблема: как же мне всё-таки найти, хоть какую-то взаимосвязь, или, лучше сказать, свою близость к той улице, на которой я живу.

Но проявленное мною упорство, а по-другому и не могло быть (ведь мне всё равно деваться было некуда), всё-таки вывело меня к одному месту, знакомость которого, позволила мне целенаправленно следовать к себе в общежитие, где я в то время жил, учась в университете. Но тогда у меня был лишь частичный провал памяти, вследствие которого, я потерял себя в пространстве и времени, когда же всё остальное для меня, оставалось по-прежнему предельно ясно.

– Да, ясно, – задумчиво повторил про себя последнюю фразу потрепанный гражданин, кажется, Олег. Сейчас же,

ко всему прочему, а именно, пространственно-временной неосознанности, добавилась, как бы ни странно это было слышать, определенная осознанность. Конечно, если это слово уместно в данном случае, но так как оно в полной мере отображает случившееся, мы его и применим, в общем, добавилась осознанность того, что он собственно не знает кто он такой, и что он здесь делает. Хотя, последний вопрос им, скорее всего, был задан себе, лишь для того чтобы, не то что сильно, а окончательно не расстраиваться. Ведь какая разница для тебя, что там делает, вон тот незнакомец, если это, конечно, напрямую не касается тебя?

– Сейчас же, для себя.... (потрогав себя за кое-что), - вздохнул с облегчением Олег (что опять же дает нам право предположить, что всё-таки у него, еще не полностью были утрачены функции осознания самого себя), затем подумал и завершил задуманную мысль.

– Хорошо что, не для неё! (Почему?) Нужно выяснить значение этого самого я, или ты? В общем, всё запутано хуже некуда.

– А ведь я, почему-то, помню все события сегодняшнего дня, и даже главных участвующих в нем лиц. Меня? И моего друга Леху, с которым мы сегодня случайно встретились после долгой разлуки, и зашли посидеть в какое-то заведение. Где мы с ним, выпили раз-второй, затем ещё, и вот я здесь, – сжав свой лоб, пытаюсь как бы выжать из него толику памяти, размышлял про себя, кажется Олег. Но, кто такой этот

его друг, он так и не может вспомнить. Да и разговор с ним, также остался стёртым из его памяти.

– Но, почему он здесь стоит и размышляет о каком-то Лехе, когда у него кроме какого-то Лехи, есть свои, правда, забытые, но всё же проблемы? – задаётся вопросом этот потрепанный гражданин., которому к тому же, не мешало бы вспомнить еще хоть что-нибудь и про себя.

– Допился до чёртиков, – натужно прыснул смешком, кажется Олег.

– Ну, если помню, кто такие чёртики, значит всё еще не так уж плохо на сегодняшний день, или вечер, – продолжил иронизировать, кажется, Олег, при этом постучав себя по карманам брюк.

– Ага, раз сигареты есть, то, пожалуй, я, наверное, курю, – продолжал анализировать, кажется, Олег, достав из кармана сигареты.

– Интересно, почему мне после моей последней фразы захотелось проверить, есть ли у меня сигареты, о существовании которых, я узнал лишь в ту минуту, как постучал себя по карманам. А ведь до этого момента я, кажется, и не представлял для себя их существование в этом мире? – включившись, всё не переставала работать в голове Олега мысль.

– Жизнь с чистой доски, как баловень судьбы Бельмондо, – вдруг в голове Олега пронеслись слова этого Лехи. Которые, надо сказать, ещё больше смутили его своей такой содержательностью, и с каждой ступенькой на пути к пони-

манию своего сложившегося положения, кажется, Олег всё больше терял под ногами почву. Да и, видимо, ступеньки вели скорее вниз, чем вверх, и он становился все менее понимающим в этой ситуации, которая требовала немедленного ответа, что же всё-таки ему делать.

– Ну что, так и будешь стоять? – как гром среди ясного неба донесся до Олега голос кондуктора, для которой странное поведение её бывшего пассажира, выраженное в столбнячем стоянии, не дало просидеть мимо, и она решила разбавить этот скучный вечер своей словоохотливостью.

– Да-да, я это тебе. – не собираясь отказываться от своих первых слов, лицеутверждающе продолжила кондуктор, указывая своим пальцем прямо в лицо повернувшегося к ней кажется Олега, который, услышав посторонний звук, даже несколько пришел в себя, поняв, что он хотя бы пока что, ещё человек. Затем, следом за этим, пришли и другие чувства, такие, как холод от пронизывающего ветра, специфический запах, несущийся от остановки (правда, о нем мы уже говорили), шум деревьев, который заставляет не меньше ветра съежиться ваше тело, и окружающая темнота, своей безнадёжностью заставляющая увидеть в этом огоньке света, исходящего из салона автобуса, путь к твоему спасению из этого мрака невежества.

И вот, кажется Олег, как космонавт, забытый всеми на далекой планете, забирается в присланный за ним космолет – всё-таки не все ещё о нем забыли – и после скрипа закрыва-

ющихся дверей, отправляется к себе домой, в неизвестность. И теперь ему кажется, что кондуктор уже не столь ужасна, как прежде, а видится такой даже домашней. Ведь она тоже с земли, а разве земляне – его родственники во всей вселенной, могут быть некрасивы и уродливы.

– Попрошу, заплатить за проезд, – противный голос кондуктора спускает Олега со звезд на нашу грешную Землю, заставляя его пожалеть о поспешности своих выводов, и признать, что всё-таки иногда и на его Земле, рождаются такого рода экземпляры, не знающие жалости к своим соплеменникам. Хотя, всего вероятнее, это не человек, а в образе кондуктора, перед ним предстали, как раз те злобные звёздные кондукторы с планеты Мерканта, которые вселяются в человека для того, чтобы предаваться своему любимому занятию: получать плату за проезд. Да и этот страшный рот, готовый тебя проглотить, и её звероподобная улыбка, практически снимает все сомнения в его предположениях. Но размышления кажется Олега, прерваны настойчивостью кондуктора с планеты Мерканта.

– Я говорю, за проезд платить будете?

– Да, сейчас, – говорит Олег, судорожно бросаясь искать по карманам свой кошелек, который, к его облегчению, и к не очень-то большому кондуктора, ожидавшего небольшого, для разрядки спектакля в конце смены, был найден.

Но если, для кажется Олега, всё прошло удачно, то для второй половины кондуктора с Мерканта, всё не так и ему,

пожалуй, сегодня придется услышать всю невысказанность уже его второй половины. А ведь она скорей всего, на работу-то ходит не из-за денег, которых, собственно, здесь и не заработаешь, что опять же служит стимулирующим для нее фактором, а из любви к особенностям этой работы, не позволяющей ей застаиваться, и выплескивая наружу, то есть, в то место, где находится пассажирский люд, всю свою неудовлетворенность этой жизнью.

А уж если сегодня вышло так, что день выдался неинтересным до событий, то единственным её слушателем, поневоле становился её единственный супруг, находящийся под железным сапогом своей половины. Которая, сняв каблуки после свадьбы, решила, что это для неё не очень удачный вариант, и что обувь на сплошной подошве куда более удобнее и комфортнее, чем шпилька, что, можно сказать и послужило для неё тем поведенческим толчком, в осознании ею того своего места в этой жизни. Так забыв про каблуки, она постепенно начала забывать и про другие женские аксессуары, так отличающие их от второй части двуногих, что, в конце концов, и отразилось на ней, и вылилось в то, на что и приходится смотреть пассажирам автобуса маршрута номер девять.

– Поутрируй тут ещё у меня! – вдруг послышался грозный голос кондуктора с Мерканта, заставив задрожать коекого. Но, заметив, что эти слова, сказанные в трубку сотового телефона, относились к её второй половине, этот кое-кто

продолжил повествование и вернулся к кажется Олегу. Который, отложив кошелек обратно в карман, и найдя в другом отделении паспорт, собирался с духом для того, чтобы открыть его, и через него открыть для себя то, что он забыл где-то далеко в своей памяти. А ведь не всё так легко, как кажется. И кто знает, что произойдет после того, как он прочитает о себе написанное в паспорте? Ведь если он вспомнит, то тогда, наверное, всё хорошо и лишь как-нибудь потом, нужно будет обратиться к врачам. Ну, а если, он не вспомнит, то тогда, что делать, как ему поступить в этом случае, и кто еще знает, с чем это связано? Хотя, пожалуй, и при этом варианте, наверное, тоже, придётся обратиться к врачу. Ну всё, хватит гадать. И вот, кажется Олег открывает паспорт, где с его страниц, к его ужасу, на него смотрит...

Глава.5

Довольно спорная в рабочем и бытовом плане глава.

– Ну, и как тебе начало? – спрашивает Грег у Алекса, прочитав тому первую главу, написанную им по следам вчерашних событий.

– А говоришь, не любишь кино! Сам-то прибегаешь к сериальному приему, заканчивая на самом интересном, – следует ответ Алекса, которому, надо признать, не так-то легко ответить. Ведь он несколько ревнив в вопросе, который касается творчества, да и к тому же Муза, как ему кажется, вчера ему тоже подмигнула.

В общем, он считает... Но прежде чем узнать, что собственно он считает, мне хотелось бы раскрыть небольшой секрет по части понимания того, как надо себе отдавать отчёт при произношении рецензий насчёт твоих товарищей по цеху, хоть даже они и числятся в ваших друзьях. Ведь, как всем известно, в любви, и в особенности в творческой её ипостаси, друзей не бывает, и даже твой соавтор или попутчик на этом пути в искусство, довольно эгоистичен и ревнив, и неосторожная фраза или замечание, вполне может разрушить эту дружбу навек, и привести к ожесточенной войне. Так что, не надо удивляться тому, что в творческой среде приобрел популярность свой дипломатический, или, говоря иначе, более близкий к ним «Эзопов» язык, благодаря которому, сохранились не тронутыми столько светлых голов, пробующих себя в жанре беллетристики. Ну, а кому уж сильно невтерпёж, то для них всегда открыта дорога в социальные сети.

Конечно, первопроходцами в этом дипломатическом жанре рецензирования, достигшего высот искусства, несомненно, можно считать художников, в особенности их ответвление – авангардистов. Иногда даже складывается впечатление, что эти новые слова в живописи, как раз своей целью имели, поддержать, так любимую всеми касту оценщиков картин. И можно даже предположить, существование заговора аукционистов, которые и дали ход таким направлениям в живописи, как абстракционизм, кубизм и другие языкло-

маешьизм.

И теперь, благодаря появлению этих новых течений в искусстве, какому-нибудь большому ценителю капиталов, а значит, и ценителю искусства, желающему приобщиться к нему, и значит, вложиться в покупку картин, приходится в этом деле оценке картин полагаться на этих оценщиков картин. Ведь теперь твой глаз, как оказывается, ничего не значит, и для должной оценки картины требуется консультация специалиста, который, конечно же, всегда в курсе всего, и может разложить для вас по полочкам, где в картине бьёт экспрессия, а где зашкаливает темпоральность. Ну, и в частных случаях, он может по секрету показать вам, в какой части картины Малевича, чёрные (не путать с синими) негры бьются в пещере.

А какой простор для своих умозаключений получили различные очень важные арт-критики, которые с глубокомысленным выражением лица, глядя на очередную композицию заявляют: «Это глубоко реалистично» – чем приводят в восторг окружающих зрителей и самого художника. Но стоит ему заявить: «Это реализм какой-то» – как всё, художник уже готов привязать висящий на его шее шарф к какому-нибудь фонарному столбу, чтобы качающийся фонарь время от времени освещал ещё одну жертву искусства, так и оставшуюся недопонятой. Но раз вы говорите реализм, то значит, так тому и быть. Вот и получайте. И это вам не какие-нибудь неработающие причиндалы к брусчатке экспрессивно при-

бивать, а это и есть реализм.

Ну и, конечно, главная похвала для художника, если кто-то заметит, что, как оказывается, в его работах прослеживается ранний Шагал. А вот где и когда он сумел проследить, так и остается тайной. Но, для художника это не важно, хотя, он очень чутко следил за своей картиной, и не мог бы не заметить этого неуловимого, как его там, любителя пошагать. Но всё равно, он преисполнен восторга, и уже раздулся от своей значительности, для которой уже не так важно, шагал ли или не шагал этот самый Шагал. Теперь он будет ориентиром для всяких там юнцов, в картинах которых ещё никто не шагал.

Что же касается писательской братии, то здесь тоже приходится прибегать к премудростям дипломатического языка, дабы в будущем не стать посрамленным, и самим быть достойно оцененным своими собратьями по перу.

– Ну, и что скажешь? – серьезно и, как показалось Алексу, очень нервно повторил свой вопрос Грег.

– Знаешь, скажу прямо, мне понравилось, – заявил Алекс достаточно прямо. Правда, вот эти заявления о прямоте пути, почему-то всегда не внушают доверия, заставляя нас искать эту вторую непрямую дорогу. Но эта подозрительность возникает позже. Первым же охватывающим тебя чувством, является внезапная радость и благодарность другу за такой отзыв, после чего тебе даже хочется отбросить все условности и обнять его. Но вот, первое радостное смятение прохо-

дит, и вас начинают одолевать смутные сомнения, и вы начинаете через наводящие вопросы, испытывать своего первого читателя на предмет знания своей работы, вопрошая, что именно ему понравилось, и что, если такое возможно, не очень (не забывая при этом хмурить брови).

– В техническом плане, слог не вызывает нареканий, кроме нескольких проблемных мест, но это исправимо при редактировании. Что же касается внутренней начинки, знаешь, ты прям в точку попал, описывая вчерашнего типа. И, знаешь, я заинтригован началом, которое раскрывает нам широкое поле для развития сюжета. В твоём вступлении чувствуется влияние раннего Диккенса, при этом ты привнес философский оттенок в смысловую составляющую текста, в результате чего получилась неплохая оКантовка Диккенса. Так что, я вижу ещё много точек соприкосновения, не только для заимствований, но и для нашей дальнейшей благотворной работы. Но я бы не был твоим другом, если бы не добавил свою ложку дегтя в твою бочку меда. Да, есть моменты, которые вызывают у меня озабоченность, а именно, этот нелюбезный кондуктор, которая, по моему мнению, своей неустроенностью жизни, совершенно не придает оптимизма работникам, трудящимся в сфере общественного транспорта, – на одном дыхании произнес эту тираду Алекс, чем вызвал улыбку у Грегга, и ответное:

– Да хорош, мне голову морочить. Говори же, что пойдёт, а что нет?

– И ничего я, не морочу голову. Мне и вправду понравилось. Кстати, и чего такого ужасного, твой герой мог увидеть в паспорте? – задал вопрос Алекс.

– А разве не ясно? Ну, сам подумай, ведь для читателя существует не так много вариантов развития действия. – ответил Грег.

– Неужели фотографию кондуктора? – с деланным ужасом предположил Алекс.

– Эта тема для тебя, я смотрю, стала близка после твоего безбилетного проезда, – засмеялся Грег.

– Нет, я серьезно. Мне твоя история с кондуктором определенно нравится. Ведь от того, кого он увидит в паспорте, зависит вся последующая сюжетная линия. Вот представь, он открывает паспорт, в ожидании всего чего угодно, но, как это всегда бывает в жизни, она преподносит вам такой сюрприз, которого вы уж точно не ожидали увидеть. Со страницы паспорта на, кажется Олега, смотрело чем-то удивлённое лицо кондуктора с Мерканта, отчего кажется Олег, сначала поразился увиденным, и уже после этого пришел в ужас от осознания странности происходящего. Но, когда на его плечо сзади легла чья-то рука, то в тот момент он уже не мог точно осознать принадлежность окружающей материальности. После чего сопровождающий движение руки, незнакомый ласковый голос спросил его... – со сверкающими глазами продекламировал свое продолжение Алекс и, заметив удивление Грега, спросил:

– Ну как?

Тот же, в свою очередь, хмыкнул и сказал.

– Слушай, я даже не ожидал такого. Блин, а здесь и вправду существует точка разворота, после чего сюжетная линия меняет своё направление.

– А я что говорил! – самодовольно заявил Алекс.

– Ну, так что же дальше? Что там его этот голос спросил, и почему он вдруг незнакомый? – спросил Грег у Алекса.

– Ну, я ещё не знаю. Может, спросил, что, как хорошо, что вы мой паспорт отыскали, а то я его уже устала искать, – полный иронией, начал фантазировать Алекс.

– Ну, так мы далеко не уйдем, – заявил Грег, тем самым сбил смешливость у Алекса, заставив его, во-первых, принять серьёзный вид, и во-вторых, кажется, над чем-то задуматься. После чего Алекс очень серьёзно спросил у Грега.

– А сам то, что задумал? Может, посветишь меня?

– Ну, ты и сам, наверное, догадался. Нам важно сейчас другое, как найти обоснование провалу памяти нашего героя. Да и вообще, надо выработать для него легенду, кем он явится для нашего читателя, – начал размышлять Грег.

– Ну, я как понимаю из предыстории, этот Олег, кстати, почему именно Олег? – поинтересовался Алекс.

– Ну, знаешь, придётся, наверное, часто вести диалог от первого лица, и мне показалось, так удобнее, – ответил Грег.

– Понятно. Ну, значит, он у нас, по всей видимости, име-

ет пристрастие к алкоголю, раз у него появляются проблески памяти, в которой он, уже оказывался в подобной ситуации при употреблении спиртного. Но здесь ситуация осложняется своей необычностью, с какой-то новой спецификой, потерей идентификации себя. Знаешь, нам надо с тобой поосновательней разобраться в этой теме, когда, почему, и тому подобное. А лучше, и вовсе сходить проконсультироваться у врачебного специалиста, – предложил Алекс.

– Знаешь, а эта идея с врачом, мне определенно нравится, – согласился Грег.

– Ну, ладно, это мы решим. Что же касается самого героя, то в качестве эскизного варианта можно предположить, что он какой-нибудь нейрохирург, что даст нам возможность зацепиться за тему провала в памяти, которая может быть вызвана как искусственно, так и случайно. Также, тут существуют варианты: сам ли он был инициатором этого действия, либо же какие-то внешние силы поспособствовали этому в своих целях. Короче, очень широка вилка возможностей, от выбора которых и будет зависеть то русло, куда потечет наше действие сюжета, – выдал свое видение Алекс.

– Идея с нейрохирургом мне понравилась, но мне кажется, что лучше его сделать пластическим хирургом. Это даст нам куда более широкие возможности. Тут и деньги, тут и светский, и криминальный мир, да кто там только не вертится, – предложил свою версию Грег.

– Точно, – заявил Алекс. – И он, после какой-нибудь опе-

рациональной ошибки, вызванной дрожанием рук после очередного загула, делает операционную ошибку. Правда, какую, трудно выбрать из подходящих вариантов, то ли добавил туда, где надо было убавить, то ли наоборот, убавил там, где надо было добавить. В результате чего, все остались недовольны, и нашему врачу, дабы ему не отрезали там чего-нибудь того, без чего он не смыслит своей жизни, срочно необходимо уже самому делать пластическую операцию.

Во, точно, он делает себе операцию по смене лица и затем, выходя из наркоза, теряет вместе со своим прежним лицом и память о себе. И затем, пытаясь вспомнить себя, прибегает, как ему помнится, к не раз испытанному верному средству – алкоголю, чем ещё больше усугубляет свое положение, и оказывается унесенным автобусом куда-то на окраину города. Ну, а после того, как он садится обратно в автобус и открывает свой новый паспорт, он видит перед собой, то лицо, на кого он стал похож, что и приводит его в ужас. И знаешь, чьё это лицо? – зловеще проговорил Алекс. На что, так же таинственно, полушёпотом, как заговорённый спросил Грег.

– Чьё?

– Кондуктора, – заржал Алекс, чем свалил с ног от смеха Грега, не ожидавшего такого зловещего исхода дела.

– И над чем это мы, смеемся? – вдруг неожиданно, послышался голос вошедшего ведущего редактора Германа.

– Над кондуктором, – изнемогая от смеха, с секундным разрывом ответили эти двое работников издательства, сжи-

мая свои животы. Чья судорожность конвульсий, приобрела над ними такую власть, что, казалось, отпусти они сейчас животы, то они начнут свою самостоятельную жизнь, строя незнакомым прохожим рожицы из своих телодвижений, которые, возможно, заставят вас задуматься над брэнностью своего никчемного существования, и бросят вас в объятия учителя танца живота. Где вы, умоляя его, на коленях будете просить научить вас таким фантасмагорическим движениям, и пусть он клянется и заверяет, что этому причудливому танцу он учит только девушек, вы все равно будете требовать от него подействовать вам. И лишь только после многочисленных заверений знатоков искусства этого танца, вы отстанете от него, уже ища для себя покоя в обществе йогов, которые, как вам сказали, обладают достаточными знаниями, чтобы обречь вас на покой. Но наши друзья, будучи информированы о подобного рода последствиях, дабы не искушать неподготовленного зрителя, крепко держаться за животы, так и не выпуская их из-под своего контроля.

Но облеченный властью Герман, не видит перед собой никого и ничего такого, над чем можно смеяться. Тем более, шутит не он, или тот же издатель, что весьма существенно при определении твоей реакции на рассказанную шутку, да, к тому же, у него есть основания считать, что этот смех плачет по нему, что не может его не возмущать. Но зацепится ему не за что, да и смеху с его-то неудержимостью, разве можно что-то противопоставить и поэтому Германи-ку ни-

чего другого не остаётся делать, как по скорей перевести разговор в плоскости насущного.

– Не знаю, что вам там опять привиделось, но у меня для вас есть объявление. Значит, в пятницу, в ВВЦ будет проводиться книжная ярмарка. Так вот, издательство для своего представительства выбрала ряд работников для участия в ней (я бы вас не выбрал), но издатель требует присутствия всех работников для участия в панорамной съемке и поэтому... (Герман-ик внимательно посмотрел на них) Так что, найдите себе приличные костюмы и будьте готовы к десяти часам быть там, – заявил Герман-ик и, бросив на них презрительный взгляд, покинул помещение. Ведь рабочий день подходил к концу, и надо было уже собираться домой.

Но нормированию дня подвержены только натуры посредственные, занятые в основном физическим трудом. Для творчески же настроенных людей, или же для работников умственного труда, день не поддается упорядочиванию, и даже сон не является для них отдыхом от блуждающей мысли, которая, если захочет, и там вас достанет. Они бы и рады отдохнуть, но это самая беспокойная мысль все тревожит их, не давая успокоиться. И приходится им все чаще прибегать к стимулирующим средствам, дабы хоть на время нейтрализовать свою мысль, тем самым приводя свои души в смятение. Конечно, это дает только временный эффект и, пожалуй, после этого временного отдыха, ваша мысль вновь вас побеспокоит, но уже с двойным напором, напоминая вам обо

всех тех ваших бессмысленных поступках, на которые вы оказались способны в таком очень отстраненном от осмысленности состоянии.

Но что ж поделать, раз природа распорядилась в жизни так, что кому-то все-таки надо внимать, а кто-то должен быть внимаемым. Так и приходится мысли внимать своему носителю, работнику умственного труда, которому приходится быть внимаемым. Ну, а если он забудется, то на помощь мысли придет работник физического труда, и проконтролирует процесс принятия решений или внимаемость уже работника умственного труда. Вот такая она, мысль, со своим материалистическим видом на жизнь. И попробуй оспорить ее, мигом потом не уснешь.

Так что, Алекс с Грегом, переглянулись безмолвно, сказав друг другу: «ну-ну», и принялись приводить в порядок свои рабочие столы.

– Слушай, я тут что подумал, – сказал Алекс, складывая в сумку какие-то бумаги.

– Ну? – последовал ответ Грегга.

– Я думаю, что на каждый административный рычаг воздействия всегда найдется свое творческое оружие возмездия. В связи с чем, предлагаю взять нам шефство над Гармаником и провести его по страницам нашей повести, дав ему соответствующую оценку. После которой, можно там же и привести приговор к исполнению. Как ты к этому относишься? – спросил Алекс у Грегга.

– Ну, и кем же ты его видишь? – присев на стул, спросил Грег.

– Ну, пока действующих героев у нас не так уж много, но я уже вижу среди них перспективных для этого персонажей. Так, у нас еще не задействованы водитель автобуса, насчёт которого, я имею как причины, сопутствующие моему предложению, так и наоборот, не отвечающие ему. Также, есть вторая половина кондуктора, которая наиболее подходяще встраивается в картину развития нашего сюжета, – размышляя, озвучил свои мысли Алекс.

– Тут и находится ответ на вопрос, почему кажется Олег, слышит незнакомый нежный голос за своей спиной. Паспорт, это своего рода ларец, открыв который, ты выпускаешь из него, спрятанное в нем под семью государственными печатями твое настоящее я. Правда при этом, открыть его всё же может не всякий. Для этого, ты должен обладать невинностью и чистотой помыслов. А так как кажется Олег, в данный момент, представляет из себя табулу расу, то он, в принципе, и обладает этими качествами.

И как только он раскрыл ларец, личина кондуктора спала, оголив спрятанную под ней, естественно, прекрасную девушку, которая совершенно не мечтала стать кондуктором, а жила грезами о большой любви. Но она, попав в руки Коцея, облачившегося в прекрасного принца и соблаздившего её мечтами о прекрасном будущем, была заключена в самые страшные из известнейших миру, кандалы быта, кото-

рые не знают пощады, и превращают всех прекраснейших созданий, появившихся на этот свет, в стервозных и жирных жаб.

А ведь она бы еще могла справиться с этими кандалами, но волшебную силу им придает незримый взгляд Кощея, который уже не видит в ней то, самое любимое создание, так легко порхающее с цветка на цветок. Да, он убил в ней все чувства, свозив её на планету Мерканта, и превратив в жирную бабу-ягу, сам же при этом всё чахнет, сидя у окна, вдыхая едкий дым табака. И так изо дня в день, он не видя в ней женщину, своим ненавидящим взглядом убивает её, а она, превратившись в бабу-ягу, всё пилит и пилит его, уже забыв про свое девичье обличье.

Но вот ларец открыт, и на тебя смотрит девичье лицо шестнадцати лет, которое она ещё не знает, что не все сбывается в этой жизни. но она всё же ждёт и мечтает о своем принце. И вот кондуктор, заметив, как пассажир смотрит на фотографию, где изображено её девичье лицо, вдруг вспоминает себя такой, как когда-то она была, и боль в сердце преобразует её. Так в один момент эта её лягушачья личина спадает с неё, и она вновь становится той веселой Марусей, с кем было за счастье погулять всем ребятам с их двора. Маруся протягивает свою руку вперед, пытаясь дотянуться до своего счастья, которое зависит от этого незнакомца, так внимательно рассматривающего ее фотографию. Ведь если он увидит в ней Марусю, то лягушачья шкура будет скину-

та навсегда, и она навсегда станет для него верной царевной-лягушкой, которая пироги испечет, и рубашку сошьет для него, стоит ему только об этом попросить. И... – но тут Алекс, вдруг замолчал, и с какой-то грустью посмотрел в окно напротив.

– Ну, и чего замолчал-то? – окрикнул его Грег, видя, что пауза затягивается.

– Знаешь, что-то сказка, больно грустная получается, – ответил Алекс, размышляя о чем-то неизвестном.

– Здесь-то я, как раз, и не согласен с тобой. Если же это сказка, то, как раз, всё должно получиться. Ведь если вспомнить оригинальную сказку, то Кощей, царевну-лягушку должен был продержать в заточении 33 года и 33 дня. Так что она ещё в самом соку, и у нее ещё есть время для того, чтобы всё исправить в своей жизни. А если есть время, значит, всё ещё есть шанс. Так вот, кажется Олег, ужасается тому, что увидел на фотографии свою первую любовь. Да, вот так, и нечему тут удивляться, – последняя фраза уже относилась к Алексу, лицо которого вытянулось в причудливую гримасу, вызванную удивлением.

– Первая любовь, знаешь ли, навсегда останется в твоём сердце. И если даже память вычистит у тебя из головы всё что можно, то только дай ей зацепку, и она непременно найдет отражение в твоём сердце, которое имеет свои вечные ячейки памяти.

Так вот, увидев фотографию Маруси, кажется Олег, вдруг

вспомнил её, и себя, еще тем молодым Олежкой. Ему припомнились те их вечерние прогулки под Луной, те ожоги губ от страстных поцелуев, отчего его сердце, вдруг сжавшись, поведало ему ту часть его прошлого, в которой он повел себя не столь хорошо по отношению к ней.

И вот кондуктор, увидев себя не только на фотографии, но и в своих глазах, чувствуя боль, пронизывающую её сердце, протянула к нему свою руку и, тронув пассажира за плечо, тем своим девичьим голосом попросила назад паспорт, который она могла как-то обронить на сиденье... (Грег сделал паузу). Но, это уже технические моменты. Олег же, поняв, кого из себя представляет этот ненавистный кондуктор, испугался того, что она его узнает и, не поворачивая головы, протянул ей паспорт, сказав: «Возьмите, я его случайно нашёл».

Теперь уже замолчал Грег, обдумывая что-то своё. Что на этот раз привело в нетерпение Алекса, который в свою очередь повторил слова Грега.

– Ну, и что дальше?

– А что дальше? Ну, тут есть разные варианты развития, которые зависят от твоего, как автора рассказа, ответственного взгляда на жизнь. Ты можешь быть большим реалистом и показать всю серость жизни с ее яркими красками, которые еще больше серят эту жизнь, или же быть большим оптимистом и нарисовать сказку в стиле Золушки. В результате чего можешь спасти эту кондукторшу, правда, при этом

ложными представлениями о жизни можешь загубить не одну впечатлительную девичью душу, – заявил Грег.

– А ты, значит, реалист? – жестко заявил Алекс.

– Скажу так, циничный оптимист. Ну а ты, я как понимаю, у нас неисправимый сказочник? – не менее жестко заявил Грег.

– Знаешь, что? – многозначительно заявил Алекс, который, может быть, и не хотел так говорить, да и в принципе не совсем знал, что он такого особенного знал, но инерция разговора затянула его, и ему автоматически пришлось выступить с таким угрожающим заявлением. После которого, оппоненты, очевидно, должны были бы с ужасом припасть к ногам того высшего существа, обладающего неким высшим знанием, которым они, по всей видимости, не обладают. А разве кому-то хочется прослыть невеждой? И ведь попробуй ответить на это «знаешь, что?». Правда, находятся весьма информированные особы, которые, к твоему изумлению, находят, что ответить на этот многозначительный вопрос, встречно вопрошая тебя: «ну, и что?», а это, в свою очередь, уже своей многогранностью ставит тебя в тупик. После чего тебе ничего не остается делать, как обратиться за помощью к более существенным доказательствам своего исключительного положения, а именно, к кулакам, которые иногда имеют более существенную доказательную базу, аргументируя свои ответы изящными хуками и апперкотами.

– Слушай, так Герман-ик у нас получается, тоже стал сво-

его рода жертвой, – сказал Грег, всегда умевший разрядить обстановку.

– А разве злые люди, не жертвы своих страстей? – с облегчением ответил Алекс.

– Неужели злоба первична? Да ни в какой степени. Ведь это всего лишь сигнал для тебя, что у тебя в душе не все в порядке. Это как физическая боль, служащая для твоего организма определителем заболевания. Так и злоба действует по тому же принципу, требуя твоего вмешательства для разрешения душевных проблем.

– Ну, Герман-ик скорее не злобен, а просто несколько усерден при достижении своих целей, – предположил Грег.

– Ну, и флаг ему в руки, – заявил Алекс, показывая своим видом, что он, в принципе, готов идти домой. Грег собрался было идти, но тут, что-то вспомнив, заговорил.

– Слушай, я хотел ещё сказать насчёт развития сюжета, – произнес Грег, беря за локоть Алекса, чем заставил того немного поколебаться в решении идти на выход.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Алекс.

– Я ведь не прочь, чтобы история развивалась по другому сюжету, и Олег вдруг оказался владельцем какого-нибудь самого навороченного фитнес центра. Ну, а предысторией этой ситуации можно будет придумать то, как они с Марусей с десяток лет тому назад, влюбленные друг в друга, намереваясь покорить этот город, приехали сюда из какого-нибудь захолустья. Но судьба, посчитав по-своему, взяла и раскида-

ла их по жизни. Так, его она подняла к высотам бизнеса. Для нее же она уготовила участь кондуктора на маршрутном автобусе.

И вот, кажется Олег, распираемый собственной значимостью, в комплект которой входит приём различных медикаментов, которые он жрёт пачками, ведь здоровый образ жизни, который он ведет, предписывает ему их иметь в своем рационе. Так вот, в тот очередной раз, он, с упоением занимаясь в спортзале собственного фитнес клуба, как это было не однажды, принял, правда, экспериментальную, порцию медикаментозной поддержки организма, и начал рвать железо, удовлетворенно наблюдая за своим отражением в зеркале. Но, то ли на этот раз его организм был ослаблен, то ли в состав медикаментов залез контрафакт, но кажется Олег почувствовал себя настолько странно, что его поплывшее отражение в зеркале заставило прекратить занятия. После чего он, дабы привести себя в порядок, пошёл под горячий душ, после которого он уже ничего не помнил.

Сколько продолжалась эта его беспамятная прострация, наверное, так никто и не скажет. Но тем не менее, он, покатавшись на автобусе, всё же немного проветрился, и вот здесь-то, случайность и вступила в свои права, столкнув, когда-то так любивших друг друга, Олега и Марусю. Вот тебе и хеппи-энд. Так Олег вспоминает свою первую любовь, Марусю, которая, конечно, уже не та, и приросла годами и лишними килограммами, но Олег-то владелец наикрутейшего

фитнесс центра. И, надо полагать, что для него это пустяк, и он готов вновь вылепить из нее свою Галатею. Что, такая концовка, тебя устраивает? – выдал Грег.

– Да, я всё понял. Но, знаешь, всегда хочется надеяться на лучшее, – начал оправдываться Алекс.

– А кому не хочется-то? Конечно, если мы собираемся работать в твоём любимом жанре сказки, фэнтези, или же одного из их ответвлений, любовного женского романа, то, пожалуй, такой расклад дела нам очень подойдет. Хотя, знаешь, мне всегда было интересно, почему существует такой жанр как любовный женский роман, тогда как мужского любовного романа нет. Что за дискриминация. Конечно, женская литература, начиная с писательниц, кончая придуманными ими самими жанрами, это нечто совершенно особенное. Так по мне-то, чего бы даже очень талантливо не написала женщина, у неё всё равно на выходе получится одно, а именно женский роман с его специфическими особенностями, от которых никуда вашим глазам и мыслям не деться, – начал размышлять Грег.

– Ну, ты потише, а то не ровен час заклюют, – предостерег Грега Алекс, указывая на невидимого наблюдателя.

– Да и Муза ведь тоже может обидеться, за такое мнение на её счёт.

– Так, может, её ревнивость и есть виной тому, что выходит из-под их пера? – начал как-то неубедительно оправдываться Грег. Но для Алекса уже ясна позиция Грега по это-

му вопросу, так что не повезло тем, чья жизненная история попала под его глаз цензора. Ведь там, где стоит стена предвзятости, всегда сложно достучаться до его объективности.

– Что же касается моей циничности, то это скорее сценичность, необходимая нам для нашей профессиональной деятельности, которая, к слову сказать, и у тебя присутствует. К тому же она, это всего лишь защитная функция организма, приобретенная в борьбе с этим неистовым городом, – продолжил Грег, но последняя произнесённая им фраза, вдруг всполошила Алекса, и он с горячностью спросил у Грега.

– Так ты всё-таки прочитал?

– Я ведь сказал же, что прочту, – бесстрастно ответил Грег, чем весьма помучил Алекса.

– Ну, чего тянешь-то? Мне нужна бесстрастная оценка, – заявил Алекс. Впрочем, в душе считавшего, что бесстрадность была бы неплоха, если бы она при этом немного склонялась в сторону похвалы.

– Мне понятно, – начал Грег, двигаясь к выходу из кабинета, ведя словно замороженного за собой Алекса, – что сложно под кого-то подстраиваться, и приходится идти в фарватере чужих мыслей. Но... – но дверь за ними закрылась, и нам не удалось услышать, что же значило это «но».

Не спрашивайте меня, почему он не остался в кабинете. Возможно, он посчитал, что не стесненность пространства, которое предоставляет улица, в случае возникновения тех обстоятельств, которые иногда возникают после нелицепри-

ятной критики какого-нибудь особенно невыдержанного автора, сможет его выручить. А возможно, он решил, что все-таки, наконец-то, настала пора идти домой. Не знаю. Но вот подстраховаться всегда не помешает, даже если объект критики ваш друг, который в случае благожелательного исхода может вас зацеловать и заобнимать, а в обратном случае, поступит так же, но только с большим усердием. Исходя из чего, Грег и решил, что Алекс, вполне возможно, на улице не осмелится столь бурно выражать свои эмоции. В общем, так или иначе, но улица защитит вас от проявления бурных выражений, которые могли бы возникнуть, в том или ином случае.

И если в одном случае, при бурном выражении эмоций, это вам грозило неприятностями в области вашего фаса и анфаса (очень уж любят некоторые индивидуумы таким образом выражать свой темперамент, вбивая в это место свою ногу), то в другом случае, неприятности ждут ваши бока, которые будут подвержены клещевым захватам восторженного товарища.

Глава.6

(Из записной тетради Алекса)

No Mean on City, расширенная версия

Город и человек, кто они и что они значат друг для друга? Город, тот же ли ты защитник для человека или же человеку приближаясь к тебе, всё же надо во всё горло кричать:

– Кто из нас победит, ты или я?

На что город, только и ответит перекрестным миганием своих ярким огней, где основным цветом будет упреждающий красный. Вот и я, в очередной раз выйдя в него. **В сто-пор впал, светит красный сигнал** и в очередной раз **Светофор меня ослепил**. И я снова вспомнил этот цвет гнева, стоящий в его глазах, когда он застав нас вместе, посмотрел на нас, сквозь омытые дождем стекла окон. И когда настоящее подмигнуло мне своей удачей, ошеломив меня одним сказанным ею словом:

– Да!

Оказалось, что мне в тот момент, уже не столь важно, каким будет мое будущее. И какое мне дело до этого, да и любого другого города, когда призрак рая в шалаше уже брезжит пред до мной.

Но она знала, что путь до нашего с ней шалаша, всё-таки лежит через дебри этого многоэтажного города. Твоя жизненная нить в котором, уже давно перезамоталась в противоречивый клубок обязанностей, сомнений и своих желаний, истинность которых, вперемешку с другими взаимоотношениями, уже с трудом представляется определить для себя. Она ведь не одинокая принцесса, а всего лишь, вылепленная этим городом, совсем уже не маленькое дитя своего времени, в которое, он уже давно заложил свои жизненные основы и принципы, тем самым дав ей жизненные силы для борьбы за место под своими сверкающими ог-

нями.

Но раз за разом, вечерами, **Странные чувства, когда вечер настал**, тревожат тебя. Но зачем тебе это всё, когда твоя одинокая постель, хоть и стоящая в двухуровневой за двухнулевою отметку квадратов квартире, всё также холодна и своими атласными цветами, так и не греет. И даже твой Свинкс, скорее дань моде, чем твоему желанию обладать близким, безмолвным существом. Но каждое утро, при свете лучей ты спрашиваешь себя:

– **Что это было, не сообразил?**

И махнув рукой, решаешь, что это просто скучный вечер навеял неудобные мысли или может быть, ты просто съела что-то не то.

Ну а ты, только грозно машешь кулаком этому городу, не имея против него и за неё, ничего за душой. Ну, а любящее сердце, разве оно когда-нибудь принимается в расчёт в деле, где ему места нет. Так что, будь готов и **Крутое алиби себе прокачай** и знай **На сохранение не будет минут**. И знай, что хоть для монолита города, необходимы крепкие материалы, но, тем не менее и вода камень точит, так что шанс есть у всех.

– Но знай только одно, – говорит держащая твою руку на вокзале цыганка. – **Если ты жулик, тебя прижмут, ты знай** и если что, **Катком по дороге тебя разотрут**.

Но разве эти слова тебя волнуют, разве ты можешь сомневаться в своем сердце, которое никогда тебя не обманет и так

крепко стучит в подтверждение всего этого.

Но вот опять вечер и с каждой зажжённой на вечернем небосклоне звездой, в тебе растёт неуверенность в своих силах и страх перед этим временем суток, который своим одиночеством так гложет тебя. И она, больше не в силах бороться с ним, открывает этот, такой яркий экран, окна в виртуальный мир, где все живут в сладкой сказке фантазии и иллюзии мира, пытаясь найти в нём ответ на свой вопрос. Ну а он, так и спешит, предложить тебе миллионы ответов на него.

Здесь все красивы и каждый, через одного, принц и принцесса, успевай только выбирать. Но тебе кажется, что **На сайте ты для расстрела мишень** и ты услышав после первого своего вопроса, **Хруст сырой индейки, словно стон**, начинаешь догадываться, что не всё то сладко, что видится и пожалуй, тобой не прочь поживиться многочисленные хищники, живущие под личиной овечек. Но время играет свою благодивную роль и ты уже не столь безобидна и невинна, и **Иммунитет отбросит всю дребедень**, лезущую своими липкими пальцами тебе в душу через дезинфицирующий свет твоего экрана. И вот ты опять, с красными глазами, то ли от экрана, то ли от подступающей комом безнадёги, опускаешь руки и нажимая выкл., получаешь свой приговор. И экран, гаснув на твоих глазах, посылает тебе прощальное до скорой встречи и ты понимаешь, что еще не всё потеряно и **Всё на места, расставит сон.**

Но вот ты натыкаешься на этот взгляд, от которого казалось бы, невозможно отвести свое лицо. **Взгляд почувствует сердца тепло, Но чувства твои ушли прочь.** Ведь ты, столько раз обжигалась и сейчас, ты полна страха от того, что опять разочарование постигнет тебя и поэтому, **Ты их держишь, чтобы не унесло, Пока можешь боль превозмочь.** Ведь ты же знаешь, что он наблюдает и следит за тобой, шепча тебе проникновенным голосом прямо в сердце, что тебе никуда не убежать от него и он тебя заставит быть его послушным рабом. Так что послушай, что я тебе еще раз скажу.

Почувствуй города сердца шум, почувствуй улиц пульс

Слабо, почувствовать города сердца шум, влиться в улиц пульс

Чувствуешь, как сердце твое стучит?

Почувствуй, как кровь кипит.

Но что мне делать, я спрашиваю себя и ищу подсказки у довлеющего на меня города. У которого на всё один ответ и мигающий желтый свет светофора, дает самое верное подтверждение этому. Так что, **Спускайте собак, но я вам не лиса,** и я готов бороться с тобой и против тебя. **Все погасите, не надо огня,** мое решение окончательное и уже не требует размышлений. Ведь иногда, твой порыв души, лучший для тебя подсказчик.

Отбрось всё в сторону и ложись на судьбу. **Мое алиби**

рок, не попса, кровавый оскал голодного пса, в мире ложных улиц и переулков, где только твоё сердце, может служить верным ориентиром и тем компасом для тебя, ведущим тебя по извилинам улиц. И его ничем не обмануть, даже сбивая его ложной полярностью тем. Так что, **Ваша палка в ночи, дешёвый трюк для меня**, когда сердце моё, стучит с твоим в унисон. И не важно, что мы еще не встретились, но я знаю точно, что где-то рядом, может даже за тем окном, меня ждет в городской темноте твое одинокое сердце.

Но пока мне нужно бороться за тебя и искать тот путь, который приведет меня к тебе, прокричу со сцены я. А пока что, **От вас мартышкин мундир на сцену наряд – разноцветья замес**, ведь и у всех королей должен быть свой Шут. Без которого принц и не принц и даже не король, а так, лишь остряк, чьи слова есть всего лишь монолог. Ты же становишься тем, кто ведет диалог. Но для этого, надо только одеть, этот шутовской колпак. Так что, всё ничего и **Эти шмотки крутая вещь**, позволяющие вам растворившись в них, кинуть вызов правилам и приличиям. Которые так внушает и заставляет ежеминутно чувствовать этот город, отбивая в твоём сердце свой ритм.

Почувствуй города сердца шум, почувствуй улиц пульс

Слабо, почувствовать города сердца шум, влиться в улиц пульс

Чувствуешь, как сердце твое стучит?

Почувствуй, как кровь кипит.

Но вот ты, уже с городом на ты, и он всё чаще подмигивает тебе зеленым, разрешающим светом на всё. И лишь только смех разбивает тебя, когда ты из окна своего крутого авто смотришь на тех, кто во всех бедах своих, винит несправедливость мира сего.

А, Над справедливостью ржать; как с ПТУ пацан, звездой стал, может только сам пацан. И он вспоминая, как **Его парфюм в короли путь – промокнул,** со злостью кричал предъявляя тому, кого он в тот момент видел в зеркале:

– Он, как шлюха пахал.

После чего, не добившись ничего, **Обвивает ногами пластика стул.** Ведь его сердце устало и он раздражен. Да к тому же, **Он за этот день много принял.** Беспричинная злость, всё чаще настигает его и он уперевшись об стену непонимания, кажется уже выдохся и всё ищет ответа в том, что ответ не дает, а только расширяет пределы проблем. Но тебе это не важно и выпив очередную рюмку, ты стараешься, только **Горячий ужин себе,... в рот, в рот впихнул.** После чего, опять дно одиночества призывно зовет. Но возможности спастись, кажется нет. И вот ты слышишь, кричат, **Зовите поддержки легион, что спасает отстой.** Как будто количество, есть панацея для качества.

Им кажется, что толчея и суматоха это то, что спасет вас и их, от той страшной бесполой мигающей субстанции, та-

ким холодом дышащей на вас вечерами. И вы создаете империи, по борьбе с ней. Но **Империя ваша огнем горит; мрачно смердит**, только стоит ей дыхнуть на вас, своей проклятой неизбежностью. Но вы неумолимы в своем упорстве доказывать очевидности ложь. Ведь империя города распространяется и на ваши головы. Так что **Ваши байки о жизни разговор пустой**, только и сможет внушить свою сбыточность надежд, не ведающему тайн твоих подворотен. **Ваш горячий запал, звездный угар, налогов нектар – процессу повредит**, лжи несущейся с этих звездных помостов. Но к тебе ясность пришла и твой **Ответ простой**. Про себя ты выносишь его, сунув в петлю лицо. Ведь **За дело своё ответь – головой**.

И в пустынной квартире, всё осталось в тиши.

Всё теперь уж унёс, не оставив следа, этот ветер с собой.

И лишь эхом несёт, звук из окон в приборой. Заставляя тебя, вспомнить эти слова.

Почувствуй города сердца шум, почувствуй улиц пульс

Слабо, почувствовать города сердца шум, влиться в улиц пульс

Почувствуй, как сердце твое стучит

Почувствуй, как кровь кипит

Чувствуешь, как сердце твое стучит?

Тук, тук, тук — — — —

И лишь только она, пряча слёзы от всех.

Уходя, забирает память твою.

Чтобы дома одной, запивая таблетки водой, вновь увидеть тебя и уж теперь навсегда.

Глава.7

Рассказывающая о времени предшествующем спорной главе.

Подскажите, как всё-таки определить нормальную скорость движения жизни, или, как его принято называть, жизненный ритм. При этом я беру в расчет только среднестатистического, усреднённого человека с улицы. И кто знает, природа ли устанавливает правила этой жизненной ритмичности или же тот же человек, который всё-таки со своей неумной вредностью возьмёт и обязательно влезет в них, и уже со своей точки зрения, определит все эти правила. Но, так или иначе, существует один непреложный закон, говорящий о том, что если же человек решит превысить свою среднюю скорость, то и его ответственность за все эти последствия увеличивается многократно.

Что ж, для более основательного понимания этого закона, необходимо прибегнуть к некоторым разъяснениям, в особенности по поводу той самой скорости, которая при поверхностном ознакомлении будет понятна лишь автомобилистам, в частности, тем из них, кто не раз нёс ответственность за превышение этой самой скорости. Хотя скорость и обзывают векторной физической величиной, но связь со временем делает её весьма существенной характеристикой это-

го вечного четвертого измерения, от величины которого, уже зависят другие характеристики его течения. Или же опять же, от характеристик течения времени, зависит сама скорость его течения. Так что тут все настолько переплетено и взаимосвязано, что и не разберешь, что на что влияет.

Так увеличивая скорость своей жизни через движение, человек тем самым пытается за тот же промежуток времени успеть сделать большее количество дел, и тем самым как бы опередить время, для чего, собственно, он и изобретает различные технические приспособления, которые своим новаторством должны ему помочь в этом деле по опережению времени. В принципе, в таком существенном деле, как опережении времени, нельзя подойти напрямую, ведь сама специфика времени, принимающая участие во всем, вряд ли позволит всему живому, находящемуся под её неустанным взором, пойти против её правил. Так что само опережение времени, по сути, означает сокращение его затрат на какие-либо действия человека.

Так, изобретение автомобиля позволило сократить время на передвижение из одной точки в другую, от скорости которого, как бы и зависит ваше опережение времени, что, в свою очередь, является всего лишь неким вашим самообманом. Но всё же наиболее существенную роль на развитие человечества оказало изобретение книгопечатания, которое являлось распространителем идей и мыслей человечества, которые опять же, по сути, являлись отражением того време-

ни, его темпа движения. С тех пор человечество было взято под строгий контроль, его развитие уже шло через духовное влияние на него самых просвещенных умов своего времени. Появление же печатных машинок не только увеличило скорость печатания, но и вместе с ней заставило ускориться саму человеческую мысль, которая теперь уже работала не скоростью вашего письма, нет, она теперь бежала вслед за вашими пальцами, отбивающими на ней двести знаков в минуту. В свою очередь человеческий мозг уже начинает работать не с той, как теперь кажется, медлительностью. Теперь его частота усваивания окружающего была гораздо выше прежнего, и теперь он, за то же время успевает запомнить в два, а то и в три раза больше информации по сравнению с тем же человеком, но из прошлого.

Вот почему, нам кажутся такими спокойными и чуть наивными фильмы из прошлого. Да и музыка, даже, казалось бы, хардовая, и та не отвечает вашим запросам, требующим всё больше экшена в кино, и динамичности в музыке. А ведь когда то вы, так смеялись над тем, что ваши родители устарели и не могут понять вашего пристрастия к хеви-металу, который всем казался столь забойным, что, наверное, сильнее штуки и не придумать. Ну, и что теперь? А попробуй зайти в клуб, любитель тяжелого металла. В миг твои уши расплющит современный ритм танцевальной музыки, который своими гитарными аккордами, может, и не столь ревушестрашен, но тем не менее, он столь забоем, и так режет

слух своим бум-бум (а разве вы забыли, про тот свой бум-бум, на который всё жаловались родители, но в основном соседи. Ведь, как правило, дискотека начиналась, когда ваших родителей еще не было дома.), что редко кто из того времени выдерживает его.

А всё потому, что скорость вашей мысли уже не соответствует текущему времени, хоть вы и пытаетесь приноровиться к нему. Но разве время можно догнать? Его можно только (опять же на время) опередить. После чего вам покажется, что вы в очередной раз обогнали время, но это всего лишь иллюзия, к которым так склонен человек, в своем тщеславии совсем не уступающий тому же времени. И вот теперь, истории, напечатанные на машинке, это совсем не те проникновенные чудеса, которые выводились пером на бумаге. Вместо них на свет всё чаще выходит совсем другая литература.

Так, благодаря высокой скорости печатания, и за счет этого ускорения мысли, сюжеты новых книг приобретают свою повышенную динамичность, и всё чаще из-под клавиатуры появляются на свет детективы, приключения и фантастика. А что поделать, когда твоя мысль бежит наперегонки с твоими пальцами, отбивающими слова на машинке. И разве что окончание листа, только и даёт тебе временную передышку, и только в между листовом пространстве, тебе удастся вставить свои размышления о жизни, которые, впрочем, вскоре теряются, так и не успевая должным образом развиваться. Ведь твоя мысль поймала себя на том, что пальцы вновь завладели

инициативой, и значит, ей нет времени тут всё основательно раздумывать, и надо поспешать за ними, ведь быстрее мысли нет ничего на свете, и ей не к лицу быть второй.

И вот, следующий этап, и на свет появляется компьютер, с его большими по сравнению с печатной машинкой возможностями для печатания. После чего, само собой, происходит новый виток развития, и ускорения человеческой мысли. И уже даже ведутся ученые разговоры, что человеческая мысль будет работать на какой-то сверх герцовой частоте, и что те, кто не приспособится к ней, со временем, не встроившись в новый временной ритм жизни человечества, вымрут.

Так что, печатная машинка, это своего рода транспортное средство повышенной опасности, требующее от своего владельца соответственного осознания ответственности, которую он несёт, управляя им. Ну, а книга, это не просто материализованная мысль, она еще к тому же ещё твой билет в будущее. И теперь ответственность за неё несравнимо выше, чем за какое-то иллюзорное опережение времени. Она скорее сравнима с самой ценой на жизнь, – высокопарно заявил Грег, откинувшись на спинку стула.

– А я разве спорю с этим? Просто я считаю, что кино тоже обладает своей привлекательностью и не меньшей информативностью. А если уж говорить про зрелищность, то никакая книга с ним даже близко не стояла, – заявил Алекс в ответ, производя какие-то правки на компьютере.

– Всё равно, кино существует на подхвате у книги, ну а зрелищность никогда не затмит тех душевных переживаний, на которые подвигнет вас кульминационная моментность книги, – поднимаясь с кресла, отвечает Грег.

– Ладно, чего спорить. У тебя что, сегодня много дел? – спросил Грег.

– Да как всегда, но если надо, я могу поторопиться. И если что, отложить на потом недочитанное за сегодня, – заявил Алекс.

– Ну, ты молодец! А вдруг сегодня тебя ждет именно та жемчужина, для поиска которой мы тратим столько сил изо дня в день, перебирая немислимое количество материала? А ты раз, и говоришь, отложишь. А может автор, столько раз отлаживал свою работу, не решаясь послать ее к нам, а как решился, то тут ты, решил отложить. Ведь в ней отражена его душа, и кто знает, какое решение вынесет тот безвестный рецензент, которого он уже заочно недолюбливает. Разве он может разобраться, да и вообще, понимает ли жизнь, видя её из-за стола своего кабинета, когда как автор прошел и Крым и Рим? Так что он имеет что сказать, в этом и другом свете, – строго заявил Грег, но разве эта та строгость, с помощью которой можно пронять Алекса, все так же крутящегося в кресле и бесстыдно заявляющего, что план ежедневных работ он для себя составляет сам. А если есть какие-то вопросы, то можете обратиться за разъяснениям в редакторскую, где четко черным по белому написано, что рукописи

не редактируются и не возвращаются.

– Ладно, я вас понял. В общем, я тут вчера немного поработал, и хотел дать тебе почитать небольшие наброски на вчерашнюю тему, – сказал ему Грег.

– И я вас понял. Только не соблаговолите ли мне напомнить, на какую еще такую тему? – слишком независим этот Алекс.

– Хорош придуриваться! Ты лучше скажи, что узнал про клуб? – спросил Грег, чем вызвал растерянность у Алекса, не помышлявшего ничего такого делать.

– Ладно, ещё успеем. Знаешь, у меня есть идея. Ты же вроде сегодня работаешь со своим фантастом? Так вот, может нам попросить у него пару советов. Как ты думаешь? – спросил Алекса Грег.

– У этого чудака-то? – засмеялся Алекс.

– А что не так-то с ним? – удивился Грег.

– А вот это, уже у меня вызывает удивление. Эта ваша неосведомленность, – в свою очередь удивился Алекс.

– Не мне тебе рассказывать, какая разница между реальным человеком и тем, каким он нам видится, хотя, разве мы представляем себе его, читая его книги. Так вот, мой автор тот еще тип. Правда, мне нельзя его так называть, ведь он обеспечивает меня работой, да и разве можно в священной корове видеть недостатки. Ты должен благоговеть перед ним, но, знаешь, так легко говорить, когда тебе не плюют в лицо. Нет, я не говорю, что он меня не любит или оскорбляет,

просто мой фантаст, видимо, в начале своей писательской деятельности вел сильно уединенный образ жизни, вот и потерял навык общения с людьми. И вот, уж если ему выпадает шанс для этого, то его эмоции и бьют через край, покрывая собеседника брызгами слюны. А ты знаешь, я многое не потерплю, и открыто могу выступить против даже самого главного. Но в данной ситуации, у меня не хватает смелости, и мне, при разговоре с ним, приходится отходить на дальние рубежи. Но знаешь, что интересно? – сказал Алекс, улыбаясь и, выдержав необходимое время для повышения заинтересованности к рассказу, продолжил.

– Он, вероятно, далеко плюется не только при разговоре. После того, как он получил известность, его возможности для общения крайне расширились, чем, видимо, и воспользовалась одна из любительниц близких отношений с теми, кто имеет приближенность к Парнасу. Так вот, он тут недавно мне плакался, уже заливая меня потоком слез, что его подружка по какому-то странному стечению обстоятельств оказалась беременной, и в связи с этим требует от него твердых решений на этот счет. А что я ему могу сказать, кроме того, что – парень, вот ты и доплевался. И хоть нашелся так-таки один человек, кто тебе это прямо сказал в лицо. И знаешь, на какие мысли меня навела эта история? – опять спросил Алекс, и, так же как и в прошлый раз, выждав время, начал сам отвечать на него.

– Мне вспомнились наши детские игры во дворе. А ведь

каждая игра не так просто придумана, а чему-то должна была учить нас, и к чему-то готовить. Ну, а как я помню, мы соревновались в том, кто из нас дальше плюнет, и при этом в соревновании участвовали исключительно одни мальчишки. Ну, и что давало нам это занятие? Я тогда, да и сейчас, пока не встретил моего фантаста, вовсе не думал об этом.

– Ну, это ты уж загнул, – ответил Грег.

– Да ничего подобного, так оно и есть. А еще мы играли на кого бог пошлет. Кидая вверх камни и уклоняясь от этого разящего божьего послания, которое он вложил в наши руки. И что интересно, так это то, что если на тебя попало, то это совсем еще не значит, что на тебя бог послал. И это, как оказывается, две большие разницы. И это я тоже понял только сейчас, встретив моего фантаста, которого мне бог послал, и на которого так попало, что он уже какое время не может выбраться из этого. А что он хотел? Если ты отмечен божьим перстом, то будь готов, что и его антипод проявит к тебе свой живой интерес. Ведь испытанию должен быть подвержен каждый из явившихся сюда детей человечества, – удовлетворенный своей проницательностью замолчал-таки Алекс.

– Слушай, ты меня пугаешь. Ты там с ним случайно ни в какую секту не записался? – проявил свой иронический интерес Грег.

– Почему сразу в секту? Звал он меня присоединиться к нему для разговора с богом. Но я ему сказал, что это де-

ло сугубо интимное, и что общественные места меня пугают. На что он очень живо отреагировал, заявив, что он тоже до недавнего времени предпочитал уединенный образ жизни, и что только вопрос продвижения его книги заставил изменить своим принципам, в результате чего и произошел этот казус. Но сейчас он опять взялся за голову и решил обратиться к богу. Так что если меня не затруднит, то он хотел бы, чтобы я сходил вместе с ним в ближайшее воскресенье, в молельный дом, – заявил Алекс.

– В молельный дом? – складки на лбу Грега более чем выражали удивление, и этот вопрос был всего лишь следствием его.

– Да, в молельный дом, – проговорил Алекс, пытаясь понять, что же тут не так – А ведь, пожалуй, церковь так не называют, – вдруг осознал Алекс, при этом сделав такой вид, будто он своей прозорливостью сумел разгадать эту загадку молельного дома.

– Так что это получается? – Алекс вопросительно посмотрел на Грега.

– Да-да, сектой здесь совершенно не пахнет. Если ты про это думаешь, – качая головой, с вершины своей правоты заявил Грег.

– Хотя, нельзя быть на сто процентов уверенным, пока сам своими глазами не увидишь. Так ведь, Фома?

– А знаешь, я теперь из принципа с ним схожу, – вдруг заявил Алекс.

– А я что, против? Только потом меня с собой туда не зови, – ответил ему Грег, на чем и порешили. Правда, в чем заключалось это решение, сказать трудно и можно лишь только догадываться. Так что мои догадки приводят меня к тому, что было решено, что Алекс может с этим фантастом идти куда им заблагорассудится, ну а Грег в свою очередь не пойдет к фантасту со своими советами.

Но если вопрос веры был решен, то житейские вопросы, как всегда, более насущны, и с ними не так уж и просто разделаться, тем более, если ты в этот момент находишься на рабочем месте и призван, да и просто устроился сюда, чтобы их решать. Так что раньше отмеренного времени, как бы этого не хотелось, тебе не удастся от них отделаться. Если же, конечно, вы не относитесь к особенному рангу очковтирателей, которые, казалось бы, уже вымерли вместе с динозаврами, но, пожалуй, здесь тоже попахивает неосновательным оптимизмом, к которому, по всей видимости, приложил руку их собрат, пытаясь замести следы, ведущие к раскрытию их существования.

Правда, времена меняются, и прежние именованья заменяются новыми, ведь рестайлинг нужен во всем. Да и, пожалуй, сейчас, многие и не разберутся, кто же такой этот очковтиратель, причисляя его к какой-нибудь должности специалиста по протирке особенных очков. Хотя, надо признаться, что специалист он толковый. Но я не об этом хотел завести речь, хотя Грег из-за не радужных последствий от рабо-

ты на компьютере, не раз порывался купить себе очки.

– Да, мне окулист так и сказал, что моя радужная оболочка глаза ему не нравится, – потирая глаза, заявил Грег, отодвигаясь от монитора после двухчасовой работы за ним.

– Главное, чтобы она нравилась особам женского пола. А окулист, что с него возьмешь – то, кроме очков, – отреагировал Алекс.

– Ну, знаешь, мне тоже хочется видеть объект своих страстей, – ответил Грег.

– А ты представь себя на месте слепого. Нет, не того, который с рождения не видит, что вряд ли получится ввиду нашего уже зрячего положения, а того, кто внезапно ослеп. Блин, а ведь это целая тема для нашего рассмотрения, – что-то там сообразил Алекс, не устоявший перед стадным чувством, и тоже отстранился от работы. Хотя, в данном случае эта стадность работает совершенно однобоко и только в одну лишь сторону – сторону безделья. Ну, а когда кто-то спешит сесть за работу, то это чувство совсем, как оказывается, не работает.

– А как же вы хотели? – заявит какой-нибудь специалист отдела кадров. – Ведь труд, это вещь в себе, и вещь очень индивидуальная, даже несмотря на то, что вы трудитесь в коллективе или бригаде. Да и ОТиЗ вон не даст соврать, применяя свои различные степени оценки этого вашего труда.

– Да, это интересно, – задумчиво ответил Грег Алексу, а не специалисту отдела кадров, хотя у него к ним накопи-

лось масса вопросов, и в особенности к ОТиЗу, с его методами оценки труда, а в особенности в определении пресловутого коэффициента участия в работе издательства. На что у Грега была масса предложений по этому поводу и прежде всего, ему хотелось посмотреть в радужную оболочку глаз самого начальника ОТиЗа, когда он будет обосновывать свои коэффициенты, на которые ему так хочется посадить Грегга. Да еще немалое количество заинтересованных лиц, чей коэффициент желания стремится к бесконечности. Но и начальник ОТиЗа не столь прост и миролюбив, он знает свой коэффициент, что придает ему моральных сил и поддержки, и гневно окинув вас сверху взглядом, во всеуслышание заявляет:

– Да вы слепы!

И закрыв дверь перед вашим носом, остается быть таков.

– Да, у слепого ведь совершенно другие жизненные ориентиры, если можно так сказать, конечно, – начал размышлять Грегг.

Работа его мозга уже отталкивается на невидимые образы, правда, поначалу еще на памятливые, и уже потом все чаще замещающие их образы, нарисованные его воображением. Он, можно сказать, каждый день в своем роде открывает для себя книгу, и, двигаясь по ее воображаемым улицам, живет в этой полной фантазии сущности. Только если книга, это вроде как тренажер для читателя, то для него этот «книжный» мир максимально приближен к реаль-

ной жизни, где ему приходится быть самому автором своей книги, по которой ему и приходится жить.

– Да, – задумчиво ответил ему Алекс. – И ведь у слепых существуют свои воззрения на красоту, при этом я никогда не слышал про то, что они считают уродством, которое в их мире, возможно, и не существует. Вот интересно, понравится ли мне человек, которого я любил, будучи зрячим? Хотя, конечно, на первых порах ее образ будет полностью заполнять меня, отодвигая на задний план все другое. Но со временем преобладающая в жизни осязаемость всё же возьмет верх, и будет ли она для меня столь же прекрасна, как другие? Хотя, опять же, она станет для меня мерилom красоты, и от неё я буду отталкиваться в оценке других людей. Выходит, что мой ориентир будет зависеть от моей первой любви в этом мире невидящих людей.

– Вернее будет сказать, первичное осознание определяет все последующее, – вставил свое слово Грег.

– Выходит, так. Ну, а что дает нам наше зрение, кроме более широких технических возможностей для обозрения окружающего? Ведь мы и руководствуемся в этом мире, полагаясь больше на наш первый взгляд, как правило, даже не пытаясь вникнуть в суть вещей. Так что появление Фомы неверующего, это своего рода приговор нам людям, полагающимся только на один вид познания – свое видение предмета, из которого и возникает наша наивернейшая точка зрения. А как же тогда быть слепым, которые не могут обо-

зреть лик всевышнего? Неужели им нужно полагаться только на чудо, которое его прозрит, и значит тот, кто его совершил, и есть мессия, ну или, по крайней мере, на этом строятся доказательства его величия. Тогда выходит, что тот, кто показывает нам чудеса, может заявить свои права на этот счет, – заявил Алекс.

– Я понял твою мысль, – сказал ему Грег в ответ.

– Обладание большим совершенством по сравнению с другими, еще не ставит тебя в ранг божества. Это ты хотел сказать.

– Ну, что-то подобное. Вот если бы Фома был незрячим, то что бы он сказал на то, что апостолы увидели Христа? Можно, конечно, предположить, что он сказал бы то же самое. Просто заодно он бы еще и прозрел, чем дал бы повод для совершения чуда. Правда, непонятно, почему он раньше не прозрел, что говорит нам о том, что Фома однозначно не мог бы быть слепым? Но не в этом суть. Выходит, что слепого можно убедить в твоем божественном предназначении, лишь открыв ему глаза. Но и зрячий, для убедительности, также требует от всевышнего чуда. Но мне все-таки кажется, что не в чуде суть, а существуют и другие ступеньки осознания окружающего, кроме твоего зрения, которые позволяют тебе приблизиться к богу. Открыв уже свои глаза на это, – заявил Алекс, закатив собственные глаза. А что поделаться, когда театральность у тебя крови, хоть речь и идет о вещах, предполагающих полную серьезность.

– Да, мне бы не помешало чудо, чтобы осилить сегодня эту работу, – вздохнул Грег, всегда умевший ставить точку в разговоре.

– Так слушай, сегодня же Герман-ик работает с нашим Мэтром. Так я вот и подумал что... – проговорил Алекс, но поднявшийся из-за стола Грег не дал ему закончить, и заявив: «Пошли» – утащил его за собой.

Грег с Алексом заглянули к Герман-ику, но там никого не оказалось, и они в поисках этого таинственного Мэтра отечественной беллетристики пошли по кабинетам издательства, ибо он, естественно, мог находиться в кабинете ректора. Ну, а что поделать, раз все мы смертные и даже у самого признанного из признанных случаются свои ошибки в написании слов. Что никоим образом не умаляет их достоинства, и скорее вы будете умолять их снизить до вашей просьбы поучаствовать вместе с ним в работе над ошибками, которые, скорее всего, забрались сюда тоже по ошибке или, возможно... Да что там возможно, а скорей всего, что ему просто хочется пообщаться со смертными, вот он и находит повод для этого. Всё же трудно жить, когда ты глыба, на которой держится многое из того, что создается, а еще больше отправляется в утиль, как не выдержавшее сформировавшихся современных требований литературы.

Вот и приходится констатировать факт того, что злобный формат, имеющий весьма длинные руки, заручившись персонами весьма уважаемыми в этой области культуры,

и сюда дотянулся. И теперь даже тебе, патриарху отечественной беллетристики, глыбе духовности, приходится учитывать все эти тренды и тенденции современной литературы. А ведь его, несмотря на щуплый вид, совершенно невозможно обойти, не только своим вниманием, но и попробуй это сделать в коридоре, проскочив мимо Мэтра, который, несмотря на его такой вид, занял все пространство, и вам буквально приходится прислоняться к стенке, чтобы обойти его. Конечно, везде находятся свои недоросли, которые, своим невежественным отношением из-за их поведения, заставляют краснеть лица руководителей, узнавших о том, как непочтительно заявили ему в коридоре:

– Подвинься, отец. Дай пройти.

А разве нельзя было протиснуться боком, у стеночки, ведь, может быть, он в этот момент находился в раздумьях над новой книгой, а тут вы со своей мебелью. Грузчики, одно слово. Эх, как далеки вы от подлинного осознания вашей духовности, так погрязшие в своей материальности все эти её носители.

– Ну, тогда, раз такой умный, постоишь без стула. Материальность которого, не обеспечена поставкой со склада, – ни с того ни с сего слышится предупреждение от этого работника, обеспечивающего своим обхождением различные виды груза.

– Ну, разве так можно! – разводите вы руки в страхе и недоумении.

– Можно, и точка. Нам проход, чья-то глыба загрозила. И пока вы ее не отодвинете, мы не сможем работать, – следует его ответ.

– Да я сейчас ему покажу, как загромождать проход! – несётесь вы, преисполненные праведного гнева. Ведь когда материальность выразила свое отсутствие под вашим задом, вы поняли, что в этом деле для вас нет авторитетов, и что нечего культивировать в этой стране чино и другие почитания.

– Можно вам задать тысяча первый вопрос? – стоя в курилке, напрямую спросил Грег у Мэтра, который уже не мог ему отказать после того, как тот поделился с ним огоньком.

– Ух и ушлый же Грег, – подумал про себя Алекс, заметив этот хитрый маневр Грега с зажигалкой.

– Валяй, – видимо, это слово означал кивок Мэтра Грегу.

– Кто же все-таки больше интересен читателю? Герой, полный благородных качеств в борьбе за любовь, или же полный страстей неприкаянный человек, бросающий вызов этому миру, и который, пожалуй, так и умрет в одиночестве.

Заявив это, Грег тем самым, чтобы дать себе время подумать, заставил Мэтра покрепче затянуться.

Алекс же, надо отдать ему должное, стоя позади Мэтра, выдавил на своем лице гримасу недоумения, показывая ею Грегу, что это был наверняка его последний вопрос, на который еще ответит ли Мэтр. А как же иначе можно думать, когда задаешь очевидную безответность, на которую можешь

и сам дать ответ. Но, видимо, Грег в последний момент за-тушевался и не смог прямо спросить, что он хотел до этого спросить. Но Мэтр не был бы им, если бы не понимал с полуслова, что хотят от него эти зеленые юнцы. А ведь ему так хотелось, чтобы кто-нибудь поинтересовался у него не о его писательской деятельности, а о чем-то другом. Хотя, чего ему себя корить, Мэтр не был бы им, если бы не знал ответа и на этот вопрос, который он задавал себе тогда, когда еще не был Мэтром, а был всего лишь таким же зеленым юнцом, мечтающим о славе.

– Знай же, что кроме меня у тебя больше никого не будет в этой жизни. Ты согласен? – так и слышит он слова Музы, или может в её обличье самого Сатаны, на которые он ответил свое сердечное:

– Да.

Но спроси Мэтра сейчас, захотел ли он быть не Мэтром, трудно сказать, что бы он ответил. Нет ничего легче, и Мэтр не был бы Мэтром, если бы, хитро прищурившись, глядя вдаль, не ответил бы своё:

– Никогда.

Но что это никогда значит, нам никто не ответит, и ведь никто и не задаст дополнительный вопрос, ведь никто не хочет прослыть невеждой, да и разве с Мэтрами можно по-другому. Да и ответ здесь, скорее всего, кроится в другом, и для его разгадки нужно всего-то лишь стать Мэтром.

– Ну... – Глубокомысленно начал свою проповедь этот

великий человек, чем заставил обратиться в слух этих его двух внимательных слушателей, которые, дабы соблюдалась тишина, очень сурово посмотрели на еще одного курильщика, находящегося здесь в курилке, и который непозволительно громко затягивал свою сигарету. После же этого немомо напутствия, ему пришлось ступешаться и, отойдя в дальний угол, там, в одиночестве, тихо потягивать сигаретку. Но Мэтр совершенно не испытывал желания дополнить свое значительное, такое иносказательное «Ну», чем заставил испытывать терпение внимающих ему слушателей. А они уже начали волноваться, и, пожалуй, даже закурили бы еще по одной сигарете, дабы погасить свою волнительность, но, видимо, Мэтр одумался и вновь продолжил свою пока еще многообещающую речь.

– Знаете, а я ведь не из какой-нибудь культурной династии. Хотя, по моему мнению, писательских династий просто не бывает. И не надо меня перебивать, – вдруг ошетинился Мэтр, хотя в помещении никто даже не думал его перебивать. Но Алекс все же, для контроля, еще раз посмотрел на того громко курящего гражданина, который, заметив обращенный на него грозный взгляд, и вовсе растерялся, не понимая, отчего к нему сегодня такое повышенное внимание. После чего он решил, что, пожалуй, не нужно испытывать судьбу и, потушив сигарету, быстро выскочил из курилки. Но спешу развеять ваши сомнения, правда, в таком дыму это сложно сделать, так что поспешу зажать нос и скажу, что

случайному свидетелю ничто не угрожало в курилке, кроме разве что болезни легких от встречи с никотином. Ну, а что касается наших приятелей, то они только с виду грозны, да и то, только в этой теплице по возвращению культурных растений.

– Ска'жите, – продолжил, слегка успокоившись, Мэтр, чем вновь вызвал замешательство чувств у его слушателей, не понявших интонации сказанного. Ведь всё-таки иногда и у Мэтров встречаются дикционные недостатки, которые, впрочем, никак не влияют на написание книг, которые вы читаете своим внутренним голосом, а не картавым дискантом Мэтра. Ну, а наши слушатели находились в затруднении по поводу того, что им делать. То ли надо что-то сказать – но что, они совершенно не представляли, то ли надо было сделать что-то еще более непонятное, что также находилось вне их понимания. Но все же Грег нашел выход из этого положения и ответил ему своим многозначительным восклицанием.

– У-у.

Но на это его «У» Мэтр уже ничего не смог ему противопоставить, и поэтому повторил свой заход.

– Ска'жите, что Дюма-отец и Дюма-сын, чем не писательская династия. А по моему скромному мнению (когда кто-то заявляет о скромности его мнения, знайте, во-первых, оно не так скромно, как ваше, и во-вторых, такую скромность еще надо поискать на этой грешной земле), здесь всем за-

правляет наследственность, которая только лишь отчасти относиться к таланту. Просто Дюма-сыну досталось хорошее наследство и не в виде генов, а в более материальном виде, а именно, в качестве литературных негров. Вот он и смог продолжить дело отца на этой литературной ниве, – с яростным выражением лица высказался Мэтр, при этом посмотрев на приятелей с высоты своего полета мысли, или положения, кому как удобней будет считать.

Наши же приятели посчитали для себя несколько другое, прочитав в его словах некий намёк на предложение рабства, что для меня совершенно непонятны такие их подозрения, хотя бы ввиду того, что они еще никто и звать их никак. Но, как говорят, у страха глаза велики, да и тщеславие штука больно уж заразная, вот они, вдохнув в себя выдох Мэтра, и поймали себя на его мысли, которая частично передалась воздушно-дымным путем. Но давайте не будем тут фантазировать и послушаем Мэтра, который всё нам объяснит и расскажет. Правда знайте, что все эти инженеры человеческих душ для читателя, как и их пра-прапредок, пастырь для паствы, изъясняется только с помощью притч, которые своей иносказательностью всегда дают тебе надежду на то, что, может, ты не всё правильно понял, и у тебя еще есть шанс на то, что кто-нибудь за тебя придет и обустроит смоковницу.

– Я ведь геолог по профессии, – начал свой рассказ Мэтр (но нас-то не ввести в заблуждение, мы-то знаем, что он уже прибегнул к своей иносказательности).

– И я смотрю на человека с этой точки зрения. Он для меня в некотором роде необработанная руда (ха-ха, а как же иначе, мы уже это от кого-то слышали, кто утверждал, что человека слепили из глины), в которой есть свое процентное содержание, как руды, так и попутных примесей. Так, после добычи руды происходит процесс обогащения, (ха-ха, кого же, дьявола или же творца, и кто же тот безвестный бенефициант), который уже и дает нам на выходе тот ценный конечный продукт, который мы и хотели получить. Конечно, ценность руды зависит от концентрации в ней полезных компонентов, а также вредных примесей минералов, таких как сера, мышьяк, или например уголь, имеющий одно из таких качеств как зольность, что значительно влияет на его свойства горения. Но если обогащенная руда начинает жить своей полезной жизнью, то та руда, брошенная на производ судьбы человеком, вытасченная из недр земли и оказавшаяся один на один с палящим солнцем, она под воздействием всепоглощающего кислорода начинает вступать с этим внешним фактором в контакт, в результате чего и происходит возгорание этой породы.

Таким же естественным образом ведет себя и отработанный материал человеческой деятельности, названный им мусором и брошенный на свалку он, не выдержав своего падения, либо перемалывается, либо сгорает в жерновах этой жизни. И только цельность может противостоять этому миру, пытающемуся воспалить тебя и сжечь тебя изнутри, –

сделал Мэтр ударение на последнем слове, не забыв при этом, для пущей убедительности, выпучить глаза, которые, по его мнению, обладали высокоточной выразительностью.

Конечно, у Грега и Алекса после этой поучительной притчи возникла масса вопросов, которые они хотели, вот так прямо в лицо, задать ему и тем самым выяснить, в его даже самых оскорбительных намеках на мусорный рейтинг человека, правильность своего понимания всего им сказанного. Но зашедший в курилку Герман-ик, вновь доказал то, что он является не только причиной, но и следственной помехой для нашей редакционной группы, которая между тем и не собиралась посвящать посторонних в свои планы.

– Ах, вот вы где. – обнаружив Мэтра, сладким голосом произнес эту фразу Герман-ик.

– Ах, вот вы где, бездельники.– уже говорил его взгляд, заметивший Грега и Алекса. На что последний, на этот раз, не выдержав по отношению к себе такого презрительного взгляда Герман-ика и со всей никотиновой жесткостью, во все лёгкие ответил, выдохнув ему прямо в лицо струю дыма. Отчего Герман-ик, не ожидавший такого выпада в свой адрес, получив этот дополнительный заряд свежести, впитавший в себя атмосферу курилки, закашлялся и схватив себя за грудь, обратился к Мэтру:

– Я вас жду.

После чего уже и покинул это помещение. Ну, а в противостоянии Алекса с Герман-иком, можно было записать вто-

рое очко на счёт Алекса.

Что же касается Мэтра, то он, бросив докуренную сигарету и свой многозначительный взгляд на наших приятелей, двинулся к выходу, для того чтобы продолжить свой одинокий путь по этим коридорам жизни. Ну, а когда дверь за ним закрылась, то наши друзья совсем не осиротели, а принялись отчаянно размышлять по поводу этой его притчи. – Которая может быть и не притча вовсе, – первое, что и заявил Алекс, когда вышел Мэтр.

– А что же тогда? – округлив глаза, спросил его Грег, имевший, во-первых, свое мнение на этот счёт и во-вторых, всегда благоговевший перед мнением сильных мира сего, которое и сказывалось на его, во-первых, мнении.

– Его послушай, так человек это мусорный склад и больше ничего. – заявил возмущенный Алекс.

– Ну, он не так сказал. – ответил ему Грег.

– А как? – не унимался Алекс, совсем не имея уважения к эти инженерам человеческих душ. Сам-то видимо, относил себя всего лишь к подмастерьям, вот и классовость и не даёт ему покоя, заставляя противопоставлять им свою ученость.

– Он говорит, что в каждом человеке есть своя концентрация полезного, так и вредного. И если грамотно им распорядиться, то из него получится та цельная личность, которая и есть, тот требуемый результат обогащения, что, по сути и есть жизнь, которая тебя обогащает на протяжении всего твоего существования. Те же, кто придал большее значение

тому, всему наносному, вредному, в конце концов, либо сгорает, либо оказывается на свалке этой жизни. –резюмировал Грег.

– Ну ладно, с этим я соглашусь. Ну, а что он имел в виду, когда говорил, что брошенная порода, оставшись наедине, так как не чувствует заботы, тоже сгорает. И чьей же заботы, вот что мне интересно? – спросил его Алекс.

– Ну здесь, наверное, может быть два варианта, которые по сути имеют одно общее. Как без божьей заботы, так и без внимания самого человека, человек действительно не может жить и выгорает изнутри. – ответил Грег, сморщив нос так, что это могло означать лишь одно, всё, хватит, надышались и пора бы сменить данную туманность Андромеды на ясность своего рабочего кабинета. Что, надо заметить, было должно понято и оценено Алексом, после чего они и последовали совету Грегиного носа.

Но к удивлению Алекса, Грег выйдя из курилки не пошёл назад в кабинет, а двинулся к выходу из здания.

– Ты чего, на мусорку, что ли пошёл? –решил подколоть Грега Алекс, но его ожидания на смех не оправдались, так как, более чем серьезное лицо Грега, ему утвердительно кивнуло, не дав ему развернуть эту свою ироничную тематичность. Конечно Алекс, имеющий право на свободное передвижение, не говоря даже уже про право на собственное видение смешного, мог бы взять и не пойти вслед за другом, который так бесцеремонно, не поставив его в известность на-

правляется к бочкам мусора. Но он видимо расчетливый гад и сделав ставку на любопытство Алекса, решив сэкономить время на лишней болтовне и одним утвердительным кивком заставил его пойти вслед за собой.

– Всё конечно так, но ведь про мусорку, всё-таки первым спросил Алекс, а не спроси он, то наверное, и не было бы этого информативного кивка. А? – задастся вопросом какой-нибудь любитель потянуть время, в то время когда бы мы уже могли быть на помойке, а ему всё нейдет и всё надобно узнать.

– Вот когда придёшь, откроешь люк и вдохнув аромата преизкрышки, то лишь тогда только поймешь, отчего он так сладок, а не горек. А вот когда вдохнешь, то уж тогда-то и прошу вопрошать, а пока что, сильно не задавайся и дай дорогу, а то там уже без нас пользуются трудами человеческой жизнедеятельности. – замечу убегающий я.

– Ну, а если все же, сладкий аромат токсичности не вправит твоё понимание, то отвечу, что в данном случае, я опускаю руки и уже ничего поделывать не могу, раз токсичность уже давно правит твоей головой.

– Ну и что дальше? – подойдя вместе с Грегом к бакам с мусором, спросил его Алекс.

– Что, что, будем смотреть и делать выводы. – заявил Грег, сетуя на непонятливость Алекса, который по его мнению, видимо уже не раз рылся в баках в поисках насущного, и должен был бы знать всю подноготную этого процесса, хотя всё

зависит от того, как на это посмотреть со стороны. Может быть для вон того пропойцы, насущным будет какая-нибудь существенность в виде жестяных банок или чего-нибудь другого, что имеет ценность в ближайшем пункте приема вторсырья, когда для другого, как вон для того частного детектива, будет интересна любая информация, полученная о том человеке за которым он ведет свою детективную деятельность. Ведь кто знает, какие записи выкинул в ведро издатель, за которым, какую уже неделю ведёт слежку частный детектив, нанятый его ревнивой женой, подозревающей того в тиражировании, не только книг, но и юных любовниц.

– А что, я могу поделать? – заявит, незаслуженно оскорбленный издатель. – Раз наше сальдо уже на протяжении длительного времени показывает отрицательные значения. Ведь мой существенный экспорт в нее, совершенно несопоставим с ее импортной составляющей. Вот и приходится делать закупки у сторонних поставщиков. А если, кроме обещаний, не хочешь кормить собственного мужа, то знай, что всегда найдутся те, кто накормит его на стороне.

– Ну и что там видишь? – вновь спрашивает Алекс Грег, видя что тот не очень-то много чего видит.

– Стой, тихо. – внезапно говорит Грег, отходя в сторону от мусорки. Алекс же не сразу понимает, что случилось, но затем слышит сзади шум шаркающей обуви и оглянувшись, замечает, что к бакам приближается их штатная уборщица, несущая огромный мешок с мусором. Естествен-

но Алекс делает непринужденный вид, праздно шатающегося человека, который вышел подышать свежим воздухом и только в виду своей рассеянности забрёл на это отходное место. Но при этом он, ничем никогда не гнушается и бросается на помощь к бабе-как-ее-там-зовут, хватает мешок и высыпает его содержимое в бак. Из чего становится ясно, что Алекс дилетант в вопросах выброса мусора и никогда прежде его не выкидывал или же выбрасывал его в те доисторические времена, когда была напряженка с пакетами и все пользовались специальными ведрами для этого.

Но делать нечего, дело уже сделано, да и вообще, дающему помощь, в сердце не заглядывают (Хотя не мешало бы.) и баба-как-ее-там-зовут, со словами «Спасибо», удаляется, оставив в руках Алекса пакет из под мусора, который должен был, наверное, служить ему памятью об этом случае. Конечно, был бы на месте Грег Светлаков, то мы бы определенно услышали соответствующие эпитеты на его счёт, но Грег натура не проходящая и верен себе, поэтому он ничего не говорит и заглядывает в тот бак, в котором сейчас, оказалось всё выходное содержимое их издательства.

– Смотри-ка, вот тебе и ответ на то, почему наш технический редактор уже не столь техничен. – говорит Грег, доставая из бака пустую бутылку из под коньяка. Алекс же откинув мешок, подходит к Грегу и присоединившись к нему, всматривается внутрь.

– Да, и вправду, здесь можно много чего почерпнуть для

себя, о жизни отдельной ячейки общества, к примеру, как наше издательство. – сделал заключение Алекс.

– Добавь только не много знаний и можно без проблем обрисовать всю внутреннюю жизнь нашего коллектива. – заявил Грег, держа в руках коробку из под торта, который был съеден ими вчера у девчонок, в отделе менеджмента.

– Ну и как тебе послевкусие? – вставил своё слово Алекс, намекая Грегу на его вчерашнюю сладколюбивость.

– Не беспокойся, нормально.– ответил Грег, отбрасывая коробку в другой бак, который тем не менее и не смотря на более чем не подходящее утверждение «не к месту», вспомнил не только сладость торта, но и сладость губ именинницы, которые с таким притяжением покусывали кусочки торта.

– Слушай, я думаю, уже достаточно ворошить прошлое.– заявил Алекс, отбрасывая палку, с помощью которой, он так ловко приноровился ворочать мусор в баке.

– Да, пожалуй, мы уже получили общее представление о жизни человека.– в свою очередь сказал Грег, отойдя от бака, автоматически отряхиваясь от невидимой грязи, которая видимо незримо покрыла его, в процессе наблюдения за этими остатками былых событий, выпавших на долю их коллектива. Но Алекс, первый отложивший в сторону свой инструмент в виде палки, так и не торопится отойти от бака, а скорее даже еще больше заинтересовался его содержимым, раз полез туда рукой.

– Ну и чего ты там увидел? – заинтересованно спросил Грег Алекса.

– Смотри, что я нашёл, – Алекс ответил так, как это, наверное, делали первые наивные старатели на золотых приисках, показывая своему партнеру найденный золотой самородок, который вдруг становился причиной его скоропостижной смерти.

– И чего это? – спросил Грег, пытаясь рассмотреть невидимое им в руках Алекса.

– Смотри, какая изящная флешка, – подойдя вплотную к Грегу сказал ему Алекс, протягивая извлеченную из недр бака розовую, переливающуюся разноцветными камешками небольшую флешку.

– Так она, наверное, сломанная, – отстранившись от протянутой руки Алекса, предположил Грег, видимо, имеющий в себе брезгливость и не собирающийся брать в руки всякие неподходящие вещи, взятые из всяких там неподходящих мест. Хотя он, ещё пять минут назад сам выковыривал из бака коробку из-под торта, и не надо тут оправдываться, заявляя, что он, дескать, видел то, что брал в руки.

– Ну, не знаю, может и так, но такую красавицу всё равно бы рука не поднялась выкинуть, – заявил Алекс, по всей видимости, испытывающий слабость к броским вещам. А тут как раз в глаза и бросилась одна вещь, сочетающая в себе два в одном (брошенная в своей изящной оболочке).

– Ладно, пошли. У себя на компе проверим её состояние, – сказал Грег, увлекая Алекса за собой.

И надо сказать, что он очень во время решил оставить это, для кое-кого доходное место. А ведь эти кое-кто, надо заметить уже не малое время наблюдали за ними, претерпевая невыносимые муки, как похмелья, так и сопутствующим их образу жизни, нетерпением сердца, с таким упорством, требующего от них непременно вмешательства в происходящее безобразие на их подконтрольной территории. И только приличный вид Алекса и Грига, не сразу позволил им перейти к решительным действиям против незваных гостей, вызвав временное замешательство в нестройных рядах, этих двоих кое-кого. Которые, опираясь друг на друга, с такой неприкрытой злостью следили за действиями этих незваных гостей, которых, наверное, и спасло от неминуемого возмездия, разве что только неприкрытое состояние этих кое-кого, которые и держались на ногах, лишь благодаря дружеской поддержке друг друга.

А ведь только стоило их разделить, и тем самым отнять дружеское плечо, то им, пожалуй, не устоять против этого вездесущего закона всемирного тяготения, который так и тяготит людей не малопьющих. А наши кое-кто несомненно относились к этой категории людей, которые не зная продыху, изо дня в день, не жалея себя предаются этой полюбившейся им привычки, которая увидев в них своих верных почитателей, отметив их печатью одутловатости и ошетилен-

ности, как в мимике лица, так и в их скверном характере не знающего покоя, и привела их в полное соответствие, с их выбранным пути.

И когда один из этих кое-кто, видимо самый живой Кое, заметил, что их зона ответственности в виде мусорного бака подверглась разграблению, это, наверное, был тот момент, когда Алекс нашел бесхозную флешку (что сильно бы удивило его, заяви такое этим кое-кто, для которых слышать «бесхозное», оскорбительно для их хозяйского достоинства), и, не выдержав, да ещё прямо у него на глазах, такого хищного разграбления, дёрнулся вперед, чтобы поставить точку в этом, несомненно, недружественном акте агрессии по отношению к его интересам. Правда, при этом он не учёл особенностей своего нынешнего положения, стойкость и крепость которого зиждилась на единстве с его товарищем Кто, что не заставило себя ждать своими неприятными последствиями для их, правда уже не раз бывавших в таких переделках носов.

А ведь пока они были единым целым, им не были страшны и не физические законы, которым так подвержены простые смертные и не удары стихии, готовые промочить вас с головы до ног. Но стоило им нарушить эту скрепленную крепленным связь, как вместо одного целого, на свет появилось две и совсем не единицы, а всего лишь дроби, которые хоть и имеют числительное больше знаменательного, всё равно не имеют той устойчивости, которая есть у ровной единицы.

Да и к тому же ускорение, вызванное рывком Кое, захватило врасплох Кто, который, не успев понять, что же такое случилось, в мгновения обоих ока, оказался поставлен в тупик, в виде положенного в этом месте асфальта.

И ведь что интересно, так это то, что бегущий автотранспорт по дорогам страны, отчего-то раз за разом находит такие места на дороге, где его ждет неприятности в виде отсутствия дорожного полотна в виде асфальта, когда в тоже время любители крепких напитков, вместо того чтобы найти для себя место помягче, в качестве площадки для приземления, раз за разом находят для этого, так не хватающего для дорог асфальт, после встречи с которым, их лица основательно преображаются, неся на себе отпечаток их кармы.

Впрочем и Кое далеко не ушёл и зацепившись за эту, такую непреодолимую преграду, как собственные ноги, которых, как он потом говорил, давно уже не чувствовал, полетел кувырком в пространство между деревьев, правда, уже на травку. Что, несомненно, способствовало спокойному уходу из поля зрения Кое-Кого, Алекса и Грега, которые в принципе могли еще долго не спешить, пока их незримая угроза в лице Кое-Кого находилась в таком плачевном состоянии не стояния, что впрочем, не мешало Кое-Кому, посылать в адрес этих подлецов проклятия.

Хотя, надо признать, что на этот раз мнения этого еще недавно сплоченного коллектива разделились, и если Кое отчетливо посылал свои сигналы в виде проклятий в адрес

Алекса и Грега, то Кто скорее награждал соответственными эпитетами своего кореша Кто. Который своим безответственным поведением привел его в такое состояние, которое совсем не внушает уважение к нему у проходящих мимо девушек, склонность к которым всегда проявлял этот поверженный Дон-Жуан. Но при этом этот павший Дон-Жуан, как оказывается, втайне от своего товарища утаил бутылёк настойки, для распития его с дамой сердца Элкой. Что заставляет нас задуматься о судьбоносности этого происшествия, наказавшего этого недостойного собрата, возжелавшего и в связи с чем, променявшего узы дружбы своего кореша на мимолетную связь с этой паскудницей Элкой, которая ради хорошего фунфырика, готова на всё.

Но пока судьба закручивает свои памятливые узелки на лицах любителей приземленных желаний, Алекс и Грег спокойно минуют все переходы здания издательства и благополучно попадают в свой кабинет. Где Грег валится на свое кресло, дабы заняться очень важным делом, как проверкой работы своего кресла на его крутящий момент, то Алекс сразу же кидается к своему компьютеру, для того чтобы проверить работоспособность своей находки.

– Смотри-ка, работает. Просит отформатировать. Как думаешь, что делать? – с небольшими перерывами бросает фразы Алекс.

– Форматировать не надо, а вдруг там что-нибудь важное, – говорит Грег, продолжая крутиться.

– И что ты, хочешь посмотреть, что там на ней? – спрашивает Алекс, проявляя какую-то несвойственную ему этичность.

– Конечно. Может там важная информация. А от этого стоимость флешки на много возрастает. А флешка, как я понимаю, потерялась. Причем у кого-то из нашего издательства, раз она оказалась в мусоре, выносимым бабой как ее там зовут. Может быть, она случайно упала в мусорное ведро, не знаю. Так давай мы посмотрим, что на ней и если что, будем искать себе преференции в этом деле, – в свою очередь проявил свою меркантильность Грег, которая, впрочем, ему тоже была несвойственна. А кому, скажете вы, она свойственна, да и, пожалуй, не встретишь такого человека, который признается в этом. Ведь все вокруг щедрые и очень нравственные, так что и говорить тут ни о чём.

– Слушай, а здесь что-то серьезное, – заявил Алекс, раскрыв содержимое этого ручного носителя информации.

– Ну-ка, что там? – сказал подошедший Грег, перед лицом которого раскрылся файл с макетом какой-то версии книги.

– Ну, я так понимаю, с ней нам надо обратиться к нашим дизайнерам. Может, даже к той же Олесе, – сделал свое заключение Грег.

– К Олесе, это можно, – заявил, подмигнув Грегу, Алекс.

– А чего это ты мне подмигиваешь? – засмеялся Грег.

– Я? Тебе? Да ни за что! – заявил, по своему мнению, пол-

ностью невиновный Алекс.

– Конечно, – ответил ему Грег, подходя к окну, у которого он задержался на мгновение, затем уже было хотел пойти назад, но заметив что-то там такое, решив остаться там, занял наблюдательную позицию. Алекс же ожидавший продолжения словесного диалога, сосредоточил свой взгляд на Грее. Но невнимание того к нему, и опять же внимание его к чему-то за окном, вынудило Алекса задаться вопросом.

– А что, собственно, он там увидел интересного, раз замолчал на полуслове и уставился смотреть в одну точку?

Но задавай, не задавай себе вопросы, от этого ничего не изменится и Алекс, в который раз подталкиваемый любопытством, привстал и подошел к окну, чтобы удостовериться в том, что там, по его мнению, нет ничего интересного. Что при первом невнимательном рассмотрении, может быть и показалось бы так. Но Алекс, следуя примеру внимательности своего друга, постепенно сфокусировал свой взгляд и наконец-то заметил то, к чему так пристально присматривался Грег.

А объектом его пристального внимания была всё та же территория, на которой находились мусорные баки и которая, по всей видимости, очень редко пустовала и, как сейчас, обрела в лице очень знакомых спин своих новых читателей. Конечно, спина спине рознь и вот так сразу, разве можно определить, знакома ли тебе эта спина или же она наоборот, совершенно никогда не находилась в поле твоего

зрения. Хотя в данном случае это не обязательно значит, что твоя спина не так уж не знакома обладателю той незнакомой для тебя спины и даже возможно, обладатель её не слишком-то тебя и долюбивает, что в полной мере можно отнести и к вам, так иногда испытывающего нервные конвульсии оттого, что обладатель той широкой спины, пролез вперед тебя без очереди.

Опять же спина обладает весьма обманчивой природой и взгляд сзади на спину еще не значит, что и передняя часть её обладателя, обязательно оправдает возложенные вашей фантазией на неё обязательства. Это вам не монетка, глядя на аверс которой, можно с точностью до копейки определить её реверс. Здесь же природа подкидывает вам такие свои загадки, что иногда даже и не знаешь, стоит ли обогнать, вон ту, такую многообещающую фигуру, вид сзади на которую просто потрясает вас.

И вот, если вы всё-таки решились и, ускорив шаг, обходите на повороте эту, по вашему мнению, обладательницу внеземной красоты спину, после чего вам остается лишь только насладиться воображаемыми вами видами. Но только стоит вам оглянуться, как исказившая ваше лицо гримаса разочарования, дает нам понять, что, пожалуй, вам не стоило торопиться, и надо было идти, как шлось, оставаясь в сладком очаровании своих представлений. Правда, надо признать, что обладательница сногшибательной фигуры была само совершенство в своей красоте, вот только разве что где-

то во взнезменных цивилизациях. Но с другой стороны, будь она такая же красотка, что сзади, что и спереди разве бы это обрадовало тебя, ставшего в одно мгновение, как только ты на неё посмотрел, таким никчемным для неё парнем с нашего двора. Нет уж, лучше постоять и разочарованно повздыхать, чем стоя на том же месте, хватаясь за сердце, презирать свою такую ничтожность, не позволяющую тебе даже подойти и заговорить с ней, которая, быть может, совсем не против этого, но. Вот только это амбициозное «но», имеющее на все про все свое мнение, так и не дает тебе этого сделать.

Сейчас же Алекс, наблюдая за этими знакомыми спинами, сделал для себя признание, что обладательница одной спины у него, пожалуй, вызывает симпатию. Обладателю же соседней спины, неплохо было бы, со всей силы дать по ней хорошенько кулаком и когда он ошарашено на тебя посмотрит, сказать ему, что у него спина белая и вообще с первым апреля, которое правда уже прошло два месяца назад.

И как вы уже поняли, Алекс уже уяснил для себя принадлежность этой тыловой части организма, которые имели свое прямое отношение соответственно их рангу к Олеся и к Герман-ику. Но что же они делали в этом неподходящем месте, в столь неурочный час? Давайте не будем задаваться этим вопросом и просто проследим, что же они там делают.

Так расстояние от окна, где находились наши герои, до того места, где находились баки, было не столь уж значительным, но тем не менее, с их места можно было только наблю-

дать, тогда как услышать что там говорят не представлялось ни малейшей возможности. Так что нашим наблюдателям, исходя из представившейся им визуальной картинки, только и оставалось, что делать свои мыслезаключения, что же все-таки там происходит.

А происходило следующее: фигура принадлежащая Олеся находилась в более статичном состоянии, когда как Герман-ик не стоял на месте и все крутился вокруг Олеси, пытаясь к вящему мнению Алекса, вскружить ей голову. А ведь этот Герман-ик не так просто крутился вокруг, он еще к тому же совсем не держал свои руки на привязи, а наоборот, пытался с помощью каких-то ловких жестикуляций втолковать ей что-то, но наверняка, какую-нибудь пагубную мысль. Что, почему-то, совершенно не нравилось Алексу, которому в этот момент так захотелось выкрутить руки этому Герман-ику, чтобы тот напрочь забыл, как руки распускать. Но тот, находясь в неведении этих замыслов Алекса, не прекращал свои такие наглые действия и даже попытался пару раз взять Олесю за локоть. Отчего Алекс, в тот же момент почувствовал, что в их кабинете стало нестерпимо душно и жарко, раз его лоб покрылся испариной, и он уже было решил пройти на улицу проветриться и заодно закинуть этого наглеца Герман-ика в один из баков, где, по мнению Алекса, ему и место. Но неожиданно для Алекса, видимо, обладающего даром пространственного внушения, Герман-ик не дожидаясь спуска Алекса или кого бы то ни было, берет и сам

лезет в мусорный бак, чем заставляет Алекса и Грега невольно посмотреть друг на друга, безмолвно вопрошая друг друга:

– А что, собственно, происходит?

Где они поначалу так и не могут прийти к разгадке происходящего, но затем происходит внезапное озарение и они одновременно бросают свой взгляд на стол Алекса, где лежит флешка. После чего они, опять же ни слова не говоря, разворачиваются и вновь припадают к окну, чтобы уже с высоты своего понимания насладиться происходящим.

Между тем, Герман-ик продолжал свои раскопки и, как было заметно, он уже начал испытывать нетерпение от того, что они ни к чему не приводят. В то же время наши приятели как раз наоборот испытывали определенный душевный подъём, чем они, впрочем, громогласно не хвалились и только слегка похихикивали, стоя у окна. Но тут может возникнуть логичный вопрос, а верны ли предположения Алекса и Грега насчёт предмета поиска Герман-ика, который, быть может, совершенно по другому поводу занялся раскопками в этом неподходящем месте. Но пока он роется в баке, я постараюсь по-быстрому, рассказать предысторию этого выхода Герман-ика на сцену, находящуюся на задворках издательства.

Как рассказывала Олеся, она работала над эскизом проекта, при этом вся её подготовительная работа находилась на этой пресловутой флешке, которая в тот момент распо-

ложились в гнезде компьютера. И вот в один из моментов, посредине рабочего дня к ней в кабинет зашла уборщица, баба-как-там-её-зовут, и Олеся, дабы ей не мешать, решила сделать себе перерыв, отлучившись в кафе, чтобы попить кофе.

По возвращению же обратно, она к своему ужасу не обнаружила на месте той самой флешки, на которой находился плод её долгой работы. Естественно, она бросилась искать эту бабу-как-там-её-зовут, которая совершенно не вняла к предъявленным требованиям Олеси, заявив, что она ничего не брала и вообще не знает такого заумного слова. В этот момент и появился, откуда-то прознавший о случившемся, Герман-ик, который тут же присоединился к требованиям Олеси и, используя свой административный ресурс, стал грозить уборщице бабе-как-там-ее-зовут различными санкциями, на что получил её жёсткий скорее посыл, нежели ответ (ну, а что с нее возьмешь).

– Я ничего не поняла, а если тебе так надо, то иди на задний двор и ищи там. Потому что я все уже выбросила. И вообще, убираешь за ними их срач, а они всё строят из себя незнамо что! – в конце озвучила свою позицию баба-как-там-её-зовут и, повернувшись к ним задом, была такова. Тут уж Герман-ику ничего не остаётся делать, и он вызывается отыскать для Олеси эту виновную в ее страданиях флешку. В результате чего, они и оказались в данном месте, под наблюдением не одной пары глаз, выглядывающих из окна ка-

бинета Алекса, Грега и плюс еще Кое-Кого.

Между тем, для Алекса, хотя, надо признать, некоторую предвзятость его мнения, роль Герман-ика во всей этой истории выглядела не столь однозначной. Ему показалось странным то, что Герман-ик, еще не зная причины требований Олеси к уборщице, вдруг проявил проницательность и предъявил претензии на флешку, когда как Олеся, следуя своей женской сущности, даже не успела распространиться о своей потере.

И вообще, оказаться в нужное время в нужном месте, по мнению Алекса, надо очень постараться. Что не может не вызвать вопросы. Ну, а на счет судьбы, то на это можно сказать то, что она два раза не попадает в одну воронку, и раз флешка была вручена ему судьбой, то другие действия с ней могут быть признаны искусственными манипуляциями, имеющими под собой частные интересы. Да, вот именно, интересы. Ну, а в чем же собственно, заключался интерес Герман-ика, кроме разве что того, чтобы выказать свою нужность и вызвать благодарность Олеси, так и остается невыясненным. И вот только не надо говорить, что чужая душа потемки, ну а черная и вовсе, остается во всей ее дьявольской сумрачности вне зоны вашего понимания.

Но давайте не спешить с такими обвинениями, ведь это всего лишь, как я уже заметил выше, есть предвзятое мнение Алекса, не испытывающего большой любви к Герман-ику, который, надо отдать ему должное, отвечал взаимно-

стью. И надо было видеть выражение лица Германика, когда Алекс неожиданно для всех... Но давайте не будем опережать события и продолжим всё по порядку дальше, тем более ждать развязки осталось не так уж и долго. Да и к тому же Герман-ик уже признал свое поражение и, плюнув на бак, проследовал вместе с Олесей назад, в здание издательства, чем заставил встрепенуться не только наших приятелей, но и наблюдающего за его действиями Кое-Кого, оставшегося в единственном экземпляре и состоящего из одного Кто.

Что же касается Кое, то он, после падения в мягкую травяную постель, в силу перенесенного потрясения от пережитой несправедливости и вследствие падения, сотряся свой мозг, отказался подниматься и, не желая больше видеть этот невыносимый мир, закрыл глаза и уснул как младенец. Кто же тем временем сумел подняться и сесть на лавочку, после чего нащупав в своем кармане целый бутылек, решил, что, пожалуй, даже неплохо, что его кореш, лежа в кустах, успокоился и ему остается лишь достать немного закуски, для того, чтобы произвести неизгладимое впечатление на Элку и уже получить от нее то, что он жаждал нащупать.

Но пока этот Кто пускал слюни, представляя свои развлечения с Элкой, к его кормовому месту подошли Герман-ик и Олеся, что заставило отпасть оставшееся от челюсти Кто. Для которого вдруг все установки этого мира утратили свое закрепленное значение и он, чувствуя, что этот мир рушит-

ся прямо на его глазах, решил что всё, время уже нельзя терять, и, быстренько достав бутылек, в один заход заглотнул в себя его содержимое. Которое, встретив благоприятную для себя среду в организме Кто, мгновенно впиталось и наконец-то для этого Кто всё встало по своим местам и он, бросив прощальный взгляд на небо, скатился вниз в объятия своего кореша Кое. И уже чуть погодя до ушей проходящих мимо этого места прохожих донеслись возникающие время от времени бормотания, которые, при внимательном их изучении, сводились к какому-то неизвестному в этой реальности слову «Эллайя».

– Что, сейчас ей отдашь? – как только представление на заднем дворе издательства закончилось, спросил Грег у Алекса.

– А чего тянуть то, – заявил Алекс, беря в руки флешку.

– Уж очень хочется увидеть глаза, – подойдя к двери, улыбаясь, продолжил он, правда, при этом не уточнил, чьи глаза он всё-таки хотел бы увидеть, что даёт нам основания считать, что, несмотря на привлекательность глаз Олеси и последующее появление в них радости, Алекс в меру своей злопамятности, хотел насладиться потерявшим свою орбитальность округлением зрачков Герман-ика.

Что и говорить, а Грег, по своим тайным соображениям, посчитал нужным поприсутствовать при таком замечательном событии. Тем более кто знает, насколько крепкие нервы у Герман-ика и выдержит ли он наплыв своих чувств, не со-

рвав их на Алексе, которому в этом случае, дабы отразить атаки разгоряченного Герман-ика, возможно, понадобится дружеское плечо. Правда, эта была версия прикрытия, а если честно, то Грега просто распирало любопытство, и он ничего не мог с собой поделать, и был вынужден проследовать вслед за Алексом. Не все же только тому следовать по пятам уже своего любопытства.

– Олеся, не переживайте. Ничего, всё образуется. Что ж делать, придется поднапрячься и, знаете ли... Я вам помогу, – стоя в коридоре, Герман-ик успокаивал Олесю, чьи глаза наполнились такой сладкой для сторонних дыхателей влагой, при виде которой, уже сердца внимающих наполнялись своей влагой сладострастия. В связи с чем, можно ответственно заявить, что Алекс проявил недальновидность, предпочтя этому взгляду, вид поверженного Герман-ика, который преодолев зону комфортности между собой и Олесей, всё продолжал её увещевать.

– Давайте сегодня, после окончания рабочего дня, заходите ко мне, и мы вместе попытаемся восстановить утерянное.

Что опять же дает нам основание думать, что все-таки подозрения Алекса насчет Герман-ика были не такими уж и беспочвенными.

Но вот, в коридоре появились наши друзья и Алекс, демонстративно покручивая в руке флешку, с вызовом во взгляде, твердым шагом направляется навстречу этому завлекателю невинных и таких доверчивых существ как де-

вушки Герман-ику. Который, стоя боком к ним, как будто что-то почувствовал и, заметив боковым зрением движущегося навстречу ему Алекса, решил-таки развернуться к нему. Олеся же, заметив эти движения своего визави, также не осталась на месте и тоже развернулась навстречу тому, что она пока еще не знала. Но вот, между Алексом и этой парочкой образовалось пустое пространство и Герман-ику с Олесей уже никто не мешает, не заметить блестящий предмет в руках Алекса. Взгляды Герман-ика и Олеси, как магнитом притянуты этим ярким предметом в руках Алекса. Яркий свет, отражающийся от его цветных камешков, так красочно переливаются, отражаясь в наполненных радостью глазах Олеси, и так остро режут глаза Герман-ика, теперь уже наполненных бессильной яростью. Олеся не выдерживает и делает несколько шагов навстречу Алексу, который говоря: «Вот нашёл. Твоя?», – протягивает ей этот предмет раздора.

– Конечно, твоя, – хочется крикнуть Олесе, но она полна радости, да и природная скромность заставляет попридержаться эти слова до лучших времен. Так что она только и говорит.

– Да, моя.

Правда, её интонация сказанного подразумевает и первый вариант ответа, так что имеющий уши, да услышит. А Герман-ик, видимо, имел их, раз его весь вид говорил: лучше бы я этого не слышал. А еще лучше было бы, если бы этот Алекс

провалился куда-нибудь в тартарары. Что в принципе можно устроить, создав ему невыносимые условия работы и первым, что надо сделать, так его нагрузить работой и лишить премии.

Алекс же положил флешку в руки Олеси, которая почему-то совсем не торопилась отнять свои нежные ручки от рук Алекса. Чему, конечно же, есть объяснение в специфических особенностях флешки, которая требует к себе деликатного обращения (спешу успокоить тех ревнителеей чистоты, которые так всегда торопятся загрязнить своими откровениями информационный эфир. Хоть флешка и побывала в местах не столь отдаленных, она с помощью гигиенических салфеток приобрела свою прежнюю чистоту, так что можно было не бояться взять ее в руки), и прежде чем изменить её местоположение, необходимо выполнить определенные действия для безопасного ее извлечения, и уже после того как получено это разрешение извлекать ее. В данном же случае, Олеся, видимо, испытав все эти потрясения, перепутала все эти команды по работе с флешкой и вместо того, чтобы запросить команду— забрать этот носитель, искала противоположную команду, как бы оставить свою руку подольше в руке Алекса, который с такой деликатностью, с помощью мизинца поджал её ладошку. Но непонятливый Алекс, вдруг одёрнув свою руку, заявил:

– Ну, тогда пока.

После чего, не сводя своего взгляда с Германика, отпра-

вился вперед по коридору в сторону автомата, чтобы осветить свое пересохшее горло.

И как только они с Грегом завернули за угол, то безудержный смех не вдруг подкосил их. Они беззвучно стали корчиться от этой напасти беззаботного человека, чем напугали проходящую мимо них бабу-как-там-её-зовут. Которую, к слову сказать, с её такой твёрдой жизненной позицией на всё, не так уж легко вывести из себя. Правда, уже через мгновение, баба-как-там-её-зовут собралась и, подняв упавшую швабру, и вынеся свой вердикт: «Ну и придурки!», – удалилась прочь от этого, по её мнению, сборища бездельников.

– Слушай, – заявил Грег Алексу, когда они вернулись в кабинет.

– Слушаю, – ответил Алекс, чувствуя, что он после этого получасового смешливого марафона уже ничего больше не в состоянии сделать. У Грега же, в отличие от Алекса, зародилась одна мысль насчет Олеси, и он хотел её развить, предварительно заявив это.

– Слушай.

Но потом, как только он озвучил это первое слово, для него стало ясно, что, пожалуй, сейчас не самое подходящее время и он, достав написанное им вчерашним вечером, изменил первоначальную направленность своего разговора.

– Так вот, я вчера вечером посидел и сделал небольшие наброски, по поводу того нашего вчерашнего непотребного

незнакомца, – заявил Грег.

– Да неужели. Так быстро? – ответил ему Алекс.

– А чего тянуть-то. Вдохновение не умеет ждать. И как только появилось, изволь поспешать, иначе... Но ты сам знаешь, – ответил Грег, занимая место за своим столом.

– Так вот, первая глава: «Выброшенный из памяти».

– Ну-ну, – только и ответил Алекс, тем самым давая старт Грегу, который и ознакомил его своей работой, с которой мы уже ознакомились где-то там выше. Но так и должно быть, когда ты находишься в преимущественном положении над всем нижеизложенным. И ты, используя свой читательский ресурс, можешь маневрировать, либо возвращаться назад к понравившемуся моменту, либо гонимый любопытством заглянуть на последнюю страницу. Но разве смысл повествования заключается лишь только в том, чтобы в последней главе рассказать вам, кто же всё-таки убил Эдвина Друда.

Наверное, и творцу, если бы смысл жизни заключался всего лишь только в её конечном результате, было бы бесконечно скучно, наблюдая за всеми перипетиями вашей жизни, конец которой он уже запрограммировал на отметке, к примеру в N-лет. Наверное, для него, как и для каждого из нас, также бесконечно важно именно как прожит этот отрезок под названием жизнь, без чего мы, наверное, и не согласились бы прийти в этот мир. Книга же даёт вам возможность ощутить свою связь со временем, которое так жёстко регламентирует всё на этом свете, и которое, в случае необходи-

мости, возьмёт и вытащит из прошлого напоминание для вас, ткнув вас в него лицом, тем самым подсказывая: «Эй, смотри, не зарывайся».

Но бывает так, что время возьмёт и пойдёт вам на встречу, дав вам возможность заглянуть в будущее. А ведь всё дело в том, что вы для времени, как раскрытая книга, с правом вносить свои поправки в летопись вашей жизни, действуя согласно своим воззрениям на вас, то замедляя свое течение, то наоборот, перепрыгивая со страницы на страницу. Так что, не упускайте возможность и побудьте на мгновение на его месте в качестве наблюдателя. Хотя, почему наблюдателя? Ведь только от вашего мировоззрения и зависит понимание развивающихся событий, которое может совершенно не стыковаться с тем, что думал по этому поводу сам автор. И знаете, ведь это совсем неважно, раз время у каждого своё и общее одновременно.

Конечно, возраст книги исчисляется несколько иначе и зависит от вызванного к ней интереса, который и является эликсиром её молодости, позволяющим продлевать годы её жизни до бесконечности, но это формула работает только для определения её жизни вне пределов самой книги. Сама же книга имеет свою внутреннюю жизнь, завязанную на жизни её обитателей, которые в ней живут своими страстями, наделёнными своим автором, когда сама её жизнь, уже находится в зависимости от указанного в ней времени, ну и, наверное, в зависимости от количества страниц, на ко-

торых запечатлены все перипетии сюжета.

– Что-то я не пойму, к чему это вы клоните? – вдруг встретится очень мнительный гражданин, заглянет на последнюю страницу и гневно заявит:

– Так, что всё это значит?! Вы, да какой вы. Ты! Что ты нам тут лепишь о неважности концовки?!

– Ну что, заинтриговал. Если так, то тогда продолжим, только уже теперь без этого мнительного гражданина, который уже соблазнился своим яблоком и тем самым выгнан за чертоги фантазии-рая, в серое бытие реальности.

Глава.8

Записанный в паспорте

Порт в своём именовании, как и многое в этом мире, несёт в себе большую многовекторность обозначений. Порт – это и одновременно статическая единица, как место для стоянки кораблей, и динамическая величина, как врата, служащие переходом в какой-нибудь другой мир. Что касается человека, то он также не собирался оставаться в стороне и создал для себя порты приписки, в которых закреплял свою существование на определенный момент, в соответствии с которой мог двигаться вперед по океану жизни. Но так как человек по своей природе весьма деятельное, не стоящее на месте существо, которое даже лёжа на диване изменяется, время ему в помощь, то за его временным статусом закрепили порт приписки, находящегося в состоянии покоя или *passives*. Правда, некоторые патриции, наверное, как раз

самые видные деятели, так любящие возлежать на диванах, настаивают на употреблении в данном случае слова *passus*. Собственно, это не удивительно для тех, кто очень любит совершать свои путешествия, двигаясь по течению и чьё движение – *passus*, в принципе, тождественно бездеятельности – *passives*.

Так что в данном случае, можно долго спорить, бесполезно доказывая эту разницу значений, вашему возлежащему на ложе оппоненту, который что только и делает, как поправляет под собой подушки, чтобы придать равномерность своим пролежням. Но что же всё-таки значит для человека этот его порт приписки? Или же, в конце концов, нам так и не удастся прийти к общему мнению, которое, впрочем, сейчас не так уж и важно. И если для кого-то порт, закрепляет его не изменчивость, пределы совершенства с неспособностью на большее, то для других, он всего лишь временное пристанище, подпитывающее для последующего рывка. Так и получается, что смотришь на фотографии, раскрывающие ваши изменения под воздействием времени, и не видишь существенных отличий, которые внешне хоть и видны, но не полностью отражают суть перемен. Хотя вот взгляд ваших глаз, не подвластен времени и не даст вас обмануть, раскрывая истинность произошедших с вами перемен. Но, наверное, так и должно и быть, и в согласии с тем, что если кому-то что-то предназначено, то так тому это и приписано.

Так что, кажется, Олег, раскрывая паспорт, ожидал с по-

мощью него, если не познать себя, то хотя бы узнать, кто же он такой и как же всё-таки его зовут. И он, действуя так, как в этом случае поступает любой среднестатистический человек, раскрыл его на той странице, с которой, по его и мнению любого, кто имел дело с паспортом, должна на вас воззриться физиономия того, кому он и должен принадлежать. И, надо сказать, что Олег не ошибся, и на него действительно с этой страницы паспорта воззрилась физиономия, вот только не та, которую он ожидал увидеть. Конечно, тут может возникнуть логичный вопрос: «А кого он, собственно, ожидал увидеть?». Если, как вы уже заметили выше, он совершенно не мог идентифицировать себя и в связи с чем, должен был бы рад любому своему определению, кроме разве что Оба-мы, в чём не нужно усматривать моих расистских убеждений, а просто принять мой политический антагонизм.

Но давайте не будем, придавать значение этим поверхностным замечаниям очень доморощенного политика, который живёт в каждом из нас, и призовем свою внимательность, которая уже должна подсказать, кого же всё-таки увидел, кажется, Олег, раскрыв паспорт. Да, это был он, так пристально, снаглой ухмылкой, уставившийся прямо в глаза, кажется, Олегу, смотрел с фотографии его одноклассник Лёха. И ведь в какую сторону не отводи паспорт, он, как замороженный, не сводит взгляда, с, кажется, Олега, при этом не забывая ему заговорщицки подмигивать наглыми глазами. И даже, наверное, перевернув паспорт другой стороной,

он и там не закроет свои зенки, и станет посмеиваться над твоим таким бесполезным маневром.

Но, может, он просто случайно, каким-то немислимым образом засунул в карман паспорт этого уже так ненавистного ему Лёхи? Пытаясь найти для себя объяснение, кажется, Олег поворачивает лицо к окну автобуса, отражение которого должно расставить все точки над «и», которое и расставило их, не щадя его чувств. К изумлению и ужасу, на него из темной глубины сумерек смотрела та же наглая физиономия Лёхи, которая, хоть и не улыбалась, но с хитрым взглядом ничего не упускала из виду и до самых печенок проникала, в, кажется, уже не понятно кого. Кажется, всё-таки Олег ещё полностью не доверился отражению в окне автобуса и, чтобы исключить всякую ошибку, отбросил паспорт на колени, схватил себя руками за щеки, для того чтобы через осязаемость ощутить и тем самым удостовериться в принадлежности этого лица в окне. Отображение не стало мучить, кажется, Олега, и в то же мгновение отозвалось на его вызов, схватив себя за свои щеки. Тому показалось мало, и он стал с усердием вращать свои оттянутые щеки по часовой стрелке, а иногда даже, не следуя равномерности хода, со всей силы оттягивал кожу лица вверх и вниз, чем вызвал смятение в душе кондуктора, случайно бросившего на него взгляд.

А ведь при этом кондуктор уже успокоилась и ехала в благостном предощущении того, как приедет домой и своим появлением воздаст бесплатное средство (Спросите: «Как?»),

а так, и дальше на правах рекламы.) от запора своей второй половине. А тут такое странное поведение пассажира, который, к слову сказать, сразу ей не понравился. Это заставило её почувствовать знакомые позывы, которые она только что предполагала вызвать у своей второй половины (А ведь кондуктор была крепким орешком и не раз только своим видом, разгоняла прочь таких нервных пассажиров. Хотя людей всегда пугает непонятное, что, наверное, и заставило её ощутить этот страх.).

– Да что же он такое делает? – всё больше впадая в панику и прижимая всё сильнее к себе сумку с выручкой, размышляла кондуктор. – Неужели на нём одета маска, но тогда зачем? – дрожащим нервным внутренним голосом размышляла она. – Неужели он хочет взять меня в заложники и угнать автобус куда-нибудь за границу (Естественно, она имела в виду границу МКАДа, где жизнь совсем не та.)? И зачем я только была столь невнимательна к нему и позволила себе грубость? – укоряла кондуктор свой нрав.

– Но он вряд ли может действовать без сговора с водителем, – посетила проницательность кондуктора, которая на досуге любила почитать женские детективы и, можно сказать, теоретически была подкована, так что могла разобраться во всех этих преступлениях и заговорах, ниточки которых всегда ведут к тому, на кого сразу и не подумаешь.

«Васильич, прости меня за то, что я не всегда выполняла план и иногда утаивала выручку, – молила она водите-

ля и ввиду существующих обстоятельств не выказывала себя ничем. Только её взгляд, полный мольбы, говорил, что впредь она будет более ответственно подходить к выполнению плана, чем обеспечит премией Васильича, который, видимо, не выдержал существования без премии и, поддавшись на уговоры этого человека в маске, решил угнать автобус. – Но если всё-таки Васильич является тем мозгом, который организовал это преступление, то пусть он не думает, что уйдет от возмездия и, несмотря на то, что его последний волосок с головы упал ещё в прошлом веке, я отыщу их корневые остатки и, не обращая на его мольбы, повыдергаю их все до последнего», – всё-таки влезла в разговор язвительность кондуктора.

В свою очередь, кажется, Олег устал от усердия крутить свои щеки и, подняв паспорт, приступил к его изучению. Тот, по всей видимости, не переставал удивлять своего владельца, выдавая ему всю его записанную подноготную. Прочитав свои инициалы, кажется, Олег наконец-то стал просто Олегом. Хотя он почему-то... хотя почему? А потому, что после увиденного отражения он ожидал увидеть в графе «имя» запись «Алексей», которая, как говорилось выше, удивила его именем Олег. Но почему же так получается, если с Алексеем у него ассоциируется совсем другой человек: его одноклассник, а он, как оказывается, внешне выглядевший как Алексей, чувствует себя сторонним человеком, правда, кем, тоже остается совершенно непонятным. Но почему то-

гда его связь с внешним миром ограничивается через этого Алексея, о котором он знает только то, что они с ним когда-то вместе учились, что, впрочем, тоже не наверняка, так как он ничего об этом не помнит. Но, так или иначе, Олегу придётся в поисках себя отталкиваться от этого мифологического Алексея, которого он, возможно, тоже придумал, сидя в одиночестве и чокаясь со своим отображением в бутылке с надписью на этикетке «Алексеевка».

Что ж делать, и Олег продолжает листать паспорт, который даёт ему подсказки о его месте жительства, и том, что он, возможно, там живёт не один, а именно с некто гражданкой К. Марией. Она является его с такого-то года законной супругой, к коей ещё прилагается двое разнополых детей десяти и двенадцати лет. Что же он мог сказать по этому поводу, кроме того, что имя его супруги ему даже очень понравилось. Да ничего, что, надо признать, не сильно обрадовало Олега, да и Мария, вероятно, была бы не в восторге, услышав такое о себе (А ведь, паразит, клялся помнить её всю свою жизнь. Да, права была мама, когда говорила, что его словам грош цена.). Правда его мнение о её имени даже немного польстило её, так мало слышавшей от него комплиментов.

Ладно, жена... Она и при здравой вашей памяти, дабы не отягощать вас в её отсутствии, как всякий заботящийся близкий человек не загружает её лишними мега-данными о вашей несвободе. Так что вы, с легким сердцем, пока можете гулять по жизни, правда, при этом не забывая

не загуливать. И только уже придя домой, ваша память вновь включает эту на время отключенную ячейку под названием «Ваше семейное положение». Но то, что он не помнил своих детей, очень сильно его встревожило. Ведь это ему казалось странным. Видимо, какие-то вещи в нём, как инстинкты, всё-таки остались функционировать. Так вот, как помнило его естество, зов крови должен нести в себе генетическую память, и он, по крайней мере, должен был бы почувствовать свою кровь и плоть. Хотя опять же, он их ещё не видел, так что можно сделать на это поблажку, только непонятно кому, ведь кроме природы и Олега, как её творения, здесь больше никого нет.

Ну а кондуктор не в счет. Правда она между тем, видя, что пассажир не пытается достать пистолет и предъявить свои требования, на которые она, как человек с принципами, никогда не сможет пойти, даже если они, эти требования, не будут идти в разрез с её желаниями, немного успокоилась. Что также могла бы, со всей ответственностью подтвердить и её вторая половина, ежедневно испытывающая на себе крепость этих принципов, не дающих ему спокойно жить.

Правда, в один момент кондуктору пришлось призвать всю свою мужественность, которой, к слову сказать, было гораздо больше, чем женственности. А случилось то, что её странный пассажир вдруг поднялся с места и посмотрел на неё, как ей показалось, глазами полными адского огня. Что неудивительно, раз он, по мнению кондуктора, навер-

няка был одним из верных адептов самого Сатаны. И кондуктор, про себя перекрестившись, уже приготовилась дать ему достойный отпор, применив для этого имеющийся в её арсенале оружия голос, который своим истошным криком мог достать самого злостного безбилетника. А тут ситуация из ряда вон выходящая, и она своим криком: «Мама, помоги!» – даже, пожалуй, лишит дара речи не только этого дьявола, но в запальчивости может зацепить и водителя Василича, который, потеряв душевное равновесие, может не совладать с управлением и выехать куда-нибудь в кювет.

Но этот дьявол, видимо, ощутил всю силу веры кондуктора, не стал её искушать и двинулся вперед по салону автобуса и, остановившись у информационного табло, принялся что-то там для себя выяснять. Затем он повернулся и двинулся назад в сторону кондуктора, которая, заметив, что тот немного прихрамывает, сразу поняла, что только дьявольские копыта и могут служить причиной хромоты этого беса. А то, что он пару раз упал, пытаясь войти в салон автобуса, ею было напрочь забыто. Хотя она сама, наблюдая за этой картиной восхождения, заявляла, что никогда не забудет этой веселой катавасии. Но вот это исчадие ада подходит к кондуктору, и из его рта вырывается, нет, конечно, не дьявольский огонь, своим жаром испепеляющий именно кондукторов, нет, вместо этого он спрашивает её, какая следующая остановка. В другом бы случае, кондуктор весело поддела бы того гражданина, обратившегося к ней с та-

кой наглой просьбой, заявив: «Раскрой глаза, чё, не видишь, что ли, мы уже...». Ну и так далее.

Но сейчас она отчего-то не испытывала большого желания острословить, видимо, посчитав, что её собеседник ещё больший острослов, который может к тому же аргументировать свои слова действиями, угрожающими целостностью её зубов. А так как она, приверженец унитарного зубообразования, а не её федерального собрата, для которого у неё недостаточно финансовых средств, то она с некоторым подобострашием заполнила прорехи в незнаниях этого милого пассажира. Ну а тот, после получения информации, зачем-то посмотрел в окно, в котором, кроме пугающей темноты, ничего не было видно (А у него наверняка глаза уже стали привычны к темноте ада, где в заревах костров он наблюдал за поджаркой грешников.), сказал спасибо и вернулся на своё место. Это позволило перевести дух кондуктору, которая уже всё прокляла, и как только они приедут в парк, уже собралась увольняться.

Олег, сверившись с кондуктором об их примерном следовании со схемой маршрута, на этот раз был приятно удивлен тем, что ему не придётся делать пересадки, и что адрес его прописки, указанный в паспорте, попадает в сферу ответственности данного автобусного маршрута. Это может говорить о том, что он, возможно, сел на автобус недалеко от своего дома, либо просто уснул и проехал свою остановку. Так что надо будет потом взять эту схему и подробно её изу-

чить, дабы прояснить для себя, где же он всё-таки мог сесть в него. Конечно, можно было бы об этом спросить у кондуктора, но почему-то такая простая мысль в тот момент не посетила Олега, предоставив поработать новичкам: задним за тылочным изгибом, которые дальними обходными маневрами смоли бы привести в нужное место.

Но вот Олег, определив для себя ближайшую задачу, заключающуюся в следовании к месту своего возможного проживания, немного успокоился. Ведь ничто так не отвлекает, как занятость, даже если она связана с вашим бездельем. Но стоило Олегу только подумать о том, что же всё-таки его там может ожидать, как он сразу ощутил определенное беспокойство, уже связанное с возможным знакомством как со своей записанной в паспорте женой, так и с детьми.

Между тем автобус стал немного наполняться такими же потерявшимися во времени пассажирами. Так, в него зашла парочка, которая напрочь забыла о времени, ввиду ненаблюдения за столь мизерным фактором человеческого бытия, которое не могло волновать тех, кто прикоснулся к вечности под названием «Любовь». Следом зашла веселая компания. Она испила того благостного напитка истины, который требовал от вкусивших его, забыть о всех печалях, которые в первую очередь несёт время. И, надо сказать, некоторые из этой веселой компании столь сильно вняли голосу истины, что для них всё происходящее уже осталось вне времени и его памяти, это было понятно по их замутненному взгляду.

Кроме этой праздной публики, салон автобуса наполнила и публика из числа тружеников вечерних смен, чья угрюмость сама говорила за них, намекая, что ночная смена не слишком-то увлекательное занятие. Они бы с удовольствием присоединились к этой весёлой компании, топящей остатки своего разума в бутылке с чем-то очень притягательным для них, чем всю ночь, не смыкая глаз, борются со сном. Ведь стоит только вам просто моргнуть обоими глазами, то уже сон тут как тут, и вы раз, и не заметили, как уткнувшись в стол головой, дремлете со сладкой улыбкой. Но главное – это то, что эту оплошность почему-то в одно мгновение замечает ваш напарник, для которого ваша дремотная улыбка кажется насмешкой над ним, и он с возмущением заявив:

– Да сколько можно спать, – хлопает дверьми и уходит на обход объекта.

Вы, конечно, смогли бы ему ответить на этот каверзный вопрос, заявив, что и вечность для вас не предел. Но данная ситуация вам кажется не совсем подходящей, и вы намереваетесь возникший вопрос решить миром. Да и вообще, разве это вы улыбались? Нет и ещё раз нет. Ведь это сон, убаюкав вас, привлёк особенно сладкие сновидения и тем самым взял над вами контроль. А улыбка на вашем лице – это и есть работа сна, который тем самым ознаменовал свой триумф над вашим сознанием, имевшим наглость заявить о своей большей значимости в жизни человека. На что сон имел свою от-

личную точку зрения, снисходительно заявляя: «Да уж, видели мы таких сознательных».

И вот что теперь делать этому ночному охраннику, так не вовремя, да и вообще только на секунду, уснувшему на посту? А делать нечего, и он идёт к напарнику, чтобы объяснить ему, что почём, но стоило ему переступить порог второго поста, как доносящийся оттуда храп вновь повышает его самооценку. И теперь уже он в приступе праведного гнева заявляет заснувшему товарищу.

– Ну что. Опять спим.

На что получает ожидаемый ответ в виде застигнутого врасплох сонного взгляда его напарника, который естественно божиться, что он всего лишь размышлял. А то, что он закрыл глаза, то для него это логично, ведь так ему лучше думается.

– Ну-ну, – только и говорит первый напарник, качая головой, и возвращается назад к себе, чтобы уже теперь наверняка не прозевать своего коллегу, появляющегося всегда так некстати.

Автобус меж тем уже колесил среди ярко освещенных улиц города. Яркость их огней наполнила души угрюмых и не очень пассажиров чуточкой, но всё же радости. Кондуктор, как только появились следующие пассажиры, по мере наполнения автобуса начала обретать всё большую в себе уверенность. И теперь в её взгляде уже нельзя было обнаружить тех черточек неуверенности и какого-то там страха, ко-

торый, если хотите знать, из-за слабого освещения в салоне автобуса всего лишь вам померещился. А так, если что, то она любого козла в бараний рог скрутит. «Эй, там, не забываем обилечиваться!» – оглашает салон звучный голос кондуктора, не оставляя сомнения в истинности её слов, даже и у тех кто имеет с собой проездной.

«Но вот, кажется, приехал», – всматриваясь в окно, размышляет Олег, не замечая ничего, что могло бы наполнить его память своими особенностями. Автобус останавливается и Олег, чувствуя волнение, выходит из автобуса, вдруг ставшим для него таким родным, который, со своей стороны, ничем не выказывает тёплых к нему чувств, а, оставаясь холодным ко всему приходящему. А иначе никак нельзя, ведь все твои сидения будут исполосованы выражениями искренней привязанности, при чём совсем не к автобусу, а к какой-нибудь посторонней личности типа «Серый-козел» или ещё что-нибудь в более нецензурных выражениях. Так что автобус, обдав Олега выхлопами газов из трубы и брызгами воды из-под колёс, тронулся дальше по своим делам, оставив его наедине со своими проблемами. И только брошенный на него сквозь окно взгляд кондуктора дал понять, что он не остался незамеченным в этом мире.

Но куда идти дальше, Олег не очень-то представлял, хотя в тот момент, когда он ознакомился с адресом своей прописки, ему почему-то этот вопрос не казался существенным. В глубине души он надеялся, что, прибыв по адресу своего

проживания, сразу же, без труда всё узнает. Но действительность совершенно не отвечала его пожеланиям, и находящиеся перед ним дома ничем не высказывали своей предрасположенности, хмуро, с подозрением, как не свои поглядывали на него.

«Что ж делать?» – в очередной раз задался вопросом Олег и, вновь не найдя точного ответа на него, положившись на авось, на этот универсальный GPS-навигатор, на который каждый потерявшийся в этом мире путник может рассчитывать в экстренных случаях, направился туда, куда глаза глядят (Что является обязательным условием при использовании этого универсального прибора.). Правда, не забывая при этом вглядываться в название улиц и номера домов.

Рано или поздно, лучше, конечно, вовремя, Олег, не имеющий ничего против любого из этих временных предложений, добрёл до нужного дома. Глядя на него, он попытался включить воображение и представить, где и как он живет. Но воображение, не имеющее под собой никаких основательных представлений, не выказало ему никаких желаний представляться и вообще, вообразив о себе не зная что, осталась глуха к работе мысли Олега, призывающей её к себе на службу.

Вот так и бывает в жизни, стоит тебе оступиться и ослабить контроль, как все, все забили на свои обязанности по несению службы. Олег ещё раз посмотрел на окна дома и, включив логику, попытался понять, где всё-таки находятся

окна его дома. Из поверхностных расчётов и знания номера квартиры, он с точностью до примерного решил, что вон те, по крайней мере, два окна. Количество комнат в квартире так и осталось невыясненным, а так одно окно под кухню, ну а второе под зал, как минимальный вариант, вполне отвечает наличию двух окон. Так что вон те два окна, в одном из которых видна синева от работающего телевизора, вполне можно назвать своими. А раз там хоть какой-то свет имеется, значит, кто-то его ждёт или, наоборот, совершенно не имеет желания его видеть. Это и остается выяснить, поднявшись на второй этаж и постучав или позвонить в дверь.

«Хотя, кажется, есть ключи», – подумал Олег, доставая из кармана связку ключей, что ввиду массивности связки, состоящей даже не из пары, а из десятка ключей, не слишком-то облегчило ему задачу. Правда, внимательное рассмотрение ключей увеличило его шансы на правильный подбор подходящего, так в связке был замечен один, выдавший себя необычной формой. Явно автомобильный, не относящийся к этой жалкой пародии на ключи, дальний родственник дверного ключа. В автомобильном ключе сразу была видна порода, намекающая всем своим видом на ценность той лошадки, которую он может завезти с полуоборота. Он, вследствие своей важности, всегда так напыщен и раздут, что с трудом помещается в ладони, но при этом обладает особым магнетизмом, заставляющим при его приближении и нажатии на определенную кнопку воздействия раскрыть

перед вами объятия вашей такой любимой ласточки, которая, впрочем, любит не вас, а только того, в чьих руках и оказывается этот заветный ключ от её сердца.

«У меня есть машина и, похоже, я умею водить, что уже не плохо, – сделал вывод Олег, рассматривая этот пугающий ключ. – И, судя по марке автомобиля, двух окон в квартире для обладателя такой машины будет явно недостаточно», – работала его мысль.

Перебрав остальные ключи в руке, Олег больше никак не смог их идентифицировать. В связи с чем, оставалось одно: подняться и там методом тыка, подобрать подходящий ключ, что, конечно можно проделать без проблем, если ты уверен, что открываешь собственную дверь своей квартиры. Но пока существует вероятность обратного, то ты не столь решителен в своих действиях. И Олег, подойдя к заветной двери, стоит, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь найти для себя приемлемый вариант дальнейших действий. Внешне дверь не особо отличается от других установленных в подъезде – первое, что определил для себя Олег. Затем он изучил замочные скважины, пытаясь визуальнo их сопоставить с ключами, имеющимися у него.

«Кажется, есть сходные как ключи, так и отверстия для них», – прикидывает он, тем не менее, не спеша вставлять их в замочные отверстия. Теперь его посещает мысль о том, как всё-таки ему надо будет себя вести, если он попадет в квартиру. Конечно, есть опять же универсальный ответ. К нему

прибегают в особенности часто те, которые вышли за хлебом в тапочках на пять минут и вернулись через неделю, объясняя своё отсутствие невероятным стечением обстоятельств, что, в принципе недалеко от истины. Но всё же их объяснения строятся на одной цементирующей все эти обстоятельства, а именно положиться на судьбу и сказав: «Как карта ляжет», не забыв при этом взять в напарники бога, устремиться навстречу неизвестному. Но опять же у всех этих любителей приключений есть в запасе обстоятельства, манипулируя которыми можно добиться нужного для себя результата.

У Олега же за спиной не было никаких обстоятельств, от которых он мог бы отталкиваться. А заявлять с порога, что он, не зная, кто такой, пришёл, не зная куда, он отчего-то не имел полнейшего желания, что, честно сказать, уже несколько напрягало его в плане естественного хода вещей. С другой стороны, можно сказать, что он обладал очень огромным состоянием, которое по нынешним меркам не всем по плечу вынести. А именно ему нечего было терять, что даёт такие возможности, какие и не снились самому наипоследнейшему какому-нибудь Ротшильду или наиподлейшему Рокфеллеру, которые, глядя на таких обладателей неземных богатств, вдруг неожиданно для себя возьмут и расслабятся, выдавив из себя скупую слезу, ну а других у них нет, да и на другую они не имеют права и средств. Чем как раз и обладают не имеющие ничего, разве что кроме крыльев за спиной, и умеющие плакать и смеяться подобно

детям, радуясь каждому светлому дню.

Но Олег почему-то медлит, что даёт нам право предположить, что ему всё же есть что терять, правда он пока сам об этом не может знать. Но интуитивно как будто чувствует, что выдает нам стоящую за всеми его действиями очень смутную надежду, которая своими намёками не дает ни сна, ни покоя всем бредущим в тумане неосознанности к своей цели в жизни. И чтобы достичь её, ему необходимо либо сохранить своё лицо, либо в случае обострения хотя бы не ударить им в грязь. Вот это лицо и есть то, что он не хочет, по его мнению, потерять, что, конечно, странно в его случае, ведь для него совершенно не ясно, какое у него лицо: то ли отъявленного подлеца, то ли, что мало вероятно, нетронутого цивилизационными процессами девственного праведника. Но разве можно что-либо доказать, имеющим своё «я»? Для них, какое бы оно не было, оно именно их и другого им не надо.

Ну всё, кажется, Олег решил. Протягивая руку, он нажимает на дверной звонок, звук которого, к его удивлению, ему знаком, чем вызывает надежду на благополучный исход дела. Правда, приближающиеся к двери шаги вновь заставили нервничать Олега, запустив на всю катушку его сердце.

«Шорк – это я иду, шорк – а это я иду. Шорк – а кто там звонит, шорк – очень интересно, кто бы это мог быть? Шорк – я, кажется, догадалась, шорк – да, я так же думаю», – так и звучали голоса подступающих вплотную к две-

ри чьих-то ног в голове Олега. Вот слышны повороты ключа в двери, после чего она не полностью раскрывается перед ним, и Олег, находящийся на свету, сразу не может увидеть открывшего ему дверь. Прищурившись, наклоняет голову в сторону проёма двери, из темноты которой он только и успевает заметить очертание руки, стремительно приближающейся к нему.

Глава.9

Встречная толчковообразная глава

– Ну, я смотрю, ты верен себе, – оторвавшись от экрана монитора ноутбука, после того, как вновь разбавил кислотность своего организма глотком газировки, заявил Алекс.

– Я тебе ещё раз повторяю, что именно такое окончание главы позволяет мне не только зафиксировать внимание на продолжении, но и даёт возможность, если что пойдёт не так, изменить дальнейшее направление действия сюжетной линии. Это своего рода точки сохранения, от которых я могу плясать дальше, – контраргумент Грега.

– Не надо мне тут зубы заговаривать, я-то знаю, что распутье для тебя – любимый участок дороги, – сделал вывод Алекс, подмигивая Грегу, который, видимо, не нашёл, что на это ответить, или же просто в этот момент его рот был занят пережёвыванием куска пиццы. А все дело в том, что наши приятели в этот неурочный час, который настойчиво указывал на время обеда, находились в уже знакомом для нас кафе. Туда Грег и захватил с собой это современное сред-

ство коммуникабельности, которое таило в себе помощника на все случаи вашей креативной жизни. Наверное, Грег решил не дожидаться окончания рабочего времени по ряду только для него известных причин и предоставил Алексу возможность совместить приятное с полезным, ознакомив его с продолжением повести о неизвестном человеке.

Хотя почему человек сначала делает одно дело, а затем последующие, не всегда понятно даже ему самому, за исключением, конечно, его естественных взаимоотношений с природой. Нет, всё-таки почему, он отдаёт предпочтение одному делу перед другим, и чем оно так его завораживает? Хотя, имея небольшую опытность в такого рода делах, могу предположить, что здесь немалое значение имеет трудоёмкость дела и в первую очередь стараешься избавить себя от проблем с наиболее сложным вопросом. Это даёт нам основание думать, что за всем этим стоит ваша лень, которая так и ждёт, когда же наконец, можно будет отложить всю эту суету и спокойно полежать на диване. В общем, по моему мнению, именно лень выносит окончательное решение о выборе вами предпочтительного дела, и при этом, даже не ставя вас в известность. Ну а тот, кто не согласен с моим предположением и, если ему не лень, может оспорить моё заявление в порядке, предусмотренном его ленью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.